

**Вестник
Верхне-Волжского
отделения Академии
военно-исторических
наук**

VIII-IX

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Рецензенты:

В.Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор;
А.В. Лубков, доктор исторических наук, профессор

Вестник Верхне-Волжского отделения Академии военно-исторических наук [Текст] : материалы научной конференции. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. – 156 с.

Редакционная коллегия:

В.Т. Анисков, заслуженный деятель науки России, доктор исторических наук, профессор, председатель Верхне-Волжского отделения Академии военно-исторических наук (АВИН) (гл. ред.);

М.В. Новиков, заслуженный деятель науки России, доктор исторических наук, профессор, действительный член АВИН (отв. ред.);

С.Н. Картавий, кандидат исторических наук, доцент, действительный член АВИН, ученый секретарь Верхне-Волжского отделения АВИН.

© ГОУ ВПО «Ярославский
государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского»,
2009

© Авторы материалов, 2009

© А.С. Желтобрюх

Противоречивые факты походов Александра Македонского

Исследование, основанное на литературных фактах

Походы Александра Македонского – одно из наиболее ярких событий древности, и поэтому они привлекают к себе повышенное внимание историков.

Современные историки пользуются данными из посвящённых Александру Македонскому произведений античных биографов. Однако все они жили спустя 250–450 лет после описываемых ими событий и были скорее литераторами, чем историками. Но, несмотря на это, приводимые в их сочинениях сведения и цифры многие считают неоспоримой истиной, не давая себе труда критически отнестись к написанному. В последнее десятилетие вышло ряд произведений, позволяющих выявить противоречия трактуемых фактов из жизни А. Македонского.

Каковы же были причины, заставившие Александра во главе нескольких десятков тысяч человек идти в Азию? Принято считать, что это было желание отомстить персам за греко-персидские войны, разрушение Афин и прочие неприятности. Но Александра Македонского отделяло от этих событий полтора века и мстить потомкам воинов царя Ксеркса было бы так же бессмысленно, как нам предъявлять сейчас претензии Великобритании и Франции за Крымскую войну и разрушенный Севастополь. **Настоящей же причиной** было желание установить контроль над поставками хлеба в Элладу. Своего хлеба в Греции выращивалось очень мало. Основной поток хлеба шёл на Балканы из принадлежавшего персам Египта. Именно Египет и был главной целью Александра Македонского.

Этот поход был подготовлен отцом Александра – Филиппом II. Но из-за гибели Филиппа вторжение было ненадолго отложено. После подтверждения своих прав на трон и устранения других претендентов Александр отправился к Геллеспонту и возглавил поход. Больше он не вернётся на родину, и Греция будет интересовать царя лишь как источник новобранцев и денег.

Армия Александра

Армия Александра, как и большинство армий того времени, состояла из пехоты и конницы. Главной ударной силой армии была фаланга, состоявшая из тяжеловооружённых пехотинцев-гоплитов. Понятие «македонская фаланга» стало своего рода брендом той эпохи. По мнению военных историков, это выглядело следующим образом. **Большая фаланга** состояла из 16 384 человек (1024 человека по фронту и 16 шеренг в глубину). **Колонна** из 16 человек по фронту и 16 в глубину (256 человек) называлась **синтагмой** и являлась наименьшим тактическим подразделением. **16 синтагм образовывали малую фалангу**. Четыре малые фаланги составляли большую фалангу. Длина копий шеренг постоянно увеличивалась. Первые шесть шеренг вооружались копьями-сариссами длиной от 2 до 6 метров, и таким образом достигалось шестикратное усиление на фронте фаланги.

Однако такая структура была слишком сложной для провинциального дворцового ополчения, которым была македонская армия при Филиппе. Так построить фалангу можно было только один раз – на учениях перед войной. Армия несла неизбежные потери в боях и на марше, пополнение подходило нерегулярно, так что собрать именно 16 384 человека для каждого нового сражения было крайне проблематично. Более того, никто не указывает, какая была длина копий, начиная с 7-й шеренги. Если тоже 6 метров, то, поскольку первые ряды всё же гибнут в бою, сколько сарисс ни выставляй, их место занимают стоящие сзади воины, и через некоторое время сариссофор (так называли копьеносцев) из бывшей 6-й шеренги с шестиметровым копьем мог оказаться в первом ряду. А поскольку ряды уничтожались неравномерно, то могло получиться так, что его сосед был бы вооружен 4-метровым копьем, а где-то рядом – и вообще 3-метровым. Воевать в таких условиях было невозможно. Поэтому будет правильно полагать, что гоплиты Александра были вооружены одинаковыми копьями, а удлинённые копья появились позже – ко времени войн Македонии и Рима.

Все авторы книг о походах Александра Македонского единодушно пишут, что исход сражений решала атака его тяжелой конницы – **гетайров**. Так называли молодых людей из маке-

донской аристократии. Те, кто пишет об этом, забывают, что коннице Александра Македонского было далеко до кавалерии наполеоновских войн – она не могла, например, передвигаться строем по полю боя и совершать маневры. Связано это, прежде всего, с тем, что каждый воин приходил в армию со своей лошадью, а они могли очень сильно отличаться друг от друга размерами, скоростью и выносливостью. Кроме того, каждый воин был обучен только индивидуальному бою и не мог действовать совместно с другими. В результате любой построенный перед сражением боевой порядок неминуемо рассыпался, и сражение вели уже отдельные всадники. Сёдла и стремя тогда не было, поэтому ехать верхом можно было, только держась за гриву коня. А если вспомнить, что на войне были панцирь и шлем и что ему надо было держать копье и щит, то становится понятно, что большую часть усилий всадник тратил на то, чтобы не упасть. Поэтому более правдоподобной является следующая гипотеза. Македонская конница была драгунской. Она заходила врагу в тыл, где воины спешивались, строились и дальше действовали как обычная фаланга, атакуя врага вместе с пехотой.

Начало создания империи

Греко-македонская армия беспрепятственно вступила в Азию. Находившийся на службе у царя Дария III греческий полководец Мемнон предложил бороться с Александром тем способом, который в XX веке назовут «тактикой выжженной земли», то есть отходить в глубь страны, уничтожая всё за собой. Это могло бы дать результат. Армия Александра, не получая вожделенной добычи, стала бы роптать.

Однако персидские сатрапы, опасавшиеся, что при этом пострадают и их владения, отклонили план Мемнона и настояли на генеральном сражении. Решено было дать бой у Граника – речки, впадавшей в Мраморное море. Персы, ранее подошедшие к Гранику, заняли более удобную позицию на высоком берегу реки. В первой линии персидской армии в центре находились лучники, на флангах – конные воины. Позади них стояла фаланга греческих наёмников. Персам принадлежали греческие города на Эгейском побережье Малой Азии, где они могли вербовать воинов, умеющих сражаться в строю фаланги. Персидская кон-

ница должна была сбрасывать в реку переправлявшихся македонян, а задачей наемников было атаковать пехоту, если она переправится.

Македонская армия развернулась для боя прямо с марша, и Александр приказал авангарду, усиленному конными разведчиками и стрелками, начать переправу на правом фланге. Первую попытку форсирования реки персы отбили, поражая противника стрелами и дротиками. Македонский авангард был почти полностью уничтожен.

Видя неудачу, Александр лично повёл правое крыло своего войска в атаку. В ожесточённом бою отряд Александра сумел отгеснить персов от берега, затем через реку переправилась остальная армия. Фронт персов был прорван. Александр не стал их преследовать, а всеми силами атаковал фалангу греческих наёмников – фалангой с фронта и конницей с флангов и тыла.

Согласно Арриану, македонцы потеряли 85 всадников и 30 пехотинцев. Это маловероятно, так как из его повествования вытекает, что македонцы убили 18 000 наёмников. Но фаланга профессиональных греческих наёмников – это не те люди, кто дешёво продавал свою жизнь.

Победа при Гранике открыла македонскому завоевателю доступ в Малую Азию. Один за другим греческие малоазийские города без сопротивления сдавались Александру. Только богатые и могущественные Милет и Галикарнас, которым неплохо жилось и при персах, не пожелали признавать власть завоевателя, поэтому были взяты штурмом.

Принято считать, что после взятия Милета Александр распустил свой флот, и этот поступок объясняют двумя причинами. Содержание флота стоило дорого, а Александру катастрофически не хватало денег. Кроме того, он понимал, что его флот уступает персидскому хотя бы по численности и поражение в генеральном морском сражении плохо скажется на лояльности греков.

Тем не менее всё могло быть иначе. Флот пришлось распустить из-за отсутствия моряков. Сражаться с копьём в фаланге было гораздо выгоднее, чем работать веслом на просторах тылового Эгейского моря. Поэтому личный состав плавно перетёк с кораблей в пехоту. Александр победил той же самой пехотой.

Она, двигаясь вдоль побережья Средиземного моря, брала один город за другим, лишая флот Дария его баз.

Александр продолжил путь в Египет. На реке Пинар у города Исс – на границе современных Турции и Сирии – состоялась его вторая битва с персидским войском, которым командовал сам царь Дарий III. Персидское войско снова было построено в две линии. В первой, как утверждают древние авторы и более поздние историки, находились греческие наёмники (20 тыс. чел. по Арриану и 30 тыс. – по Руфу), а за ними – союзники персов.

Возникает закономерный вопрос: откуда могло взяться такое количество наёмников, если 20-тысячный (если верить тому же Арриану) отряд греков был уничтожен у Граника и Дарий уже потерял свои владения в Малой Азии, основном источнике набора греческих наёмников. Все греческие государства, кроме Спарты, были в союзе с Александром и объявили войну против персов национальной, а всякого эллина, поднявшего оружие против союза с македонским царем, – предателем. Поэтому найти желающих воевать за Дария в таких условиях было трудно.

В этом сражении Александр нанёс поражение персам, а Дарий бежал с поля боя. Мать, жена и две дочери Дария стали пленницами. Победителям достались огромный обоз персов, масса драгоценной утвари и три тысячи талантов серебра из походной казны (1 талант = 25,5 кг). Теперь проблема жалования войскам для Александра была решена надолго.

В качестве выкупа за семью Дарий обещал Александру «столько денег, сколько мог бы собрать со всей Македонии» и предлагал ему стать другом и союзником. Но Александр уже видел себя царём Азии и его нисколько не заботила законность передачи власти. Поэтому в своём ответе Дарию он после стандартных обвинений персов во всех грехах писал: «Я теперь владыка всей Азии; приходи ко мне... В дальнейшем, когда будешь писать мне, пиши как к царю Азии, а не обращай как к равному...».

Так началось создание огромной империи, неограниченным хозяином которой стал Александр, мечтавший быть властелином мира.

Библиографический список

1. *Воронкова, Л.* Сын Зевса : В глубинах веков [Текст] : повесть. – М. : ТЕРРА; Уникум, 1998. – 896 с.
2. *Геродот.* Греко-персидские войны [Текст] / Пересказ Горбушиной. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб «Уникум», 1998. – 320 с.
3. *Киселёв, Е.* Походы А. Македонского – правда и вымысел [Текст] // Независимое военное обозрение. – 2005. – № 7. – С. 8.
4. *Манфреди, В.М.* Александр Македонский: Пески Амона. – М. : ОАО «Льюкс», 2004. – 414 с.
5. *Манфреди, В.М.* Последний легион : роман. – М. : АСТ, 2005. – 521 с.
6. *Плутарх.* Знаменитые греки / Пересказ М. Ботвинника. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб «Уникум», 1998. – 320 с.
7. *Фомичёв, Н.* Не заслоняй мне солнца, царь! : повесть. – М. : ТЕРРА; Уникум, 1998. – 896 с.
8. *Эббот, Дж.* Дарий Великий. Владыка половины Древнего мира / пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2003. – 222 с.

© Н.П. Филиппов

Русский офицерский корпус как зеркало истории России

Великая Отечественная война возродила образ офицера как своего лучшего представителя и защитника Отечества. Поистине не было в 20–30-е годы в России более ненавистой фигуры и образа, чем образ русского офицера. Быть «бывшим офицером» или находиться в родстве с ним означало носить на себе печать отверженности, быть не то что человеком «второго сорта», а элементом почти преступным.

Полковник Русской армии В.М. Кульчицкий в своей книге «Советы русского офицера» писал, что «первая и главная обязанность солдата – верность Отечеству и власти, поставленной волею народа у руля государства. Без этого качества человек не годен для военной службы. Целостность России и поддержание её престижа основаны на силе армии и флота – их положительные качества и недостатки отзываются по всей стране. По-

этому не твоё дело впутываться в социальные вопросы и политические умствования; твоё дело неуклонно выполнять свои обязанности» [1].

На практике, в повседневной деятельности офицера, утверждалось правило: офицер не должен совершать действия, могущие бросить хотя бы малейшую тень на него лично и тем более на коллектив офицеров. При этом всегда финансовые возможности офицера были ограничены. Например, в дореволюционной России в конце XIX – начале XX века форма стоила достаточно дорого: мундир – 65 руб. (в коннице – дороже), китель – 25 руб., сапоги – 20 руб. Между тем подпоручик получал 70 руб., поручик – 80, штабс-капитан – 90, капитан – 105 руб. При этом часто офицеры не имели жилья, где стоял полк. А «квартирные», размер которых определялся разрядом города, составляли по I разряду – 25 руб. (Санкт-Петербург), по IX – 8 руб. (провинциальные города). В Киеве, Одессе «квартирные» равнялись 22 руб. 69 коп. Квартирных денег не полагалось, если офицер получал жильё при казарме. Некоторым должностным лицам выплачивались «столовые»: адъютанту – 8, командиру роты – 30, штаб-офицерам от 55 до 150 руб. в месяц; небольшие «столовые» получали и начальники команд разведчиков и службы связи. Жалованье капитана – офицера, прослужившего 20–30 лет, – равнялось 140–150 руб. Надо сказать, что в те времена в таких городах, как Киев, Одесса, Харьков, снять квартиру из 3–4 комнат можно было за 30–50 руб., расходы на питание одного человека в семье составляли 15 руб. Вследствие этого офицеры довольствовались самой скромной пищей, потому что на разносолы не хватало жалованья.

При этом денежное довольствие выдавалось не полностью – существовало немало обязательных вычетов: в пенсионный и эмеритурный капиталы (то есть в казну); в заемный капитал офицеров полка; в полковое собрание на его содержание и библиотеку при нём; в особый фонд для приобретения офицерского походного снаряжения (кровати, погребцы и т. д.). Были ещё вычеты, которых ни законы, ни приказы не предусматривали, но совершенно неизбежные: обычай требовал, чтобы каждому сослуживцу при переводе, отставке делали небольшой подарок на память и провожали обедом или ужином; принято было

отмечать войсковые торжества (например, полковые праздники). Это были не кутежи, а скромные трапезы дружной полковой семьи [2]. Связанные с этим затраты раскладывались на всех офицеров части и несколько отягчали их бюджет.

Кроме того, офицерам предписывалось вести образ жизни, соответствовавший их достоинству: не ходить в рестораны II и III классов; не занимать в театрах (кроме императорских) места далее пятого ряда кресел; не носить на улице пакетов с покупками (оплачивать доставку их на дом); вращаться в обществе, то есть в среде лиц соответствующего уровня, а это было связано с визитами, с приёмом гостей, посещением балов, благотворительных базаров и т. д. Существовал обычай не скупиться на раздачу чаевых при выполнении этих общественных, светских обязанностей. В те времена офицер должен был приехать к знакомым с визитом в наёмной пролётке, а не прийти пешком.

Не случайно в те времена относились к офицеру «как благородному члену своего Отечества, который посвятил себя воинской службе». При этом ни в одном другом сословии не было столь высоких и многочисленных требований к соблюдению офицерской чести, как в воинском. Так, в сочинении капитана французского генерального штаба под названием «Взгляд на обязанности и дух военного звания», изданном в России многократно, есть и такие мысли: «Жертвовать своею волею общему благу, облагораживать зависимость преданностью, твёрдостью и превосходством личных качеств, внушать и заслуживать повиновение, соглашая его с человеколюбием и законами чести, заглушать голос страстей и исполнять свой долг по внутреннему убеждению, не ожидая наград, – вот в чём состоит военный дух, и потому приличнее назвать его военным чувством».

Закономерно, что неписанные правила поведения офицеров поддерживали в обществе его духовность и нравственность. Закономерно и то, что в старых офицерских кодексах, таких как «Правила учтивости офицера (Морской кадетский корпус)», «Чести напоминание (в драгунских полках)», «Истинное понятие чести и фальшивые представления о ней» и др.

Объективно и то, что, принимая на вооружение лучшие традиции дореволюционного офицерства, мы тем способствуем совершенствованию духовных и нравственных основ нашей ар-

мии. Воинская честь опирается на призвание офицера как социальную направленность человека в обществе. Важно при этом видеть высокую государственную значимость труда, содержательность и сложность деятельности, широкие возможности развития, заботы и внимания к человеку воинского долга. Не случайно призвание офицера представляет собой как увлечённость военным делом, так и способность человека к специфической сфере деятельности.

И многие офицеры жили по своеобразному закону: «Если защита Отечества священна, то офицеры – главные священнослужители державы». Так, капитан Соловьев, офицер Восточно-Сибирского полка, писал: «По офицеру судят солдаты о положении дела». А в «Наставлении господам офицерам Нарвского пехотного полка в день сражения» записано: «В обществе офицеров не должно терпеть даже того, кто состоит только ещё под подозрением, что он меньше других своих товарищей имеет готовность ко всякой службе и опасностям. Офицер должен чувствовать в полной мере важность звания своего и что от него зависят поступки и поведение его подчиненных во время сражения». Всегда в нашем Отечестве офицеры гордились своим званием. «Честь дороже жизни» – это аксиома неписаного кодекса. Она передавалась от одного поколения к другому как духовная эстафета, определяющая образ мыслей и действий офицера. Офицерская служба в добольшевистской России стала делом родовым, семейным, наследственным. Многие секреты воинской службы, приёмы овладения мастерством командира и воспитателя передавались из поколения в поколение в качестве отцовских советов. Русские офицеры учили своих сыновей этике взаимоотношений в полковой среде, на личном примере демонстрировали им правила соблюдения офицерской чести. Как вспоминает выпускник Николаевского кавалерийского училища А. Марков, «...каждый шаг юнкера в стенах Школы и вне их, каждая мелочь его быта строго регламентировались традициями. Школа, в своём целом, начиная с командира эскадрона и кончая лакеем, подметавшим дортуар, также руководствовалась в жизни этими неписаными законами, которые слагались годами, сами собой, и необходимы везде...» [3].

Однако поражение России в русско-японской войне 1904–1905 годов потребовало по-новому взглянуть на состояние офицерских кадров. Встречались даже такие оценки офицерского корпуса того времени: «Упадок воинственности и горячего патриотизма в офицерах... привел армию к... апатии, нелюбви к своей профессии и обратил офицера в военного чиновника – робкого, вялого, без инициативы и с большим страхом ответственности...» [4]. Поэтому в этот период происходит переосмысливание многих проблем, связанных с подготовкой офицеров. Как подчёркивал М. Драгомиров, «офицер должен обладать всем тем, чему он хочет научить своих подчинённых. Такой офицер будет близок к солдату, и солдат будет верен офицеру безгранично» [5].

Гражданская война покончила с русским офицерством как социально-профессиональным слоем российского общества. Несколько десятков тысяч его представителей, до конца сражавшихся за Великую, Единую и Неделимую Россию и уцелевших в этой борьбе, оказались за рубежом, рассеявшись по всему миру. Еще несколько десятков тысяч (в том числе служивших в Красной Армии) остались на родине, но к концу 20-х – началу 30-х годов их в несколько волн репрессировали. Сотни представителей русского офицерства, пользовавшиеся доверием властей, дожили до конца 30-х годов, но после очередных чисток из них остались десятки.

Русский офицерский корпус, на протяжении двух с лишним столетий объединявший всё лучшее, что было в стране, и служивший опорой российской государственности, не пережил этой государственности и погиб вместе с нею в разразившейся национальной катастрофе. Понесший огромные потери в Первой мировой войне, он стал затем главным объектом красного террора, и десятки тысяч его представителей нашли свой конец во рвах и подвалах «чрезвычайки». Враждебность к кадровым военным выражалась словами «царские опричники», носившими характер уничижительных суждений об офицерстве.

Судьба русского офицерства глубоко трагична и заслуживает отдельного обстоятельного разговора. Здесь же хотелось особо сказать о традициях русского офицерства.

В первые годы большевистской власти ни о каких офицерских традициях, понятно, речи идти не могло. Новая власть

не только не нуждалась в них, но была откровенно враждебной к любым проявлениям не только внутреннего, но и внешнего родства своего комсостава с русским офицерством. Памятники русским полководцам по всей стране уничтожали, надгробные плиты воинских кладбищ пошли на мощение дорог, а человек в золотых погонах надолго сделался символом и воплощением абсолютного зла. Ненависть к русскому офицерству была столь сильна, что даже во второй половине 30-х годов, когда обозначился объективно вынужденный переход к пониманию национально-государственных задач и, вследствие этого, появились некоторые элементы, свойственные старой русской армии (введение персональных воинских званий, восстановление казачьих войск), отношение к офицерам осталось прежним. О «реабилитации» русского офицерства не было и речи.

Только с началом Великой Отечественной войны положение стало меняться. Маршал К.К. Рокоссовский в своих мемуарах «Солдатский долг» писал: «От поведения командира зависело очень многое. Он должен был обладать большой силой воли и чувством ответственности, уметь преодолевать боязнь смерти, заставить себя находиться там, где его присутствие необходимо для дела, для поддержания духа войск, даже если по занимаемому положению там ему не следовало бы появляться» [6]. О самом Рокоссовском солдатский «телеграф» сообщал: бывший драгун, «География» имел, герой Гражданской войны. Особо подчёркивалось, что четвертый орден Красного Знамени он заслужил в начале второго месяца войны. Это говорило о многом: награждали тогда не часто – отступали все-таки. Его сослуживцы так отзывались о Константине Константиновиче: «Он сам был солдатом в самом высоком и благородном значении этого слова».

Но потребовались еще поражения 1941–1942 годов, чтобы окончательно осознать необходимость обращения к хотя бы внешним атрибутам русских воинских традиций. Акт возвращения золотых погон (вместе со словом «офицер») был, конечно, поворотным пунктом в отношении к русскому офицерству. И хотя он был, в сущности, актом политического мародёрства (погоны как-никак введены после того, как были истреблены те, кто носил их по праву, и теми, кто их истребил), с этого времени началось нечто похожее на посмертную реабилитацию русского

офицерства. Из новых кинофильмов на пятнадцать лет исчезли отвратительные злодеи и карикатурные идиоты в золотых погонах, лихо разрушаемые пролетарскими клинками. Герои литературных произведений, носящие офицерскую форму, сразу обрели человеческие черты и даже некоторые привлекательные моральные качества (вплоть до анекдотической эволюции образа офицера от карикатурного до безусловно положительного в одном из романов, первая часть которого была написана до, а вторая после 1943 года). В газетах стали появляться статьи о русских офицерах апологетического содержания, некоторые из них были позже сведены в книжку, в то время и появилось словосочетание «традиции русского офицерства». Более того, комсостав советских войск был объявлен носителем «лучших» из них.

После Великой Отечественной войны профессия офицера в Советском Союзе стала почётна и уважаема. Однако не всё так просто: «чистки» офицерского корпуса проходили и в 60-е годы и позднее. В 90-е годы офицеров опять пытались «втянуть в политические игры», «вынудили» из танков стрелять по Белому дому, стали судить за якобы «тяжкие преступления» на войне и др. После этого многие были уволены из ВС РФ, а полковника Буданова долго и «показательно» судили. А снижение социальной защищённости, когда офицерам – участникам боевых действий не выплачивали положенные им «боевые» деньги или не давали квартиры инвалидам войны, когда должностные люди говорили, что «мы вас на войну не посылали», опять подрывало престиж офицерской профессии. Кроме того, значительное ухудшение материального положения вынудило офицеров после службы подрабатывать. И это становилось правилом: офицер должен искать дополнительные средства для обеспечения своей семьи. Не секрет, например, тот факт, что большая часть офицеров, обучавшихся в академиях, была вынуждена подрабатывать. Но вот вопрос: может ли офицер, работая, например, ночным охранником, чтобы получить средства для обеспечения своей семьи, затем нормально выполнять свои служебные обязанности или учиться военному делу днём, наблюдая, как некоторые его соотечественники, «отдыхая», тратят огромные деньги в ночных казино и ресторанах? Так кто же в этой ситуации патриот? [7]

В результате этого сегодня офицерский корпус вместе со страной переживают серьёзный кризис. Когда речь идет о новом облике Вооружённых сил, забывается, что этот облик создают люди в офицерских погонах. И сегодня как никогда актуальны слова русского офицера В.М. Кульчицкого, который ещё в начале прошлого века отмечал, что «через ряды армии проходят все возрасты и сословия государства; через них влияние офицерского корпуса распространяется на весь народ. Горе стране, в которой солдат, уходя со службы, уносит отвращение к солдатским рядам». А поэтому необходимо, чтобы во все времена «процветала не только формальная сторона службы, но и моральная».

В современных вооружённых конфликтах и локальных войнах героизм определяется не только силой духа, но и уровнем специальных знаний, воинского мастерства. Суворовский завет: «Возьми себе в пример героя, обгони его – слава тебе» – и сегодня не потерял актуальности. Подвиг невозможно совершить нечаянно. Офицерская профессия по самой природе своей предполагает постоянную готовность к подвигу. И не только в исключительных, пиковых ситуациях. Справедлива народная мудрость: «Старая слава новую любит». В моральном отношении офицерский корпус во все времена не знал равных. Воспитанные в понятиях воинской чести, офицеры как зеницу ока берегли честь мундира.

Таким образом, традициями духовной культуры офицерского корпуса выступают офицерская честь, благородство, готовность к подвигу во славу Отечества. И сегодня это важно осознать. При этом придание нового облика Вооружённым силам должно престиж офицерской профессии возрождать именно на этих традициях, исторически доказавших свою важность для государства, развивать их, а не превращать реформирование Вооружённых сил в очередную кампанию по уничтожению офицерского корпуса России. Традиции, вообще говоря, не такая вещь, обладателем которой можно себя объявить. Их носителем можно либо быть, либо не быть. Захочет ли новое поколение современного офицерства видеть связь между собой и своими далекими предшественниками и считать себя их наследником? Во всяком случае, быть или не быть ему носителем традиций русского офицерства, зависит только от него самого. Но госу-

дарство должно создавать условия для их восприятия молодым поколением, которое в непростое время должно будет взять на себя заботу о защите своего Отечества.

Библиографический список

1. *Кульчицкий, В.М.* Советы русского офицера [Текст]. – Тверь : Русская Провинция, 1996.
2. *Волков, С.В.* Российское офицерство как историко-культурный феномен [Текст] // Военно-историческая антропология : ежегодник. – М. : РОССПЭН, 2002.
3. *Марков, А.* Первые дни в «Славной школе» [Текст] // Военная мысль. – 1954. – № 9.
4. *Семёнов, В.А.* Мысли современного офицера [Текст] // О долге и чести воинской в Российской армии. – М. : Воениздат, 1990.
5. *Драгомиров, М.И.* Избранные труды [Текст]. – М. : Воениздат, 1956.
6. *Рокоссовский, К.К.* Солдатский долг [Текст]. – М. : Воениздат, 1957.
7. *Киселёв, А.А.* Формирование гражданской позиции у будущих офицеров России в современных условиях [Текст] : монография. – Ярославль : Изд-во ЯВФЭИ, 2005.

© О.С. Муняев

Военные реформы в России: история и современность

Военная история – величайшее средство познания. Глубокое её изучение способствует формированию у офицеров широкого мышления и военного кругозора, моральных качеств, характера, помогает им в овладении своей специальностью. Вся военная теория не может развиваться, игнорируя опыт народа, добытый усилиями и кровью многих поколений. Каждая новая общественная формация создавала качественно новую армию, отличавшуюся от армии предшествующего общественного строя принципами комплектования, обучения и воспитания, техническим оснащением, организационной структурой, формами и способами подготовки и ведения военных действий. Однако во всех формах общества армия всегда была и продолжает оста-

ваться орудием государства, основной направленностью которой во все времена было и остаётся поддержание боевой и мобилизационной готовности.

Знания военной истории особенно сейчас необходимы офицеру. Они повышают его общую военную культуру, позволяют глубже проникнуть в тайны своей специальности. Именно исторический подход, учёт конкретного опыта позволяют познать эволюцию военного искусства, проследить основные этапы его развития.

К глубокому сожалению, сегодня Вооружённые силы РФ погружены в глобальное реформирование, приведшее к сокращению численности личного состава и военной техники. Основная масса военнослужащих не знает своего места в развернувшейся военной реформе, отсюда чувство нервозности. Это не лучшее сопровождение серьёзной реорганизации, проводимой в Вооружённых силах.

Само понятие «реформы» у нас часто применяют в его европейском, утилитарном смысле периода «культурного возрождения» или в связи с «религиозно-буржуазной реформацией», в то время как истинный смысл русских реформ – возврат к старым, проверенным историей основаниям на новом витке и в новых условиях развития общества, государства, социальной системы.

Если проследить более или менее «задокументированную историю» русского народа, то можно отметить одно главное её свойство. Все масштабные катаклизмы и потрясения были связаны с кризисом власти, и не было никаких причин говорить о кризисе нации и тем более о национальной катастрофе. Однако затянувшийся кризис власти действительно мог вызвать нежелательные в целом для народа «последствия», даже «упадок и более или менее длительный периоды стагнации» государства. Но такого рода нежелательные явления никогда не прекращали исторического развития русского народа как в чисто утилитарном смысле «наращивания ресурса, экономической мощи и военного потенциала», так и в отношении его духовного развития, в полном соответствии с принципами и законами диалектического развития общественного и государственного строя [1].

И в самом деле, только кризис власти в «форме феодальной раздробленности» вызвал татаро-монгольское нашествие. Но это не остановило развития русского народа в XIII–XV веках. Кризис власти, потерявшей ориентиры в эпоху царя Фёдора Ивановича, вызвал «смутное время», а впоследствии затянувшийся застой средневековой архаики потребовал «крутых петровских реформ» XVIII столетия. Безусловно, кризисные явления самодержавной власти и крепостничество были причиной поражения в Крымской войне в середине XIX столетия и череды революционных потрясений начала XX века. Но ни одно из этих явлений истории не даёт повода говорить о кризисе народа и тем более о национальной катастрофе [2].

Строго говоря, как таковых военных реформ в России было только две. Если не считать реформой не вполне удачные изменения, вызванные сменой политики и внешнеполитическими и экономическими условиями послереволюционного периода столетия.

Первая военная реформа в России XVI–XVIII веков была связана с кардинальной сменой архаично-изоляционистской политики средневековой Руси на стратегический курс державности, силы и мощи империи, в основе которого лежали действительно реформаторские преобразования Петра I, продолженные его последователями. В целом реформа характеризовалась прогрессивными и последовательными преобразованиями в военной сфере, которые были вызваны потребностями текущей политики, наращиванием военного потенциала и незначительными качественными изменениями в техническом оснащении войск. Реформы этого периода буквально вдохнули в сознание народа и армии мощный импульс, основанный на великодержавной идее, национальном достоинстве и одновременно на внедрении рационализма – пользы для Отечества.

Пикового значения реформаторские усилия в этом направлении достигли во время правления Екатерины II. Военная мощь Российской империи была неоспоримой, армия – непобедимой, её вожди – блистательными. Россия вышла к берегам Аляски и Калифорнии, приобрела статус империи. Впервые за всю историю России политика эффективно обеспечивалась присутствием русских войск (сил флота) на зарубежных territori-

ях и в морях за пределами её границ. Было ограничено господство Турции и Швеции на флангах западного стратегического направления и наконец завершилась трехвековая борьба русских князей за выход к рубежу стратегической границы с Европой [3]. В содержательной части «реформа заключалась в переходе к регулярной армии, к системе комплектования, основанной на обязанности всех сословий защищать отечество и служить его интересам».

К более масштабным преобразованиям в армии, получившим наименование «военные реформы 60–70-х годов XIX века», или «милютинские реформы», в России приступили после отмены в феврале 1861 года крепостного права. Реформы готовились и проводились под руководством назначенного в ноябре 1861 года на пост военного министра высокообразованного генерала (с 1898 года генерал-фельдмаршал), либерала по убеждениям Д.А. Милютина. С этого момента во всей деятельности министерства произошёл резкий перелом. «С назначением меня военным министром, – говорил Милютин, – я счёл своей обязанностью немедленно же заняться составлением общей программы предстоящей мне деятельности. Составление такой программы потребовало всестороннего пересмотра и обсуждения всех частей нашего военного устройства» [4]. В основу новой организации армии Милютин положил следующий принцип: «Развивать в наибольшей соразмерности боевые силы в военное время, при наименьшем числе наличных войск в мирное время» [5].

Целью этих реформ ставилось превратить русскую армию в массовую, оснащённую современными средствами вооружённой борьбы силу, способную быть надёжной опорой и защитой государства. «Правда, – замечает Милютин, – что я был завален множеством разнообразных записок и проектов, из которых только немногие оказывались к чему-нибудь пригодными, но этим средством возбуждена была в министерстве живая деятельность, общее участие в предпринятой работе» [6]. Одна из первых реформ Милютина состояла в реорганизации системы центрального военного управления и создании местных территориальных органов в виде военных округов. «Общая мысль этого преобразования, – говорил Милютин, – состояла в том, чтобы привести всё здание в стройный вид и упростить весь

сложный механизм его, а для этого признано было полезным слить вместе части, однородные по кругу действий, и уничтожить лишние наросты, которые в течение времени образовались более или менее случайно, безо всякого плана» [7].

Большое значение придавал Милютин грамотности солдат и всестороннему повышению их культурного и нравственного уровня, считая, что всё это должно «вести к сознательному исполнению ими воинской обязанности». Обучение грамоте, издание специальных солдатских журналов – «Солдатская беседа» и «Чтение для солдат», организация полковых и ротных библиотек и, наконец, отмена телесных наказаний – всё это заслуга Милютина. По его наблюдениям, меры эти достигли цели. «В среде нижних чинов также были заметны большие успехи в умственном развитии и распространении грамотности... вместе с тем принимались меры для возможного поднятия нравственного уровня, так сказать, облагораживания солдата для улучшения его домашней обстановки. В этих видах старался я, между прочим, поощрять заведение в полках «чайных» и читален, чтобы отвлечь солдата от кабака, пьянства и других грубых нарушений – развлечений» [8].

Большая работа была проведена и в области внутренней организации и обучения войск. В своем докладе от 15 мая 1862 года Милютин писал: «Совершенствование дела армии основано преимущественно на образовании единиц, её составляющих, на развитии природных способностей, не только физических, но и умственных» [9].

Разработанная им программа преобразований затрагивала практически все стороны жизни и деятельности военно-сухопутных сил России: их численность, организационную структуру, комплектование и порядок прохождения службы, центральное, местное, строевое и полевое управление, вооружение, мероприятия по укреплению государственной границы и строительству казарм, устройству иррегулярных войск, снабжение армии и создание мобилизационных запасов, качество обучения и воспитания войск, подготовки командных кадров, судную часть, медицинскую службу и др. [10].

Особыми, но не реформаторскими по сути периодами являются два послевоенных советских периода качественных

изменений в армии. Первый период связан с реформами в армии 1926 года, обусловленными политико-экономическими условиями, второй – с обретением и внедрением ядерного оружия в середине 50-х годов и с очередным массовым перевооружением войск в 70–80-е годы прошлого столетия. Это изменило ситуацию в стратегии противостояния практически всему миру – трудами народа Россия оказалась на вершине экономического и военно-политического могущества. Для второго советского периода реформы характерно появление новых политико-социальных и экономических условий, а на последнем этапе существования Советской армии (1976–1987 годы) наиболее существенным было качественное изменение военной мощи и силы государства, выходящее за рамки здравого смысла, но соответствовавшее общим тенденциям холодной войны и противостояния двух мировых держав. Достижение паритета в военной области с США одновременно создало условия для развития стагнационных процессов на грани общего упадка. Периодически Россия временно оказывалась в организационно-техническом тупике и даже «на грани поражения», но с успехом выходила из критического состояния – неизменным в течение всего советского периода оставался общий стратегический курс государства. Россия и народ неуклонно продвигались к вершине могуществ мировой ядерной державы. Достигнутые трудом народа мощь и сила обеспечивали некоторый рост экономики и гарантировали военную безопасность.

С началом перестройки и особенно «кардинальных реформ» положение резко изменилось. Период восхождения на вершину военно-экономического и политического могущества сменился периодом резкого падения производства и стагнацией. А затем реформаторские потуги на фоне общего упадка, «в отсутствие государственных средств», идей и в условиях проявившегося в полной мере «политического оппортунизма» правящей элиты (в последнее время откровенной измены стратегическому курсу блестящей во все времена империи) привели к полной дискредитации самой идеи реформ.

Вся история войн с древнейших времен до наших дней свидетельствует о том, что военное искусство прошло сложный путь. Оно развивалось в зависимости от способов производства,

экономической структуры общества, системы классовых отношений, личного состава вооружённых сил, вооружения и боевой техники, а также в зависимости от особенностей исторического развития страны, национальных особенностей и традиций, географических условий, способности военачальников, качества подготовки войск.

К сожалению, на сегодняшний день Вооружённые силы России погрязли в «рынке». Исторические и профессиональные ценности армии размываются, осуществляется негативный кадровый отбор, исчезает победительный боевой дух, так как сегодня не существует ни государственной идеологии воинской службы, ни корпоративной профессиональной этики офицерского корпуса, который до сих пор влачит нищенское существование, а национальная военная мысль угасла. Самое печальное, что безопасность России явно не усилилась, армия не стала сильнее, офицеры не стали образованнее, а служба престижнее. Ядром военной реформы, в рамках осознания опыта и проблемы реформирования, является преобразование содержания малобюджетной «компактной» армии, изменение организационно-штатной структуры.

Несомненно, следует обратиться к примерам прошлого и решительно избавиться от ненужного балласта в боевом составе войск и устаревшей техники. Людской ресурс регулярных войск и организованного резерва должен соответствовать составу и штатному (резервному) комплекту основного вооружения войск мирного времени.

Чтобы провести поистине серьёзное реформирование Вооружённых сил и не допустить старых ошибок, необходимо обратиться к истории. Изучая историю, мы должны проявлять к ней интерес не для того, чтобы черпать из военного прошлого готовые образцы для своей деятельности, а для того, чтобы выработать творческое мышление – неотъемлемое качество настоящего офицера, воспитывать у личного состава любовь к своей Родине, непреклонную волю к победе.

Историю предать забвению невозможно, она пишется не столько пером, сколько памятью людской, а поэтому забывать её мы не имеем права.

Библиографический список

1. Анчуков, С. Реформы в России [Текст] // Национальный союз. – 2007, сентябрь.
2. Москва : Военный университет, Русский путь, 2002.
3. Лобов, В.Н. О долге и чести воинской в Российской армии [Текст] // Воениздат. – 1990. – С. 250–256.
4. Рукописный отдел государственной библиотеки. Фонд Д.А. Милютина. Воспоминания. – С. 111–113.
5. Рукописный отдел государственной библиотеки. Фонд Д.А. Милютина. Воспоминания. – 7841. – С. 122.
6. Там же. – С. 111.
7. Вестник Европы. – П. 1 за 1881 год. – С. 13.
8. Рукописный отдел государственной библиотеки. Фонд Д.А. Милютина. Воспоминания. – 7850. – С. 269–297.
9. Столетие военного министерства. 1802–1902 гг. [Текст]. – Т. 1. – С. 92.
10. Генеральный штаб Российской армии : История и современность [Текст]. – М. : Академический проект, 2006. – С. 65.
11. Свечин, А.А. Эволюция военного искусства. С древнейших времен до наших дней [Текст] : в 2 т. – М. : Госиздат, 1928.
12. Бескровный, Л.Г. Хрестоматия по русской военной истории [Текст]. – М. : Воениздат, 1947.
13. Военная история Отечества с древних времен до наших дней [Текст]. – Т. 2.
14. Вооружённые силы и военное искусство России в войнах XVIII – начала XX века [Текст].

© В.В. Жарков

Культурный уровень военнослужащих в межвоенный период

В последнее время накоплен значительный теоретический материал, позволяющий рассматривать формирование культурного уровня военнослужащих. В соответствии с этим происходит переосмысление таких понятий, как культура, культурное строительство, культурно-просветительная работа.

Важнейшим направлением формирования культурного уровня военнослужащих в межвоенный период являлась культурно-просветительная работа. Она включала в себя организацию деятельности клубов, библиотек, показ кинофильмов, снабжение политпросветимуществом, обеспечение газетами и журналами, а также профессиональную наглядную агитацию.

Культурно-просветительная работа имела следующие основные задачи:

- формирование коммунистического мировоззрения, содействие политической и боевой подготовке войск, воинскому воспитанию;

- воспитание воинов в духе любви к советской Родине и ненависти к её врагам, дружбы народов и интернационализма;

- пропаганда боевых традиций, воспитание войскового товарищества, пропаганда опыта Гражданской войны, военных и военно-технических знаний;

- повышение бдительности и боевой готовности, общей и военной культуры;

- пропаганда хода и итогов социалистического соревнования;

- атеистическое, этическое и эстетическое воспитание воинов, пропаганда книги;

- развитие художественного творчества и организации досуга.

В 1927 году Политическое управление РККА (далее ПУРККА) провело Всеармейское совещание по внешкольной работе (так в те годы называлась культурно-просветительная работа). В резолюции совещания говорилось: «Внешкольная работа – это часть политической работы в Красной Армии, которая проводится через внешкольные организации (ленинские уголки, красноармейские клубы и Дома Красной Армии) и имеет своим непосредственным назначением организацию свободного времени военнослужащих в общих целях воспитания квалифицированного и сознательного воина-гражданина, готового под руководством партии в любой момент вступить в бой за Советскую власть против всякого её врага» [1].

Развитие системы культурно-просветительной работы началось еще с 1922 года, когда ЦК РКП(б) принял решение о

передаче культурно-просветительной работы Политуправлению Красной Армии. После данного решения в составе Агитационно-пропагандистского отдела Политического управления были созданы клубное, библиотечное и художественные отделения. В середине 30-х годов в ПУРККА из состава агитационно-пропагандистского отдела был выделен отдел культпросветработы, который полностью отвечал за проведение в войсках культурно-просветительной работы.

Также в 1922 году приказом Политуправления Реввоенсовета Республики был введен Примерный устав, а в апреле 1923 года – Нормальный устав клубов Красной Армии и Красного Флота. В нём говорилось: «Клуб представляет собой орган внешкольного военно-политического воспитания красноармейца... командного и политического состава. Всей своей деятельностью он стремится повышать культурный, военно-политический и физический уровень бойца» [2].

В мае 1923 года Политуправление Реввоенсовета СССР признало необходимым создать красные уголки во всей Красной Армии, утвердив инструкцию по организации их работы. Руководителем красного уголка являлся политрук, а его ближайшими помощниками – ротный библиотекарь и помощник политрука. Инструкция рекомендовала сделать красные уголки внешне привлекательными, повесить плакаты, лозунги, портреты руководителей Коммунистической партии и Советского правительства, тексты Декрета о земле, законов об обеспечении семей красноармейцев, таблицы единого сельскохозяйственного налога. Также в красном уголке рекомендовалось создать библиотеку и различные кружки [3]. После смерти В.И. Ленина в 1924 году было принято решение переименовать красные уголки в ленинские комнаты.

С целью повышения качества культурно-просветительной работы в 1929 году было проведено первое совещание по работе Домов Красной Армии (ДКА). На данном совещании была поставлена задача по увеличению количества культурных организаций Красной Армии, на которые, по мнению К.Е. Ворошилова, должна была лечь основная нагрузка по воспитанию и организации отдыха бойцов и командиров. Большое внимание уделялось вопросам политической, военно-массовой, культурно-

художественной, библиотечной работы и др. В циркулярном письме Политического управления об итогах совещания говорилось: «В руках политорганов и командования сейчас есть новое орудие работы с начальствующим составом – Дома Красной Армии, созданные к настоящему дню во всех крупных гарнизонах. Политорганы должны использовать ДКА, прежде всего, как опорную базу для политического воспитания и обслуживания запросов начсостава» [4].

Но не везде работа ДКА была организована в соответствии с установленными правилами. Так, в сводке ПУРККА отмечалось: «В городе Монино выходной день не организован – днем, кроме бильярда и домино, никакого развлечения нет. Командиры слоняются по гарнизону, не находят себе места, ждут вечера, чтобы пойти в кино. Младшие командиры предоставлены сами себе. В результате плохой организации выходного дня имели место пьянки и правонарушения среди младшего начсостава соединений» [5].

В конце 30-х годов стали создаваться центральные культурно-просветительные учреждения: в 1928 году – Центральный Дом Красной Армии имени М.В. Фрунзе (ЦДКА) и Ансамбль красноармейской песни и пляски; в 1929 году – Центральный театр Красной Армии и Военный отдел Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. В 1934 году нарком обороны К.Е. Ворошилов подписал приказ о создании Красноармейской студии изобразительного искусства.

Быстрыми темпами развивалась военная печать, так, количество и объем её издания к 1929 году по сравнению с первыми послевоенными годами выросли более чем в три раза. С января 1924 года стала выходить газета «Красная звезда», тираж которой к 1939 году составлял 350 тысяч экземпляров [6]. В 1927 году издавалось 9 окружных, 2 флотские и несколько газет воинских соединений. ПУРККА определило порядок пользования окружными газетами. Так, в телеграмме № 022 отмечалось: «Наши окружные газеты являются сугубо закрытыми, внутриармейскими. Ни один номер газеты не может продаваться гражданским людям. Подписчиками на окружные газеты могут быть только воинские части и воинские учреждения, а также военнослужащие. За пределы округа ни один номер по подписке

не должен отправляться... Надо разъяснить всем военнослужащим, что красноармейскую газету нельзя передавать людям, не имеющим отношения к данной части» [7].

В 1932 году стал издаваться журнал «Красноармейский клуб», а в 1936 году – «Культраббота в РККА», которые были посвящены пропаганде передового опыта культурной и библиотечной работы.

В развитии культурно-просветительной работы в войсках важную роль сыграло культурное шефство над Красной Армией, принятое по предложению ЦК партии профсоюзом работников искусств. К концу первого года шефства в войсках было организовано 478 пунктов по ликвидации неграмотности, проведены 2074 лекции и беседы, на которых присутствовали 109 922 человека, а также проведены 472 экскурсии на предприятия, в музеи и т. п. Было поставлено 504 спектакля, дано 730 концертов, проведено 624 киносеанса [8].

Несмотря на проведенные мероприятия, а также количественный рост культурных организаций, качество культурно-просветительной работы оставалось на низком уровне. Так, в 1929 году в директиве ПУРККА «О проведении сборов новобранцев общевойсковых частей» было отмечено, что внешкольная работа по-прежнему не отражает должной степени важнейших политических моментов и слабо регулирует настроения красноармейцев. Необходимо решительно добиваться повышения гибкости и злободневности внешкольной работы, которая должна строиться в свете основных задач. Особое внимание необходимо уделить организации красноармейского отдыха. Опыт сборов показал, что слабость работы по организации отдыха явилась причиной многих отрицательных явлений в политико-моральном состоянии частей (пьянство, самовольные отлучки и т. д.) [9].

В конце 30-х годов остро встал также вопрос о состоянии советского кинематографа. Агитационно-пропагандистский отдел ПУРККА постоянно отслеживал деятельность в области производства кинофильмов. В 1929 году в докладе начальника ПУРККА «О работе Совкино» было указано, что план за 1928–1929 годы не выполнен. В нём приводились цифры необходимого количества художественных кинокартин. Предполагалось выпустить 60 больших (полнометражных) кинокартин, а произведено

только 46 [10]. Это означало, что в прокатном фонде образовывался чувствительный пробел, который необходимо было заполнять зарубежными фильмами. Но наряду с этим отмечалось, что с каждым годом число советских фильмов растёт, а зарубежных – уменьшается. Эта тенденция продолжалась на протяжении всего рассматриваемого периода и достигла того, что в кинотеатрах показывали только фильмы, произведённые в Советском Союзе.

Для хранения кинофильмов в каждом военном округе были созданы кинопрокатные базы. ПУРККА в 1938 году издало «Положение об окружных кинопрокатных базах РККА», в котором было указано, где они должны располагаться, были уточнены их организация и штат. Также в нём был определён допуск кинокартин к прокату: «Кинофильмы, у которых истёк срок разрешительных удостоверений, снимаются с проката, впредь до получения от ПУРККА указаний о продлении срока действия разрешительных удостоверений. За отпуск частям кинофильмов без разрешительных удостоверений или фильмов, снятых с проката, начальники окружных баз несут уголовную ответственность» [11].

ПУРККА постоянно уточняло разрешительные списки военно-учебных кинофильмов. Так, например, в одной из директив было указано:

1. На основании списков провести переучёт и проверку всего фонда военно-учебных кинофильмов:

а) изъятие из проката всех запрещённых военно-учебных фильмов;

б) изъятие из военно-учебных кинофильмов и уничтожение изъятых кадров и надписей с обязательным составлением акта по каждому кинофильму.

2. Временно прекратить прокат кинофильмов, не вошедших в списки.

3. Обеспечить хранение военно-учебных кинофильмов с грифом «секретно» и «не подлежит оглашению» порядком, установленным для хранения секретных документов.

4. Допускать на просмотр секретных фильмов только лиц, коим по роду их служебной деятельности необходимо знакомство с данным кинофильмом [12].

В каждой директиве был список фрагментов, подлежащих изъятию из фильмов. Так, например: «Изъять из I части

фильма “Служба отдельного кавалерийского разъезда” заглавные надписи “Автор сценария и консультант В. Мишулин и режиссер Ф. Комаров”» или: «Изъять из фильма “Электризация проволочных заграждений” надписи “Сценарист Яворский, консультант Марьинский”» [13]. Указанные лица к тому времени были признаны «врагами народа». Были случаи, когда кинофильмы снимались полностью с проката, так, в распоряжении управления по контролю над кинематографом № 14/2 – 177 было определено: «Кинофильмы “Приговор суда – приговор народа”, “Сталинское пламя” снять с проката» [14].

Данному вопросу уделялось большое внимание со стороны ПУРККА, в политуправления округов регулярно направляли директивы о постоянном контроле над кинопрокатом. Так, в одной из директив констатировалось: «Политические управления округов по-прежнему не уделяют внимания организации работы кинопрокатных баз и их филиалов и набору работников в базы. Статьи в “Красной звезде” и окружных газетах, сигнализовавшие о недопустимо скверной работе и царящей бесхозяйственности в базах, остались без соответствующего расследования и принятия должных мер. В Ленинградском военном округе из-за отсутствия внимания к работе базы произошёл пожар, погибли копии кинофильмов» [15].

В плохом состоянии находилось и библиотечное хозяйство. Так, инспектирование ряда библиотек ДКА, библиотек частей и военных училищ Северо-Кавказского округа показало, что состояние библиотечного хозяйства остаётся неудовлетворительным, а уровень подготовки библиотечных и клубных работников очень низок.

С целью выявления слабо подготовленных работников было проведено анкетирование 4291 человека, 71,8% из них не имели законченного среднего образования, 26% – имели образование 4–6 классов неполной средней школы. Следует отметить, что 62,7% сотрудников не имели достаточного опыта библиотечной и клубной работы [16].

Военно-политическое руководство в своих речах, не обращая внимания на недостатки, говорило лишь об успехах, опираясь на количественный рост культурных учреждений, что, в свою очередь, приводило к тому, что люди, далекие от проблем

данной сферы, верили их словам. Так, в своей речи на XVIII съезде ВКП(б) нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов отмечал: «В сильной степени выросли средства культурного обслуживания Красной Армии, что, конечно, самым благотворным образом сказывается на росте культурности бойцов и всего состава армии. Так, например, в 1934 году мы имели ленинских уголков 15 091, в 1939 году их имеется 26 435. Соответственно клубов было 1336, теперь имеем 1900. Домов Красной Армии вместо 142, имевшихся в 1934 году, имеем сейчас 267. Значительно усилилась сеть радиоузлов, киноустановок, кинопередвижек и т. д. Личный состав РККА выписывает ежедневно 1725 тыс. газет, а также читает регулярно 471 500 журналов. Денег теперь затрачивается на культурно-просветительную работу 230 миллионов рублей вместо 72 миллионов рублей в 1934 году» [17].

Анализируя речь К.Е. Ворошилова, можно с уверенностью сказать, что его слова о средствах, затрачиваемых на культурно-просветительную работу, не соответствовали действительности. В 1939 году военные расходы СССР составляли 34 174 млн рублей, причём на политическую работу отводилось 0,5% от этих расходов, что составляло 170 860 тыс. рублей [18]. При сравнении цифр получается, что слова наркома обороны разнятся с действительным положением.

То, что в рассматриваемый период руководство проводило недостаточное финансирование, можно определить, изучив состояние материально-технической базы политико-воспитательной работы. В первую очередь в армии не хватало технических средств политработы и культпросветимущества. Ещё на совещании начальников отделов ПУРККА, состоявшемся 12 января 1931 года, было отмечено: «Маневры 1930 года и опыт ОКДВА выявили отставание материально-технической базы политработы от общих темпов технической реконструкции РККА» [19]. Были выявлены следующие недостатки во всех культурно-просветительных сферах:

1) в области печати: во-первых, низовая печать не обеспечена типом множителя, удовлетворяющим требованиям работы в походных условиях; во-вторых, корпусная походная типография недостаточна по своей мощности; в-третьих, типографии окруж-

ных газет не обеспечены транспортом, находятся на низшем техническом уровне, некоторые военные округа вовсе не имеют своих типографий;

2) по световым техническим средствам политработы: во-первых, было предложено форсировать разработку вопросов светоагитации, изучить заграничный опыт как светоагитации, так и рекламирования; во-вторых, сконструировать специальные аппараты для светоагитации и приспособления для использования прожекторных установок;

3) по транспортным техническим средствам политработы на совещании отмечалось: «Операции ОКДВА выявили недостаточную мобильность агитповозки в боевых условиях, необходимо взять линию на замену агитповозки на агитавто» [20].

Некоторым направлениям культурно-просветительной работы уделялось больше внимания, чем остальным. Таким направлением являлись агитация и пропаганда решений партии и правительства, а также привлечение командиров и красноармейцев к политической жизни страны. В 1936–1937 годах политорганы провели массово-политическую работу по пропаганде и обсуждению проекта новой конституции СССР и подготовке выборов в Верховный Совет СССР.

Среди положительных сторон проводимой работы можно выделить также следующие мероприятия:

1) проведение в 1938 году окружных олимпиад красноармейской самодеятельности. Так, в Белорусском особом военном округе на олимпиаде выступило 1500, а Ленинградском военном округе – 3000 исполнителей. Но наряду с положительными моментами по докладу инструктора ПУРККА А. Осипова встречались и недостатки: «Не во всех частях художественное творчество бойцов и командиров находится в почёте. В ряде частей красноармейская самодеятельность недооценивается, организуется покомпанейски» [21];

2) организация выставок народного творчества. Например, согласно приказу Политического управления Закавказского военного округа была организована выставка картин командного и начальствующего состава, красноармейцев и рукоделия жен командного начальствующего состава. Выставлено 52 картины и 285 работ. Выставку посетило около 50 тыс. человек [22].

Состояние культурно-просветительной работы было проверено во время боевых действий. На Халхин-Гол ПУРККА послало для художественного обслуживания частей, принимавших участие в боевых действиях, две бригады артистов эстрады, сформированные Музыкально-концертным управлением Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК, и одну бригаду Управления государственных цирков [23].

На Хасане после заключения перемирия с японцами начальник ПУРККА Л.З. Мехлис приказал ежедневно показывать кино. Но охватить большие массы красноармейцев не удалось из-за нехватки киноаппаратуры (кинопередвижка во время боевых действий была лишь в одном подразделении) [24]. Ещё на проходивших в 1930 году маневрах ОКДВА было отмечено недостаточное использование кино в целях боевой подготовки [25]. Но никаких положительных изменений не произошло.

Одной из сложностей стало обеспечение воюющих частей газетами, журналами и почтой. То, что их не хватало, а организация доставки была плохой, отмечается практически во всех донесениях. Обычно этому способствовали неподготовленность театра военных действий, отсутствие военных навыков у доставщиков почты (экспедиторов), их слабая оснащённость и пр. Экспедиторы подразделений получали почту в полку, экспедиторы полка – в соединении. Центральная экспедиция создавалась в армии и на фронте. Такая схема впервые сложилась в боевых действиях у озера Хасан и применялась в дальнейшем. На Хасане срок доставки центральных газет составлял 15–20 дней, а газет воюющих соединений – 5–7 дней. За это время материал терял свою актуальность, и бойцам приходилось читать не последние новости, а новости двухнедельной давности.

В больших перебоях в получении периодической печати во многом была повинна сложившаяся система её доставки.

Начальник ПУРККА о данной проблеме в донесении от 24 сентября 1939 года говорил следующее: «Наши газеты попадают с огромным опозданием, отставая от событий. Центральные газеты мы сами не видели ни одной за всё время событий. Листовки также отсутствуют, так как подаются редко и по чайной ложке местными силами, используя типографии городов» [26].

Культурно-просветительная работа, проводимая в армии, была направлена на успешное и быстрое овладение личным составом военной техникой, привитие навыков использования её в бою, а также на воспитание морально-политических и боевых качеств, но ввиду существовавших вышеперечисленных недостатков не смогла достичь больших успехов в воспитании бойцов и командиров.

Библиографический список

1. См. : Всеармейские совещания политработников 1918–1940 гг. [Текст]. – М. : Воениздат, 1984. – С.198.
2. Лисенков, М.М. Культурная революция в СССР и армия [Текст] / М.М. Лисенков. – М., 1977. – С. 135.
3. См. : Культурно-просветительная работа в Вооружённых Силах СССР [Текст]. – М., 1984. – С. 48.
4. Там же. – С. 52.
5. Российский государственный военный архив (далее РГВА). – Ф. 9. – Оп. 32. – Д. 28. – Л. 134.
6. Там же. – Оп. 29. – Д. 394. – Л. 73.
7. Там же. – Оп. 40. – Д. 60. – Л. 118.
8. Культурно-просветительная работа в Вооружённых Силах СССР [Текст]. – С. 197.
9. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 40. – Д. 25. – Л. 11.
10. См. : Там же. – Оп. 13. – Д. 621. – Л. 21.
11. Там же. – Оп. 29. – Д. 349. – Л. 72.
12. Там же. – Л. 45.
13. Там же. – Л. 46.
14. Там же. – Д. 414. – Л. 183.
15. Там же. – Д. 349. – Л. 280.
16. Там же. – Оп. 31. – Д. 326. – Л. 458.
17. См. : XVIII съезд ВКП(б) : Стенографический отчёт [Текст]. – М., 1939. – С.198–199.
18. См. : Герасимов, Г.И. Сколько стоит хорошая армия : Особенности финансирования Красной Армии в 1927–1941 гг. [Текст] // Военно-исторический журнал. – 2001. – № 11. – С. 2–7.
19. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 40. – Д. 31. – Л. 24.
20. Там же. – Л. 25.
21. Там же. – Оп. 29. – Д. 410. – Л. 528–529.

22. Там же. – Оп. 32. – Д. 28. – Л. 376.
23. См.: Там же. – Оп. 29. – Д. 410. – Л. 528–529.
24. Там же. – Д. 507. – Л. 49.
25. См.: Там же. – Оп. 40. – Д. 31. – Л. 24.
26. Там же. – Оп. 29. – Д. 394. – Л. 227.

© М.В. Новиков

СССР и война в Испании 1936–1939 годов в исследованиях отечественных и зарубежных историков

Отечественные историки, и советские и современные российские, были лишены возможности внести серьёзный вклад в изучение истории гражданской войны в Испании 1936–1939 годов по объективным причинам – в советский период по идеологическим, затем по материальным. Тем не менее, попытки осмысления ими этого феноменального события мировой истории предпринимались начиная с 1936 года [1] и не прекращаются до сих пор [2]. Созданная в СССР концепция событий в Испании отличалась во многих существенных вопросах от того, что было написано профессиональными зарубежными историками демократической ориентации, и прямо противоположна консервативным оценкам. Так, признанное во всем мире название «Гражданская война в Испании» в СССР было заменено на название «Национально-революционная война испанского народа», что явилось отражением отрицания сущности войны в Испании как войны граждан одного государства друг против друга. Преувеличивая значение итало-германской помощи франкистам, советская историография безуспешно пыталась представить события в Испании как войну революционного испанского народа против объединённых сил мирового фашизма, стремившегося якобы к превращению Испании в зависимую от Гитлера и Муссолини страну с потерей ею национального суверенитета.

Британский историк Дженет Хартли верно подметила основные особенности советской историографии гражданской войны в Испании: своеобразная интерпретация проблем, тенденция к изучению частных вопросов, слабое исследование первичных источников [3]. Действительно, советские историки долгое время следовали одной – официальной концепции граждан-

ской войны, основные положения которой были сформулированы руководителями Коминтерна и КПИ еще в 1936–1939 годах. Многие её положения можно принять и в наши дни, однако из того периода в нашу историческую науку переключалось много мифов. Так, Г. Димитров в статье «Ко второй годовщине героической борьбы испанского народа» пытался доказать, что мятеж в Испании стал следствием международного фашистского заговора [4], чего в действительности не было. Далее, он утверждал, что на стороне республики после мятежа осталось всего несколько тысяч солдат [5]. На самом деле почти половина армии осталась верна правительству Народного фронта. Авторами других мифов стали генеральный секретарь ЦК КПИ Х. Диас, член Исполкома Коминтерна П. Тольятти и др. Их нельзя в этом винить: их статьи, выступления были частью той смертельной борьбы, в которой они участвовали, где были допустимы любые идеологические выпады. Присущая нашей системе вера в непогрешимость вождей и в истинность их высказываний упрощала задачу советским историкам, заставляя подгонять под готовые выводы исторические факты.

Справедливо и утверждение Дж. Хартли, что советские историки предпочитали исследовать частные проблемы. В 70–80-е годы по истории гражданской войны была издана только одна обобщающая концептуальная работа – монография М.Т. Мещерякова «Испанская республика и Коминтерн». Что касается использования источников, то здесь критика Дж. Хартли воспринимается не как вина, а как беда советских историков. Действительно, даже лучшие работы советских историков основаны на опубликованных документах и на исследовательских работах советских и зарубежных авторов. Вряд ли могло быть по-другому, когда советские архивы были закрыты, а зарубежные мало доступны сначала по идеологическим, а потом и по материальным причинам.

Постепенный пересмотр советских стереотипов был предпринят еще в 80-х годах моими учителями-наставниками С.П. Пожарской и М.Т. Мещеряковым [6]. Несомненно, это было связано со всё возрастающим влиянием зарубежной историографии, с которой они были хорошо знакомы, в том числе и через личные контакты с зарубежными историками. Трансформа-

ции последующего десятилетия позволили подготовить и защитить уже в современной России две докторские и ряд кандидатских диссертаций по истории гражданской войны в Испании, и, прежде всего, по её различным международным аспектам [7]. В ходе их подготовки были опубликованы монографии и статьи, прочитаны десятки докладов [8].

В нашей докторской диссертации и одноимённой монографии «СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936–1939 годов» была предпринята попытка концептуального переосмысления политики СССР и Коминтерна в связи с гражданской войной. Подобное стало возможным в результате изучения десятков монографий и сотен статей ведущих зарубежных специалистов, представлявших различные политические течения и научные школы. Материалы российских архивов, открытых в начале 90-х годов, позволили уточнить, подтвердить или опровергнуть те концептуальные положения, которые обсуждались за рубежом на протяжении предыдущих десятилетий [9].

В частности, навсегда ушёл в историю миф о советской военной помощи Испанской республике как проявлении бескорыстного пролетарского интернационализма, ибо это была, прежде всего, выгодная для СССР коммерческая сделка руководства Советского Союза и Испанской республики, которая преследовала достижение Советским Союзом вполне определенных внешнеполитических целей. В указанных диссертации и монографии было предложено отказаться от мифа о международном фашистском заговоре как причине мятежа испанских правых сил и показан «импровизированный» характер вмешательства Гитлера и Муссолини в испанские события. Были внесены коррективы в терминологию, в частности, вместо «национально-революционная война испанского народа» – «гражданская война в Испании», вместо «испанские фашисты» – «франкисты» и т. д.

Важные уточнения концептуального характера международных аспектов гражданской войны в Испании содержатся в докторской диссертации, в опубликованных работах профессора Белгородского государственного университета В.В. Малай. Так, автор справедливо отмечает, что общая установка британских правящих кругов в предвоенный период на исключение «СССР из предполагаемого альянса при оформлении противостоящих

блоков накануне новой войны» [10] имела самые серьёзные последствия для хода и исхода гражданской войны в Испании. Ещё «на стадии подготовки соглашения о невмешательстве британская дипломатия приложила максимум усилий для недопущения к его подписанию крупнейшей европейской державы» – Советского Союза [11]. И хотя на этом этапе Британии не удалось добиться политической изоляции СССР в испанском вопросе, она достигла желаемого к ноябрю 1937 года, используя, в том числе, и ошибки советской стороны [12].

Как верно подчёркивает В.В. Малай, советской дипломатии «не всегда доставало гибкости и тактического мастерства, чтобы использовать в сложной международной обстановке кануна Второй мировой войны слабости в позициях западных стран наряду с разногласиями между ними. Сталинское руководство не видело, с точки зрения интересов СССР, принципиальной разницы между тоталитарной фашистской диктатурой и буржуазной демократией и не проводило больших отличий в подходах в отношениях с ними. Совокупность этих факторов не могла не вызывать ответной реакции западных держав, в том числе и Великобритании» [13].

Большая и полезная работа проделана военным историком Ю.Е. Рыбалкиным. В кандидатской диссертации, статьях и монографии автор внёс серьёзные уточнения в проблему оказания Советским Союзом военной помощи Испанской республике. Е.Ю. Рыбалкин был одним из первых, кому довелось прикоснуться к архивным документам военного ведомства, хранящимся в Российском государственном военном архиве и Центральном архиве Министерства обороны, и ввести их в научный оборот. В то же время в монографии, изданной в 2000 году, было странно видеть не относящиеся напрямую к теме исследования, заимствованные автором из явно устаревшей литературы заявления о том, что советское руководство, твердо стоявшее «на стороне всех пролетарских, демократических и национально-освободительных революций», якобы ни минуты не колебалось в вопросе о том, какую позицию занять в связи с мятежом в Испании. «Проблема, – пишет автор, – состояла в том, чтобы определить, каким образом и в каких масштабах могла быть оказана помощь» [14]. Не менее странным выглядит также тезис о том,

что «фашистская партия “Испанская фаланга”, реакционная военизированная страна готовилась к путчу генеральными штабами Германии и Италии. Более того, можно с уверенностью утверждать, что именно военная разведка Германии обусловила его возникновение и, в конечном итоге, во многом предприняла исход борьбы испанского народа за свободу и демократию» [15].

Оригинальная и местами не бесспорная трактовка причин вмешательства СССР в испанский конфликт представлена в кандидатской диссертации А.В. Постернака, и сформировалась она в результате серьёзного знакомства с французской историографией гражданской войны в Испании. По мнению автора, заявление временного представителя СССР в Комитете по невмешательству С. Кагана в октябре 1936 года означало поворот в советской политике относительно Испании: если другие государства безнаказанно пренебрегают договором, то военные поставки законному правительству тем более не будут его нарушением. Французские дипломаты расценили этот демарш как окончательную победу левого крыла ВКП(б): Сталин под давлением троцкистов – сторонников мировой революции – перешёл к поддержке республиканцев с возможной целью превратить Пиренейский полуостров в плацдарм «красных сил» на краю Европы.

Фактически же, – подчеркивает А.В. Постернак, – эволюция позиции СССР была связана скорее с изменением политической конъюнктуры, чем с давлением внутренней оппозиции, мнение которой в условиях «чисток» 1936–1937 годов вряд ли могло учитываться. В середине сентября республиканское и советское правительства пришли к соглашению относительно депортации золотого запаса республики в Москву. Операция по его перевозке была завершена к февралю 1937 года, поэтому все поставки СССР в Испанию были оплачены. Помощь начала сокращаться лишь после истощения золотого фонда республики – к лету 1938 года. В конечном счёте Советский Союз получал прямую материальную выгоду, а помощь Мадриду стал преподносить как поддержку законного правительства. По мнению А.В. Постернака, деятельность СССР в Комитете по невмешательству была связана не столько с жёстким отстаиванием про-республиканских позиций, сколько с поддержанием собственно-

го международного престижа. Эта задача представлялась довольно трудной: Советскому Союзу было необходимо сохранить имидж лидера международного коммунизма и одновременно укрепить союз с западными демократиями, в первую очередь с Францией. Поэтому представитель СССР выдвигал заведомо невыполнимые требования (контроль советскими судами стратегически важных участков Пиренейского полуострова, вывод марокканских частей в качестве добровольческих), отказ от которых затем рассматривал как уступки западным державам. Другой формой поддержания авторитета СССР среди сторонников республики были регулярные обещания представителя СССР в Комитете по невмешательству И. Майского покинуть Комитет в случае продолжения фикции невмешательства или отказаться от участия в его решениях при сохранении членства, что само по себе выглядело довольно двусмысленно. Однако по кардинальным вопросам, связанным с признанием прав воюющих сторон или выводом волонтёров, Советский Союз молчаливо солидаризировался с Великобританией и Францией, хотя повсеместно объявлял, что это вынужденные уступки.

СССР, – пишет А.В. Постернак, – не пытался превратить Испанию в коммунистическую республику, так как не прилагал для этого необходимого максимума усилий. Копирование советского репрессивного аппарата в республиканской зоне и деятельность политических агентов по силе воздействия были недостаточны для организации «красного государства», поскольку основными рычагами воздействия на республиканцев оставались материальные поставки и коммунистическое движение, координируемое Коминтерном. Испания, – подчёркивает автор, – рассматривалась Сталиным как ставка в международной политике Советского Союза [16].

В исследовании М.С. Ореховой выявлены новые моменты, связанные с принятием Советским Союзом политики невмешательства в испанский конфликт, в частности, автор отмечает, что в мотивах присоединения Германии и СССР к Соглашению о невмешательстве прослеживается немало общего, что они стремились локализовать конфликт, предотвратить угрозу его перерастания в общеевропейский. М.С. Орехова объясняет это обстоятельство тем, что Германия, как и СССР, ещё не была

готова к большой войне, что Советский Союз стремился избежать открытого вовлечения в международные конфликты, а германская и советская дипломатия опасались перспективы решения европейских проблем без учёта их позиций. Кроме того, М.С. Орехова верно подметила общие моменты в тактике советской и немецкой дипломатии в Комитете по невмешательству: отвлечение (дипломатическими и пропагандистскими методами) внимания членов этой организации от собственной политики в Испании, голословное отрицание фактов своего участия в испанском конфликте, взаимное обвинение в грубых нарушениях Соглашения [17].

Современные зарубежные историки также уделяют серьёзное внимание выяснению причин и механизмов вмешательства СССР в испанские события. Опираясь на известные опубликованные документы внешней политики Великобритании, Италии, СССР и Франции, на воспоминания некоторых действующих лиц, профессор университета г. Торонто Д. Смит выстраивает концепцию, согласно которой Советский Союз оказал помощь Испанской республике, исходя исключительно из своих внешнеполитических интересов. Приведённая автором аргументация заслуживает внимания, поскольку исходит от людей, стоявших достаточно близко к пирамиде политической власти СССР, на вершине которой принимались решения принципиального характера [18].

Далее Д. Смит приводит свидетельства, согласно которым поверенный в делах Италии в Москве В. Берардис отмечал 13 августа 1936 года, что главной целью советской внешней политики в тот период было сохранение мира [19]. Представитель Испанской республики в Москве Паскуа информировал своё правительство в январе 1937 года о том, что советские лидеры осознают необходимость нескольких лет мира, которые бы позволили реализовать планы социально-экономического развития страны [20]. Построение и сохранение социализма в СССР, по мнению советского руководства, является главной задачей не только российского рабочего класса, но и всего мирового пролетариата, поэтому мировое коммунистическое движение должно обеспечить устойчивое международное положение СССР, свободное от конфликтов и иностранного вмешательства. По словам Паскуа, «вся

политическая деятельность советских лидеров подчинена этой главной колоссальной задаче» и война в Испании рассматривается ими, исходя из сложившихся приоритетов социалистической модернизации страны. Паскуа пришел к выводу, что испанская проблема занимала весьма незначительное место во внешнеполитических планах советского руководства [21].

Объясняя причины вмешательства СССР в испанскую войну, Д. Смит приводит выдержку из записи беседы посла СССР в Великобритании И. Майского с министром иностранных дел А. Иденом от 3 ноября 1936 года, в ходе которой советский посол подчеркнул, что победа Франко придаст уверенности Германии и Италии и приблизит день их следующей агрессии – «возможно, в Центральной или Восточной Европе». Россия стремится этого не допустить, вот почему она оказывает помощь Испанской республике, Майский также добавил, что, учитывая явную враждебность Германии по отношению к СССР, советское руководство стремится не допустить успеха Гитлера в Испании, который мог бы подтолкнуть его к агрессивным действиям против СССР [22]. Затем, ссылаясь на исследования известных специалистов, Д. Смит пишет, что в противовес блоку агрессивных государств (Германия, Италия, Япония) советское руководство стремилось создать союз антифашистских партий и стран, и главным достижением здесь было подписание советско-французского договора о взаимной помощи от 2 мая 1935 года. По утверждению Д. Смита, советское руководство приложило максимум усилий, чтобы превратить данное политическое соглашение в эффективный военный союз, причём пик советской активности пришёлся на период с середины лета 1936 года до весны 1937 года, то есть на тот же самый период, когда формировались основы советской внешней политики по отношению к гражданской войне в Испании. Надежда на то, что Франция станет военным союзником СССР, была главным мотивом, побудившим советское руководство оказать Испанской республике существенную помощь именно в этот период, но этой надежде не суждено было осуществиться ввиду сильной оппозиции в правительстве и армейском руководстве Франции [23].

Другой серьёзной причиной, побудившей руководство СССР вмешаться в испанский конфликт, по мнению Д. Смита,

была гипотетическая возможность через совместное сотрудничество по оказанию помощи Испанской республике создать эффективную систему коллективной безопасности из числа европейских государств. Совместная защита республиканской Испании могла создать необходимые условия для сотрудничества СССР и западных демократий, для превращения этого сотрудничества в полномасштабный военный союз с Британией и Францией, направленный против Гитлера [24].

Политическое преследование и физическое уничтожение коммунистами левых радикальных движений в Испании Д. Смит объясняет желанием Сталина понравиться западным демократиям. Сталин был убеждён, что Испанская республика должна продемонстрировать для английских и французских политиков режим умеренной буржуазной демократии. В декабре 1936 года посол Франции в Москве Кулондр предупредил наркома иностранных дел СССР М. Литвинова о серьёзных последствиях для франко-советских отношений в случае успеха анархистов и радикальных коммунистов в Испании. Именно по этой причине по советской инициативе распускались созданные испанскими левыми колхозы, возвращались частным владельцам реквизированные и обобществлённые промышленные предприятия, уничтожена левая коммунистическая партия — ПОУМ, включены в состав регулярной народной армии республики добровольческие отряды, созданные левыми движениями [25]. На основании приведённых выше данных Д. Смит делает вывод о том, что вмешательство Сталина в испанский конфликт не было проявлением революционного интернационализма. Напротив, его можно объяснить только желанием Москвы через совместное сотрудничество по оказанию помощи Испанской республике добиться создания политического и военного союза, направленного против нацистской агрессии в Европе. К сожалению, руководство западных стран не было способно в тот период оценить по достоинству советские инициативы и сделать свой шаг навстречу. По словам А. Идена, премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен опасался, что следствием победы Испанской республики станет усиление позиций коммунизма в Западной Европе. Министр иностранных дел Франции И. Дельбос пришёл к заключению в конце 1936 года, что СССР через испанский конфликт хочет добиться военного столк-

новения Франции и Германии. Прimitивный антикоммунизм британских государственных деятелей и неспособность многих французских политиков выйти за рамки привычных антисоветских догм не позволили Западу адекватно воспринять нестандартные инициативы Сталина и создать военно-политический союз антифашистских государств. Может показаться парадоксальным, подчёркивает Д. Смит, но в тот период Сталин продемонстрировал способность подчинять свои идеологические установки потребностям реальной политики.

Статья видного британского специалиста по истории Испании П. Престона посвящена выявлению причин и механизма вмешательства в испанские события Италии, то есть проблеме, которая значительно меньше изучена в отечественной историографии, чем проблема политики Англии, Франции, Германии и СССР в Испании в 1936–1939 годах [26]. И хотя статья посвящена преимущественно Италии, автор, разумеется, не смог не затронуть вопросы, связанные с участием в испанском конфликте Германии и Советского Союза. Статья базируется на мемуарах итальянских политиков, дипломатов и военных, на опубликованных документах итальянского МИДа, на документах итальянских архивов и других источниках. В начале статьи П. Престон отмечает, что первая просьба о помощи, исходившая от генералов Франко и Мола, была отклонена германским МИДом и Муссолини. 25 июля Гитлер был информирован о просьбе испанских генералов и вечером того же дня в узком кругу доверенных лиц принял решение об оказании помощи. После долгих колебаний аналогичное решение принял и Муссолини, причём, как верно подчёркивает Престон, оно было принято независимо от Гитлера [27]. Оба диктатора полагали, что их помощь ограничится переброской марокканских войск в Испанию, однако оба оказались втянутыми в полномасштабную длительную войну. «Тем не менее, — пишет Престон, — Гитлер вёл себя достаточно осторожно, послав новейшее вооружение и небольшой по численности легион Кондор, напротив, вмешательство Муссолини возросло до такой степени, что он оказался в состоянии необъявленной войны с Испанской республикой» [28].

Далее Престон подробно, в деталях, по дням и часам излагает ход событий, связанных с принятием решения об оказании помощи Франко, показывает роль ближнего окружения Муссолини и прежде всего его зятя, министра иностранных дел Чиано [29]. Как явствует из статьи, Муссолини собрал максимально возможную информацию о позиции Франции и СССР в испанском вопросе. 25 июля он был информирован о том, что французская правая пресса и британские консерваторы вынудили социалистическое правительство Л. Блюма отказаться от поддержки Испанской республики и, как пишет Престон, «25 июля дуче и Чиано точно знали, что Франция твердо решила не помогать Испанской республике» [30]. К этому же времени позиция британского руководства была просчитана как антиреспубликанская, причём в качестве аргументов назывались боязнь большевизации Испании, дружеские отношения руководителей британского флота и испанских мятежников, британский нажим на французское правительство, попытки улучшить отношения с Италией [31]. «Особенно большое значение, – подчёркивает Престон, – на принятие решения о вмешательстве в испанский конфликт оказывала возможная роль Советского Союза» [32]. 27 июля Муссолини получил посланный четырьмя днями ранее подробный доклад от временного поверенного в делах Италии в СССР Берардиса «о большом замешательстве в Кремле в связи с началом гражданской войны в Испании» [33]. В докладе сообщалось, что, по расчётам советских руководителей, победа мятежников могла нанести серьёзный ущерб советско-французскому сотрудничеству, а успех левых мог инспирировать волну антикоммунизма в западных странах, что могло бы серьёзно противодействовать попыткам советской дипломатии создать систему коллективной безопасности в Европе. Согласно докладу Берардиса советское руководство избрало позицию «строгого нейтралитета». Источник из числа высокопоставленных советских руководителей сообщил ему, что «в Кремле раздражены и озадачены событиями в Испании и что Советское правительство ни при каких обстоятельствах не даст втянуть себя в разрешение внутренних проблем полуострова, где ничего нельзя приобрести, но можно всё потерять» [34]. Советское правительство будет соблюдать нейтралитет и ограничится мораль-

ной поддержкой республиканцев. Слабость Франции и сообщение о замешательстве в советском руководстве убедили Муссолини оказать помощь Франко. Позднее Москва вмешается в испанский конфликт, но решение об этом будет принято после итало-германской помощи Франко [35].

В 2006 году исполняется 70 лет с начала вооружённого мятежа консервативных сил в Испании против легитимного демократического правительства Народного фронта, положившего начало кровопролитной гражданской войне 1936–1939 годов. На некоторое время Испания оказалась в центре мировой политики, великие европейские державы – Англия и Франция, а также претендовавшие на эту роль Германия, Италия и Советский Союз оказались втянутыми во внутренний испанский конфликт, пытались разыграть испанскую карту с наибольшей для национальных интересов пользой. Международный аспект гражданской войны стал предметом исследования во многих странах, на эту тему написаны сотни книг и тысячи статей, и этот процесс продолжается, причём наиболее активно в современной России, что представляется вполне закономерным. Идёт пересмотр устаревших представлений, уточнение основных концептуальных положений и фактического материала. Признанным центром изучения данной проблемы в современной России является испанский сектор Института всеобщей истории РАН во главе с выдающимся специалистом по истории Испании Светланой Петровной Пожарской. Возникли также и два новых центра, возглавляемые учениками С.П. Пожарской В.В. Малай и М.В. Новиковым в Белгородском государственном университете и в Ярославском государственном педагогическом университете имени К.Д. Ушинского.

Библиографический список

1. Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. [Текст] : библиографический указатель источников и литературы, изданных в СССР в 1936–1991 гг. / сост. М.В. Новиков. – Ярославль, 1994. – С. 38–75.
2. Малай, В.В. Судьба республики решалась не в Мадриде : из истории англо-советских отношений в канун Второй мировой войны. 1936–1939 [Текст]. – Белгород, 1999.

3. *Hartley, J.* Recent Soviet publications on the Spanish civil war // *European history quarterly*. – 1988. – Vol. 18. – P. 244.
4. Коммунистический интернационал. – 1938. – № 7. – С. 10–12.
5. Там же. – С. 14.
6. См.: *Пожарская, С.П.* Советская историография антифашистской войны в Испании (1936–1939) [Текст] // *Новая и новейшая история*. – 1987. – № 2. – С. 201–211; *Мещеряков, М.Т.* Испанская республика и Коминтерн: Национально-революционная война испанского народа и политика Коммунистического интернационала [Текст]. – М., 1981.
7. *Новиков, М.В.* СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. [Текст]: дис. ... д-ра ист. наук. – Ярославль, 1995; *Малай, В.В.* Международные аспекты гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. [Текст]: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2004; *Постернак, А.В.* Внешняя политика Франции в связи с гражданской войной в Испании (1936–1939 гг.) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 1998; *Рыбалкин, Ю.Е.* Военная помощь Советского Союза испанскому народу в национально-революционной войне 1936–1939 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1992; *Орехова, М.С.* Германо-советские отношения в контексте международных аспектов гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2004.
8. См. например: *Малай, В.В., Новиков, М.В.* Освещение гражданской войны в Испании 1936–1939 годов на страницах английского исторического журнала [Текст] // *Новая и новейшая история*. – 2003. – № 1. – С. 200–209.
9. *Новиков, М.В.* Указ соч.
10. *Малай, В.В.* Судьба республики решалась не в Мадриде [Текст]. – С. 119.
11. Там же.
12. Там же. – С. 121.
13. Там же.
14. *Рыбалкин, Ю.Е.* Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939 гг.) [Текст]. – М., 2000. – С. 13–14.
15. Там же. – С. 16.

16. *Постернак, А.В.* Внешняя политика Франции в связи с гражданской войной в Испании (1936–1939 гг.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 1998. – С. 21–23.
17. *Орехова, М.С.* Германо-советские отношения в контексте международных аспектов гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2004. – С. 16–17.
18. *Smyth, D.* «We Are with You»: Solidarity and Self-interest in Soviet Policy towards Republican Spain, 1936–1939 // *The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936–1939*. – Edinburgh, 1996. – P. 87–106.
19. Ibid. – P. 93.
20. Ibid.
21. Ibid. – P. 94.
22. Ibid. – P. 96.
23. Ibid. – P. 92.
24. Ibid. – P. 94.
25. Ibid. – P. 101.
26. *Preston, P.* Mussolini's Spanish Adventure: From Limited Risk to War // *The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936–1939*. – Edinburgh, 1996. – P. 21–52.
27. Ibid. – P. 22.
28. Ibid.
29. Ibid. – P. 25–36.
30. Ibid. – P. 37.
31. Ibid. – P. 37–38.
32. Ibid. – P. 39.
33. Ibid. – P. 40.
34. Ibid.
35. Ibid.

© С.Г. Осьмачко

Боевое управление в РККА (по опыту локальных войн и военных конфликтов 1929–1940 годов)

Боевое управление войсками в локальных войнах и военных конфликтах межвоенного периода часто затруднялось самой деятельностью высших военно-политических инстанций страны. Прежде всего, речь идёт:

а) о неопределённости военно-политической квалификации конфликтов;

б) о создании многоуровневых и дублирующих управленческих структур.

В первом случае отсутствие чётких и ясных оценок сути и перспектив военного столкновения со стороны И.В. Сталина, Наркоматов обороны и иностранных дел держало местное военное командование в напряжении, сковывало его инициативу. 15 августа 1931 года В.К. Блюхер отправил начальнику Штаба РККА письмо по поводу докладной записки командира 18-го стрелкового корпуса С.С. Вострцова. В боях на КВЖД (1929 года) Вострцов командовал Забайкальской группой войск. Его действия были оценены Блюхером весьма критически (неверное решение вопросов оперативного управления, распределения артиллерийских средств, использования танков и т. п.). Не согласившись с критикой, прославленный герой Гражданской войны обратился в Штаб РККА за «справедливостью». В своём письме Блюхер чётко определил зависимость регионального военного командования от «большой политики»: «Ясности отношений, существующих между двумя противниками на войне, у ОКДВА не было. Не было войны, но не было и мира, а был «конфликт», крайне осложнявший каждое проявление активности армии... Армия в течение пяти месяцев находилась в исключительно нервно-напряжённом состоянии... Ни одна из проводимых нами операций не давала гарантии, что в последний момент она, по соображениям наших международных отношений, не будет отменена» [1].

Инициативу командующего могли сдерживать не только международные аспекты конфликта, но и опасения за собственную безопасность. Набиравшая обороты репрессивная машина с образцовой беспощадностью перемалывала старых большевиков, героев революции, Гражданской войны и пр. Боязнь каким-то образом не вписаться в логику высших политических соображений, сделать что-то не так сковывала волю и инициативу командования. Наиболее отчётливо это проявилось на Хасане (1938 годов).

Здесь конфликт с Японией возник на почве приграничных территориальных споров, которые принципиально поддавались мирному разрешению, но только в случае взаимной готовности к этому обеих сторон. К сожалению, такой готовности не

наблюдалось; пограничный конфликт являлся для всех желаемой «пробой сил» [2].

Блюхер, дав справедливую оценку ошибкам наших пограничников при укреплении линии государственной границы СССР на сопке Заозёрная, когда были «прирезаны» несколько метров чужой земли, пытаясь телеграммами и донесениями предупредить руководство от ненужных военных действий, вступил в противоречие с позицией властной верхушки, желавшей «поиграть мускулами». Это явилось последней каплей, переполнившей чашу сталинского терпения: вскоре прославленный маршал погиб в застенках НКВД. Сегодня основной массив документов об описываемых событиях опубликован [3].

В любом случае, задерживая развитие конфликта, ожидая распоряжений из Москвы (например, о приостановке сосредоточения войск и наказании виновных), Блюхер порождал в органах боевого управления ситуацию неясности и безответственности. Об этом наглядно свидетельствуют тексты переговоров по прямому проводу военного комиссара Семёновского с членом военного совета фронта Мазеповым [4].

Управление войсками, готовившимися к ведению боевых действий, осуществлялось множеством субъектов. Принципиально нормальная последовательность передачи приказов (ставка – фронт – армия – корпус – дивизия – полк – подразделения) соблюдалась не всегда. Вышестоящие инстанции (Сталин, К.Е. Ворошилов, различные командующие и т. п.) активно вмешивались в боевое управление через голову промежуточных штабов и военных советов. В этом проявлялись недоверие к местному командованию, убеждённость в его неспособности правильно решать возникавшие вопросы.

Для «усиления» командования:

в районы боевых действий командировались высокопоставленные военные функционеры (Г.И. Кулик, Л.З. Мехлис и пр.), представители НКВД (Фриновский и т. п.);

проводилось предварительное переназначение руководящего состава. Например, на Хасане, в соответствии с приказом наркома обороны, на период боевых действий командиром 39-го стрелкового корпуса был назначен начальник штаба Краснознамённого Дальневосточного фронта комкор Г.М. Штерн, комис-

саром – комиссар штаба фронта бригадный комиссар Семёновский, начальником штаба 1-го отделения штаба фронта – майор Вавилов. Исполнявшие ранее эти обязанности (соответственно – комбриг Сергеев, батальонный комиссар Гуляев и майор Ребриков) назначались заместителями по своим прежним должностям [5].

Вероятно, здесь налицо традиционное для отечественной административно-командной системы стремление распределить ответственность среди возможно большего числа управляющих звеньев. Боевое управление от подобных перемещений только страдало. На Хасане полки и части вводимой в бой 40-й стрелковой дивизии получали указания не только от своего командования, но и от представителей погранвойск полковника Федотова, командования 39-го корпуса, 1-й армии и фронта. В результате 2 августа 1938 года дивизия вступила в бой, не закончив сосредоточения и без необходимой подготовки, а встретив организованное сопротивление японцев, она была вынуждена к утру 3 августа отойти на исходные позиции [6].

Подготовка управления затруднялась также причинами технического характера (районы предстоящих боевых действий были бедны местными средствами связи): на китайском и финляндском театрах военных действий их просто не было; на Хасане существовали – единственная постоянная телеграфно-телефонная линия (3 провода) по маршруту Краскино – Сандоканца – Подгорная и небольшая сеть телефонных линий пограничников; на Халхин-Голе устойчивая связь обеспечивалась только до Хамар-Даба (более 100 км от района боевых действий); расчёты на использование местных линий связи в Западных Украине и Белоруссии не оправдались.

Всё это повышало требования к действиям штатных подразделений связи. Однако состояние их укомплектованности и оснащённости обычно было неудовлетворительно. На Хасане в отдельном батальоне связи 39-го корпуса вышло в район боевых действий менее 50% личного состава; в артполку 32-й дивизии не хватало 200 связистов (нехватку доукомплектовали ездовыми); в гаубичном полку 40-й дивизии отсутствовал начальник связи, не хватало связистов; штабная батарея начальника артиллерии 39-го корпуса прибыла в район боевых действий после их

окончания; в роте связи 95-го стрелкового полка не было ни одного радиста, а в ротах и взводах не имелось подготовленных сигнальщиков и связных. В частях 40-й и 32-й дивизий не хватало раций: 5АК – 20 экз., РКР – 12 экз., РРУ – 100%, а также полностью отсутствовали подвижные средства связи [7].

К сожалению, подобные перечисления возможны в отношении всех военных кампаний 1929–1940 годов. Достаточно сказать, что в начале войны с Финляндией показатель некомплекта войсковых радиосредств достигал 70%. Командующий 7-й армией К.А. Мерецков получил личную радиостанцию только в январе 1940 года [8].

Боевое управление предполагает принятие обоснованных решений и разработку соответствующих планов на ведение боевых действий. Качественно делать это возможно лишь в том случае, если штабы непрерывно собирают и анализируют данные об обстановке и о вероятном противнике. Ошибки в оценке врага могут сделать боевые действия неэффективными. К сожалению, начальные этапы операций на Хасане, Халхин-Голе, в Финляндии свидетельствуют о серьёзных огрехах в этой сфере.

Руководство страны и армии не в полной мере представляло себе трудности, например, предстоящей финской кампании. Преобладали шапкозакладательские настроения и убежденность в политической неустойчивости тыла финнов. Уже после войны нарком обороны был вынужден неоднократно признавать эти факты. На первом заседании совместной комиссии ЦК ВКП(б) и Главного военного совета Ворошилов отмечал: «Ни я... ни Генштаб, ни командование Ленинградского военного округа в начале совершенно не представляли себе всех особенностей и трудностей, связанных с этой войной» [9].

Предполагалось, что военная операция в Финляндии будет несложной и закончится в 2–3 недели [10]. Незадолго до начала войны нарком обороны докладывал Сталину: «Материальная часть... финской армии большей частью довоенных образцов старой русской армии... Среди резервистов настроение подавленное... Рабочие массы Финляндии... угрожают расправой тем, кто ведёт политику, враждебную Советскому Союзу» [11]. Те же данные приходили в Москву по линии НКВД [12]. Широко распространившееся мнение, что «трудовой народ» не под-

нимет оружие против СССР, а будет заинтересован в свержении буржуазного правительства, позволило В.М. Молотову 30 ноября 1939 года в беседе с послом Германии в СССР В. Шуленбургом заявить, что в Финляндии будет другое, дружественное СССР правительство демократического типа [13].

Планы советского руководства нашли также отражение в выступлении Мехлиса 10 ноября 1939 года на совещании с группой писателей, где начальник ПУРКАА заявил, что в Финляндии Советский Союз должен добиться своего «не добром, так кровью»; Красная Армия уже стоит на границе в готовности, и упускать исключительный случай нельзя [14].

Вскоре было объявлено о создании Финляндского народного правительства (О. Куусинен), провозгласившего создание Финляндской Демократической Республики. 2 декабря между СССР и ФДР был заключён договор о дружбе и взаимопомощи [15]. Соответственно заголовки «Правды» 2–4 декабря 1939 года были наполнены конкретным пропагандистским содержанием: «Население Финляндии с радостью встречает весть об образовании Народного Правительства Финляндии», «Слава Красной Армии – армии-освободительнице» и пр.

В декабре 1939 года в помощь пропагандистам была издана брошюра, в которой утверждалось: «Финская военщина, возглавляемая шутами гороховыми, многие годы потрясала картонным мечом, угрожая великому Советскому Союзу» [16]. Представители разведки Ленинградского военного округа ориентировались на то, что с «первых же дней войны белофинны побегут, в их тылу будет хаос», поэтому наша агентура должна «с помощью радио сообщать о путях отступления финской армии» [17].

Однако боевая действительность выявила отсутствие серьёзной подготовительной работы. В докладе Ворошилова об итогах советско-финляндской войны отмечалось, что плохо поставленное дело военной разведки особенно отрицательно отразилось на нашей подготовке к войне, а Наркомат обороны и Генштаб «не располагали сколько-нибудь точными данными о силе и средствах противника, качестве войск и их вооружении» [18].

Легковесный дух нашей разведывательной подготовки к войне нашёл выражение в примечательном диалоге Сталина и начальника артиллерии 19-го стрелкового корпуса Оборина на заседании высшего комсостава в ЦК ВКП(б) по итогам войны с Финляндией в апреле 1940 года: «Оборин... Я некоторые претензии предъявляю к разведке. Надо сказать, что у нас агентурная разведка разрушена. – Сталин. Её нет... Должна ли она существовать? – Оборин. По-моему, должна... Финляндия под рукой, а что она делает, мы не знали... – Сталин. 3–4 туриста послать – и всё сделано» [19].

По этим причинам стратегический план наступления был составлен неудачно. Его первый детальный вариант был разработан ещё в конце марта – начале апреля 1939 года под руководством начальника Генштаба Б.М. Шапошникова. В этом документе реалистически учитывалась складывающаяся обстановка; допускалась потенциальная возможность получения Финляндией помощи от третьих стран; признавалось, что столкновение будет «далеко не лёгким делом, требующим нескольких месяцев напряжённой и трудной войны»; предлагалось усилить войска Ленинградского военного округа соединениями и частями из других округов; планировалось нанести главный удар в обход укреплений от Кандалакши [20].

Однако летом 1939 года на заседании Главного военного совета РККА Сталин подверг «план Шапошникова» резкой критике за переоценку возможностей армии Финляндии. Новый вариант плана было поручено разработать военному совету Ленинградского военного округа под командованием Мерецкова. 29 октября 1939 года специально подготовленный документ под названием «План операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии» был представлен Ворошилову и вскоре утверждён Сталиным.

Содержание «плана Мерецкова» сводилось к следующему: ставка делалась на мощный первоначальный удар силами Ленинградского округа; утверждалось, что «по получении приказа на наступление наши войска одновременно вторгаются на территорию Финляндии на всех направлениях с целью растащить группировку сил противника и во взаимодействии с авиацией нанести решительное поражение финской армии»; главный

удар планировался северо-восточнее Ладожского озера в обход линии Маннергейма на сердобольском направлении, вспомогательный – на Карельском перешейке, предполагалось разгромить главную группировку финской армии в районе Сортавала, Виипури (Выборг), Кякасальми (Кексгольм) и овладеть районами Хитола, Имарта, Виипури; чётко определялось, когда захватить Хельсинки (через 14 дней) и водрузить красный флаг над финским парламентом, когда выйти к шведской границе и как вести себя со шведскими пограничниками; определялись сроки проведения операций: на Карельском направлении 15 дней при среднем продвижении войск 10–12 км/сутки.

Шапошников на совещании высшего комсостава в апреле 1940 года говорил: «Основным направлением считалось... Карельское... и затем от Петрозаводска в обход укрепленной линии. Они должны были взаимно действовать... лично тов. Сталин предложил совершенно правильный план – это удар внутренним флангом, чтобы не одна армия работала, а обе..., ибо, если не удастся одной армии прорваться, прорвется другая на широком фронте» [21].

Военный совет Ленинградского округа был «твёрдо уверен, что... войска с честью выполнят свой священный долг перед Родиной, полностью уничтожат белофинскую армию и... навсегда закроют поджигателям войны доступ в Финский залив и к городу Ленинграду» [22].

Однако ряд проблем (распыление сил, их общая недостаточность и слабая подготовленность, нереальность высоких темпов продвижения и пр.) создавали угрозу срыва выполнения плана войны.

8-я армия имела задачу уничтожить Вертсиля-Сортавальскую группировку противника и выйти в тыл его войскам на Карельском перешейке. Операция на глубину 90 километров рассчитывалась на 10 дней [23]. Но если учесть, что при выдвижении войск 8-й армии к границе реальные темпы движения (по своей теории) были ниже планируемых в боевой обстановке, то можно было заранее предвидеть происшедший срыв.

Войскам 9-й армии ставилась задача: рассеять фронт противника пополам, отрезать северную часть страны от южной, выйти к побережью Ботнического залива, изолировав тем самым

Финляндию от соседей [24]. 25 ноября 1939 года штаб армии представил военному совету Ленинградского округа «Соображения по проведению операции 9-й армии», в которых 450 километров предполагалось пройти за 20 суток. Столь высокие темпы продвижения (около 22 км/сутки) выводились из количественного превосходства войск 9-й армии (около 50 тыс. чел., более 450 орудий, 191 танк, 39 самолётов) над Северо-Карельской группой финнов (одна пехотная дивизия, несколько отдельных батальонов, 48 орудий).

27 ноября 1939 года сотрудник оперативного отдела штаба округа майор С.Г. Чернов доложил начальнику отдела полковнику П.Г. Тихомирову, что части 9-й армии не смогут двигаться по территории противника такими темпами, так как даже к границе по своей территории они шли, растягиваясь и оставляя артиллерию, не быстрее 12–16 км/сутки. Чернов писал: «Как же можно планировать такие темпы на территории противника?! Это значит построить операцию на песке, без знания реальной обстановки и особенности фронта... противник, видимо, вообще в расчёт не принимался и бездорожье не учитывалось... за это можно поплатиться срывом всей операции... Коммуникации будут перерезаны диверсионными группами, войска могут оказаться без питания и боеприпасов».

Вечером 29 ноября 1939 года, возвращая доклад, Тихомиров отметил: «Темпов сбавлять и уменьшать нам никто не разрешит, а теперь и вообще поздно этим заниматься, нужно действовать по тому плану, что есть» [25].

Неудачи наших войск, их большие потери в личном составе и материальной части имели в качестве одной из главных причин слабость подготовки боевого управления.

Библиографический список

1. РГВА. – Ф. 33879. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 13, 14.
2. См.: «Круглый стол»: Локальные войны XX века: Роль СССР [Текст] // Отечественная история. – 1992. – № 4. – С. 19.
3. См.: *Осьмачко, С.Г.* Красная Армия в локальных войнах и военных конфликтах (1929–1941 гг.): боевой опыт и военная политика [Текст] : монография. – Ярославль, 1999. – С. 182–185.

4. См. : Там же.
5. См. : РГВА. – Ф. 35083. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 24.
6. См. : Там же. – Ф. 35086. – Оп. 1. – Д. 664. – Л. 86.
7. См. : Там же. – Ф. 35083. – Оп. 1 – Д. 111. – Л. 3–5.
8. См. : *Мерецков, К.А.* На службе народу [Текст]. – М. : Воениздат, 1984. – С. 182; Советские связисты в боях за Родину [Текст]. – М. : Воениздат, 1984. – С. 89.
9. Цит. по: *Ван Дейк, Карл.* Легко отделались. Какие уроки извлекло партийное и военное руководство из финской кампании [Текст] // *Родина.* – 1995. – № 12. – С. 113.
10. См.: *Донагаров, А.Г.* Предъявлялся ли Финляндии ультиматум? [Текст]. – Военно-исторический журнал. – 1990. – № 3. – С. 46.
11. Цит. по : *Волкогонов, Д.А.* Маршал Ворошилов [Текст] // *Октябрь.* – 1996. – № 4. – С. 161.
12. См.: *Донагаров, А., Носков, А.* Война, которой могло не быть? [Текст] // *Советское военное обозрение.* – 1989. – № 10. – С. 48.
13. См. : *Международная жизнь.* – 1989. – № 12. – С. 217.
14. См. : *Невежин, В.А.* Идея наступательной войны в советской пропаганде 1939–1941 годов [Текст] // *Преподавание истории в школе.* – 1994. – № 5. – С. 9.
15. См. : *Правда.* – 1939. – 3 декабря.
16. См. : *Борьба финского народа за своё освобождение* [Текст]. – М.; Л., 1939. – С. 33.
17. Цит. по : *Невежин, В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боёв», 1939–1941 гг. [Текст]. – М. : АРИО – XX, 1997. – С. 93.
18. *Военно-исторический журнал.* – 1993. – № 5. – С. 46.
19. См. : РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 165. – Д. 75. – Л. 69–70.
20. См. : *Носков, А.М.* «Зимняя война», которой могло не быть [Текст] // *Актуальные проблемы новейшей истории.* – М. : Просвещение, 1991. – С. 101; *Рапопорт, В.Н., Геллер, Ю.А.* Измена Родине [Текст]. – М. : РИК «Стрелец», 1995. – С. 346; *Родина.* – 1995. – № 12. – С. 35; Смена руководства Наркомата обороны в связи с уроками советско-финляндской войны 1939–

1940 гг. [Текст] // *Известия ЦК КПСС.* – 1990. – № 1. – С. 210–211.

21. См. : РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 165. – Д. 76. – Л. 159.
22. См. : *Барышников, Н., Барышников, В.* «Зимняя война» [Текст] // *Аврора.* – 1990. – № 2. – С. 35; *Ващенко, П.Ф.* Если бы Финляндия и СССР... [Текст] // *Военно-исторический журнал.* – 1990. – № 1. – С. 30–32; Война, которую стыдно вспоминать... [Текст] / *Молодой коммунист.* – 1990. – № 3. – С. 77; *Мельтюхов, М.* Правители без подданных: Как пытались экспортировать революцию [Текст] // *Родина.* – 1995. – № 12. – С. 60; «Что у вас там произошло в Майниле?» [Текст] // *Новое время.* – 1992. – № 26. – С. 47–48.
23. См. : РГВА. – Ф. 34980. – Оп. 14. – Д. 57. – Л. 37.
24. См. : Там же. – Оп. 5. – Д. 1. – Л. 1; Д. 292. – Л. 33.
25. См. : *Дудорова, О., Аптекарь, П.* Преданные и забытые [Текст] // *Родина.* – 1995. – № 12. – С. 87–89; *Дудорова, О.А.* Неизвестные страницы «зимней войны» [Текст] // *Военно-исторический журнал.* – 1991. – № 9. – С. 16.

© Е.В. Воронова

Некоторые проблемы агитационно-пропагандистской работы в РККА в ходе боевых действий 1929–1940 годов

Агитационно-пропагандистская работа в ходе боевых действий являлась важнейшим направлением воспитательной (партийно-политической) работы. В 20-е годы XX века существовало мнение, что воспитательную работу в войсках можно проводить только до их вступления в боевые действия, а в ходе боёв она теряет свой смысл [1]. Реальность войны перечеркнула эту точку зрения. Как и вся воспитательная работа, действия агитационно-пропагандистского плана планировались и осуществлялись в три этапа: а) в процессе подготовки к боевым действиям (в том числе на месте постоянной дислокации, во время развертывания и в ходе марша); б) в ходе боевых действий (при выдвижении на исходное положение перед атакой и в ходе боя); в) после боевых действий.

На подготовительном этапе использовались следующие формы агитационно-пропагандистской работы: доклады, лекции, беседы, митинги, читка газет, зачитывание и обсуждение обращений и приветствий вышестоящих инстанций, зачитывание писем патриотически настроенных граждан или отличившихся воинов, читка памяток, листовок, политические занятия и информации, изготовление стенной печати, наглядной агитации, выпуск боевых листов (последние как форма оперативной и наглядной агитации впервые появились в боях на КВЖД в 1929 году) [2].

По мере продвижения войск от мест постоянной дислокации к району боевых действий характер работы менялся: возможность применения различных агитационно-пропагандистских форм сужалась. Разъяснение обстановки проходило прежде всего на привалах, во время которых большую работу проводили чтецы-беседники. Беседы посвящались разъяснению боевой задачи, обобщению передового опыта. К их проведению привлекались также командиры, участники боевых действий и др.

Во время хасанских боёв громкие читки проводились даже в ходе марша [3]. «Обслуживание живым словом» [4] во время подготовки боев на Халхин-Голе проводилось преимущественно в ходе бесед, громких чтот, коротких («летучих») митингов.

Перед началом боевых действий к личному составу обращался политотдел соединения с призывом самоотверженно выполнить свой долг.

В процессе марша активно использовались лозунговые формы воздействия. На повозках, машинах производились следующие надписи: «Береги технику, она нужна тебе в бою!», «Береги технику, соблюдай правила марша!», «Береги силы, они пригодятся тебе в бою!», «Выше классовую бдительность!», «Умрём за Родину, но ни кусочка земли не отдадим!» и пр. Лозунги вывешивались в столовой («Только отличный обед защитникам Родины!», «Дадим вкусный, сытный обед борцам за коммунизм!» и пр.), в медпунктах («Ни одного тяжелораненого не потерять!», «Быстрее и лучше оказывать медпомощь бойцам!») [5], в других местах.

В ходе боевых действий возможности агитационно-пропагандистского воздействия уменьшались, количество и виды его форм ограничивались и определялись боевой обстановкой. Общая задача была одна – создать боевой порыв, настроение победы. Перед такой атакой в ротах, окопах, экипажах проводились «летучие» митинги, индивидуальные беседы, зачитывались обращения и пр. Мобилизующее значение имели патриотические надписи на снарядах, минах, оружии. Так, у озера Хасан в честь 9-й годовщины ОКДВА (6 августа) на снарядах писали: «В честь 9-й годовщины – наш скромный подарок японскому самураю!» [6].

На Халхин-Голе активно применялась такая форма воспитательной работы, как посылка писем от воинов (подразделений, частей), имеющих боевой опыт, воинам, не имеющим его. Это было очень важно для психологической подготовки последних. Например, 10 июля 1939 года на фронт прибыл 603-й стрелковый полк 82-й стрелковой дивизии, на 70% состоявший из приписного состава, никогда не державшего оружия в руках. Немудрено, что, опоздав с сосредоточением на сутки, полк в бою дважды панически оставлял боевые позиции [7]. Боевое сколачивание подобных частей требовало и необходимого воспитательного воздействия.

Непосредственно в бою агитационная работа сводилась прежде всего к выкрикиванию коммунистами и комсомольцами боевых лозунгов, призывов следующего содержания: «За Сталина!», «За Сталинскую Конституцию!», «За Родину!», «К победе!», «На пулемет!», «Бей самурая!», «Раздавить гадину!» и пр. [8]. Опыт Хасана и Халхин-Гола показал низкую готовность воинов к тому, чтобы не только поддерживать эти лозунги, но и просто кричать «Ура!» [9].

В коротких паузах боя проводились мобилизующие беседы, в ходе которых передавался передовой опыт. Важное значение имели установка знамен на высотах, организация наблюдения за действиями своей артиллерии и авиации и т. п.

Воспитательная работа в боях у озера Хасан получила оценку «архиплохо», в ней было «излишне много шума, крика, угроз», отмечались случаи паники, добивания своих раненых [10]. Впрочем, действенность агитационно-пропагандистской

работы оставалась недостаточной и в других войнах и военных конфликтах.

После боевых действий возобновлялись утраченные ранее формы агитации и пропаганды: проводились политзанятия, более регулярно осуществлялось политическое информирование воинов, выпускались стенгазеты и боевые листки. 26 июля 1939 года ПУРККА для примера разослало во все военные округа папки с образцами стенной печати подразделений, воевавших на Хасане (причём в сопроводительных документах указывалось, что в боевой обстановке стенную печать «следует выпускать по возможности») [11].

Содержание агитации в этот период составляли разбор положительного и отрицательного опыта, популяризация подвигов, действий награждённых воинов. Перед началом заключительных операций советско-финляндской войны ПУРККА специальной телеграммой довело до подчинённых войск недостатки пропагандистской работы (оторванность от боевой жизни, малое количество положительных примеров) и рекомендовало обратиться к обобщению опыта ночных действий, особенностям боёв в лесисто-болотистой местности, борьбе с дотами, предотвращению обморожений и пр. [12].

В итоге агитационно-пропагандистская работа, совершенствуясь в ходе боевых действий, вносила несомненный вклад в дело победы над врагом.

Библиографический список

1. См. : Партийно-политическая работа в Вооружённых Силах СССР. 1918–1973 гг. : Исторический очерк [Текст]. – М. : Воениздат, 1974. – С. 186.
2. См. : Идеологическая работа в Вооружённых Силах СССР : Историко-теоретический очерк [Текст]. – М. : Воениздат, 1983. – С. 155.
3. См. : РГВА. – Ф. 35083. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 40.
4. См. : Там же. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 425. – Л. 38.
5. См. : Там же. – Ф. 35083. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 194–196.
6. См. : Там же. – Л. 49.
7. См. : Там же. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 425. – Л. 4, 16.

8. См. : Там же. – Ф. 35083. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 194.
9. См. : Там же. – Л. 77.
10. См. : Там же.
11. См. : Там же. – Ф. 9. – Оп. 40. – Д. 54. – Л. 113.
12. См. : Там же. – Д. 63. – Л. 45, 48.

© Д.Н. Малахов

Аэродромно-техническое обеспечение в советско-финляндской войне 1939–1940 годов

Практика тылового обеспечения соединений и частей ВВС в советско-финляндской войне показала, что введенная в 1938 году система, основанная на территориальном принципе, имела существенные недостатки. С началом войны было принято важнейшее решение о переходе к обслуживанию авиационной базой только одного авиационного полка. Однако на практике данное мероприятие осуществлено не было.

Созданные авиационные базы по своей структуре были очень громоздкими. Это усложняло перебазирование, а выделяемые базами комендатуры для обслуживания полков к решению такой задачи не были в достаточной мере подготовлены. Так, для перевозки одной базы железнодорожным транспортом требовалось 6–7 воинских эшелонов по 70–75 вагонов в каждом.

Авиабазы прибывали на фронт по частям и с большим опозданием. Как правило, сначала появлялись новые лётные части, а затем увеличивалось число обслуживающих органов – авиационных баз, складов, аэродромно-строительных частей.

Авиационные базы запаздывали с прибытием на фронт (относительно частей) от нескольких дней до месяца и даже более. Авиационные части и соединения продолжительное время оказывались без «своего» тыла. Так, например, 16-й авиационный полк прибыл на фронт в последних числах января, а первый эшелон 105-й авиационной базы – 1 марта. Некоторые базы (18-я и 25-я) на театр военных действий так и не успели прибыть, хотя лётные части, для обслуживания которых они предназначались, были включены в состав действующей армии и производили боевую работу [1]. Их приходилось обеспечивать силами ранее прибывших авиационных баз, которые были уже развернуты и задей-

ствованы. Некоторые авиабазы вынуждены были обслуживать по 2–3 полка на нескольких аэродромах. Это не соответствовало их возможностям и техническому оснащению [2]. К началу боевых действий всего в действующей армии состояло 29 авиационных баз и 5 комендатур авиабаз, на последний день войны – 41 авиационная база, кроме того, комендатуры авиабаз были переформированы в 2 авиабазы [3].

Положение значительно усложнялось тем, что в силу недостатка баз и зачастую внезапных перемещений лётных частей приходилось выделять комендатуры из состава авиабаз. Комендатуры, выделявшиеся из состава авиабаз, представляли по своему численному составу и технической вооружённости такую же пёструю картину, как и сами базы. Эти организационные мероприятия при недостатке баз казались единственно правильными в данных условиях. И всё же их нельзя признать удачными: во-первых, этим выделением комендатур ослаблялись и расшатывались сами базы; во-вторых, выделение стало массовым, хотя этого можно было избежать; в-третьих, наспех выделенные, маломощные комендатуры впоследствии пришлось снова объединять.

Следующей проблемой, осложнявшей функционирование авиационного тыла, являлось то, что действующие штаты авиабаз не соответствовали действительной потребности (состав стрелковых рот малочислен, грузового автотранспорта недостаточно и т. д.) [4].

Существовали проблемы с перегруженностью авиабаз различного рода имуществом, что усложняло возможность в достаточном количестве создавать подвижные запасы материальных средств.

Всё это привело к тому, что авиация стала терять одно из своих важных качеств – маневренность.

Промежуточные тыловые органы, которые должны были обеспечивать бесперебойную работу авиационных баз по обслуживанию лётных частей, появились лишь к концу войны.

Таким образом, развёрнутой системы тыла авиация действующей армии так и не получила до конца войны [5].

Практика управления тылом подтвердила, что важнейшее место в деле материального обеспечения ВВС занимают вопросы общевойскового снабжения и обеспечения грузовых,

железнодорожных и автомобильных перевозок [6].

Интенсивная боевая работа и большое количество самолётов в советско-финляндской войне потребовали значительных перевозок. Так, за весь период боевых действий только ВВС Сержеро-Западного фронта израсходовали 31 882 тонны горючего, 1 711 тонн смазочных материалов [7].

Авиабазы и комендатуры территориально располагались на небольшом удалении, в среднем на 5–10 километров от станций выгрузки, во многих случаях они были расположены в непосредственной близости от железной дороги. Удаление действующих аэродромов от линии фронта в среднем составляло 25–40 километров, отдельные части располагались в 10 и даже в 5 километрах от фронта, следовательно, значительная часть авиабаз выполняла свою работу в войсковом тылу впереди общевойсковых станций снабжения, а иногда даже впереди КОП. Такое близкое расположение авиации к линии фронта, естественно, затрудняло основной элемент работы тыла – подвоз, как железнодорожный, так и по грунту [8].

Пути подвоза авиабаз совпадали с общевойсковыми путями. Отдельных путей подвоза авиабазам не назначалось.

Вследствие слабой постановки службы регулирования на грунтовых участках и их большой загрузки авиатранспорт авиабаз работал крайне нерегулярно. Несвоевременный подвоз заставлял держать запасы на аэродромах сверх всяких норм. Так, перерывы в подаче заставили командование ВВС 7-й армии прибегнуть к внутреннему маневру запасами. Средствами автотранспорта авиабаз и армейского транспорта, во избежание срыва боевой работы, была проделана огромная работа по перегруппировке боеприпасов между базами (более 2 тысяч рейсов) [9].

Особо стоял вопрос об оперативных перевозках. Оперативные железнодорожные перевозки в большом масштабе показали, что: во-первых, организацией и управлением перевозками одновременно занимались несколько несоподчинённых органов; во-вторых, не было единого органа, ответственного за эти перевозки; в-третьих, наблюдение за перевозками одновременно осуществлялось несколькими органами; в-четвертых, не было установлено порядка работы органов ВОСО, осуществлявших эти перевозки [10].

Таким образом, авиабазы в советско-финляндской войне являлись органическим придатком обслуживаемых ими полков и во время перебросок лётных частей тянулись за ними. Принцип территориальности авиационных баз и принцип приближения авиации к запасам во время войны осуществления не получили.

Библиографический список

1. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). – Ф. 29. – Оп. 34. – Д. 542. – Л. 150.
2. РГВА. – Ф. 29. – Оп. 34. – Д. 542. – Л. 149.
3. Там же. – Л. 151.
4. Там же. – Л. 74.
5. Там же. – Л. 152.
6. Интендантский журнал. – 1940. – № 1. – С. 450.
7. См.: РГВА. – Ф. 29. – Оп. 34. – Д. 542. – Л. 143.
8. См.: Там же. – Л. 125.
9. См.: Там же. – Л. 127.
10. См.: Там же. – Л. 156.

© В.Т. Анисков

Ретроспективный взгляд на собственное издание начала 90-х (к 65-летию Победы)

Научный труд вашего автора «Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны», опубликованный Институтом истории СО РАН, вышел в канун 50-летия Великой Победы.

В слове к читателю подчёркивалось, что «в случае с предлагаемой книгой ни одной её строки не коснулась рука не только цензора, но и литературного редактора». Её не «встряхи-вала» и воля научного редактора Н.Я. Гущина, который, однако, оказал самое верное методологическое содействие автору монографии на всех подходах к издательскому выходу. Как, кстати, и другие ученые, стоявшие тогда у руководства бесподобного для тех лет общесибирского сообщества.

Словом, при всех невероятных социально-политических катаклизмах вышло исследование, с одной стороны, инновационное, не стыковавшееся с прежней историографией, с другой –

во многом вроде бы неприемлемо-консервативное для директивных начал. В целом же заложившее неординарные методологические основания последующих воззрений по проблеме на десятки лет вперед. Тем самым ставшее и весьма важным примером для современных сопоставлений. В том числе в связи с наступающим 65-летием разгрома фашизма. Предлагаем перепечатку без каких-либо купюр, видя в том весьма важный сравнительный историографический смысл.

«Книга охватывает все стороны жизни, труда, быта сибирской деревни 1941–1945 годов. Необычная по композиции, логике и стилю, оснащённая ещё недавно закрытыми документами, она объективно, с чувством высокой научной ответственности и авторского видения воссоздаёт реальную картину безмерной жертвенности колхозников и Великого подвига во имя Победы. Непосредственно посвящённая крестьянству Сибири, книга поднимает и многие общеисторические и методологические вопросы истории деревни бывшего СССР» (из представления монографии сектором Истории крестьянства и сельского хозяйства Института истории СО РАН).

Далее непосредственно от автора:

«В наше время трудно удивить читателя – даже близкого по интересам к сюжету книги. О деревне писать, дискутировать и просто рассуждать ныне стремятся все – история советского крестьянства стала тем накрепко затянутым узлом, что развяжи его – спадут шоры с ошибок прошлого, реальной целью предстанет будущее. Если и есть пророк в своём Отечестве, то это не что иное, как правдивая, зовущая к уму-разуму история. Потому-то и ухватились ныне за историю крестьянства даже далёкие от науки люди – за все концы узла, с разных позиций, разной мерой ответственности и, что хуже всего, с разной честолюбивой целью. За что-то цепко прихватились, что-то даже развязали (не распутали – так послабили), многое ещё ту же затянули.

Год-два (1989–1990) в центре дискуссий о крестьянстве и аграрной политике оставались периоды революций и Гражданской войны, нэпа и коллективизации. Эти споры, лишь коснувшись военных лет, чаще сразу перемахивали на позднее послевоенное время. Они захлебывались, но не затухали в сложнейшем лабиринте современных аграрно-продовольственных и со-

циально-политических проблем. Тех и других больше беспокоила не столько научная истина, сколько прикладные политические цели под аккомпанемент уродливой идеологизации и призывов к «тотальной деполитизации». Одни не хотели сбрасывать «одиозные шоры сталинизма», другие – смотреть на минувшее иначе как через призму тюремных решёток ГУЛАГа.

Трезвая, обновлённая научная мысль заявила о себе не сразу. Причин тому несколько, и не последняя из них – психологическая. Крутые повороты истории всегда обгоняли их научное осмысление – потому ошибались даже выдающиеся политики. Время требовало и поиска новых фактов, и иных методологических подходов. На наш взгляд, научное видение выдвинувшихся на гребне всеобщей политизации и жажды действительного исторического самосознания народа проблем было застигнуто врасплох. Сказалась при этом и безмерная агрессивность расчётливых наскоков – обыденная и научная порядочность поначалу всегда пасует перед хамством и самонадеянностью. Тем более, если они действуют охлократическим способом «выяснения истин».

И всё же историки нашей деревни военных лет на какое-то время оказались в относительно более благоприятном положении. Во-первых, потому, что даже самых нахрапистых поносителей всего советского заметно сдерживала боязнь оказаться не понятыми. Очевидный подвиг колхозного крестьянства 1941–1945 годов был и остаётся ещё на памяти живущего ныне поколения. И не так-то просто, тем более походя, вырвать его из контекста общенародной победы и очернить. Но, думается, сказалось и второе, совсем иное обстоятельство. Длительное и нараставшее отставание послевоенного сельского хозяйства ещё с сентября 1953 года выдвинуло перед историками – выдвинуло официально – вопрос об уроках войны и их неразрывной связи с последующим состоянием колхозной деревни.

Этот социальный заказ (пусть половинчатый и недолгий) был подкреплён во время «оттепели» столь же кратковременным и урезанным, но весьма существенным условием – доступом ко многим ранее закрытым документам. Под влиянием исходившей сверху критики сложившегося неблагополучия на селе временно отступила даже цензура. В итоге к началу 70-х годов вышли и

получили своих последователей первые научные публикации нового поколения. Примерно в течение одного десятилетия ещё недавно один из самых отстававших и «залакированных» участков истории советской деревни вырвался в число передовых, обойдя притом многие другие стороны изучения военной истории. Это был настолько ощутимый прорыв, что даже застойный откат не смог его заглушить.

Интересующихся историографическими подробностями отошлём к нашей по сей день, к сожалению, единственной историографической книге по данной теме [1]. Но заметим и то, что в числе первых, вслед за монографией Ю.В. Арутюняна [2], была и книга автора этих строк о крестьянстве Сибири и Дальнего Востока 1941–1945 годов, вышедшая в 1966 году в Барнауле [3]. Не переиздававшаяся, отложившаяся лишь в немногих библиотеках страны и потому давно ставшая библиографической редкостью, она, тем не менее, и поныне используется в самых различных региональных и центральных изданиях.

Изложенные в ней концепция и периодизация были положены автором в основу таких обобщающих исследований, как четвертая книга «Истории крестьянства Сибири» и третий том «Истории советского крестьянства», вышедших академическими изданиями соответственно в 1985 году в Новосибирске и в 1987 году в Москве. Если же взять самые первые и самые последние в хронологическом отношении монографические сводные труды, в которых общая концепция разделов о крестьянстве 1941–1945 годов опять-таки базировалась на той же книге 1966 года, то нужно вспомнить и пятый том «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней» (Ленинград, 1969) и две книги по истории советского тыла (Москва, 1988, 1989), вышедшие в издательстве «Наука».

Словом, от первой монографии о сибирской деревне военной поры до недавних обобщающих коллективных изданий, соответствующие разделы которых также были написаны автором этих строк, минуло четверть века. Пожалуй, не столь уже частое в нашей науке долголетие исходных выводов. Но это ещё не значит, что этим выводам сопутствовала лёгкая судьба. Основу той монографии, о которой идёт речь, составляла докторская диссертация её автора, защищённая в Томском университете и

более двух лет проходившая затем все «круги ада» Высшей аттестационной комиссии в Москве. Её трижды пришлось заново перезащищать на экспертизе и на самом Пленуме ВАК.

И что же тогда смущало экспертов конечного уровня? Прежде всего отход от традиционной конструкции советского тыла, от стереотипных оценок роли и места сельского хозяйства в военной экономике. Не только отход, но и конструктивная критика. Так называемый «чёрный» рецензент ВАК, а им, как затем стало известно, был московский профессор П.П. Андреев, так и написал размашисто на рукописи диссертации: «Автор претендует на новое прочтение темы!». Больше всего (да и не только его) смущало утверждение соискателя о субъективных последствиях ошибок по руководству сельским хозяйством, которые, разумеется, имели существенное место и не скрывали собой объективных обстоятельств колоссальных трудностей в деревне.

Неприемлемыми оказались и выводы о том, что в годы войны сибирское и всё колхозное сельское хозяйство не обеспечивало не только расширенного, но и простого воспроизводства, что прежде всего в силу объективных трудностей резко упала (и не могла не упасть) производительность колхозного труда, что самым тяжёлым для сельского хозяйства стал именно 1943 год, который по прежней схеме истории войны неизменно рассматривался как год переломный. Тройным знаком вопроса были помечены и те страницы рукописи (как и самой монографии), где говорилось о главной роли личного хозяйства крестьян в продовольственном обеспечении колхозников, о заготовительной работе в деревне, в которой всё больше доминировали методы административного порядка.

Когда же речь шла о новом применении жуткой памяти чрезвычайных «троек» и «пятерок» «в битве» за продовольствие (да и на многих страницах развёрнутых доказательств) сомнения рецензента вовсе уступили место страху. «Надо и можно ли об этом в открытой печати. Для чего всё это?!», – резюмировал под конец тот же задрапированный представитель официальной науки, – тот самый, который имел личное отношение к изданию нескольких работ, выполненных в прежних общепринятых оценках. И, в самом деле, до сих пор удивляет, каким же образом на

исходе «оттепели» все-таки удалось тогда отстоять свои позиции не только в рукописи диссертации, но и в монографии, хотя кое-чем пришлось и поступиться.

Тем не менее в обоих случаях обобщённо заключалось: «Почти до конца войны сельское хозяйство работало на износ, сокращались и разрушались его производительные силы, падало качество и плодородие земли. Крестьянство выполняло свой долг в условиях небывалых миграционных процессов. Основная и наиболее работоспособная часть сельского населения ушла на фронт, вторая оказалась занятой в промышленности и на транспорте. И только третья часть, в основном женщины, старики и подростки, оставалась на селе, занимаясь обычным, но не в обычных условиях сельскохозяйственным трудом. И она – эта третья часть – давала стране и фронту необходимый минимум продуктов и сельскохозяйственного сырья».

И затем (не в бровь, а в глаз аттестующим рецензентам): «Исследователи еще нередко недооценивают реального вклада колхозного крестьянства в победу (это они-то, которые и мысли не допускали о хозяйственном упадке колхозов в ходе войны), не учитывая при этом того своеобразия в положении деревни в то время, о котором речь шла выше... Буквально всё – и жизнь, и рабочую силу, и сельскохозяйственную технику, и продукты, которые получало государство из села практически бесплатно (заготовительные и закупочные цены в тех условиях имели лишь номинальное значение), – колхозное крестьянство отдавало для фронта и промышленности. История не знала такого массового классового самопожертвования. В чём тогда только не упрекали автора этих строк – даже в крестьянофильстве, которое-де сродни так называемым «деревенщикам» в художественной литературе.

Говорить о второй после коллективизации массовой жертвенности и терпимости крестьянства в условиях набравшей силы брежневщины было и в самом деле уже рискованно. Поэтому и считаю своим долгом особо сказать слова признательности доброй памяти академику А.П. Окладникову и профессору И.М. Разгону, не поступившимся принципами и активно поддержавшим одну из первых попыток по-иному взглянуть на историю нашей деревни военных лет. Столь же принци-

альную поддержку оказали и такие видные учёные, как А.И. Крушанов, впоследствии академик, профессора А.В. Митрофанова и Ю.В. Арутюнян. При этом в течение ряда лет последний (ныне также действительный член РАН) оставался первым оппонентом, единодушие и творческая дискуссия с которым были главным барометром в дальнейшей разработке проблемы. Затем к этому с разной мерой последовательности подключались другие известные ученые-аграрники.

В 1973 году директор Института истории, филологии и философии СО АН СССР академик А.П. Окладников обратился в издательство «Мысль» с предложением о переиздании книги к 30-летию Победы (несколько раньше – в 1970 году – вторым изданием здесь вышла монография Ю.В. Арутюняна). Но к середине 70-х ситуация изменилась коренным образом. Многие из того, что ещё недавно было позволительно, оказалось под жёстким прессом цензуры или вовсе недозволенным. Запрещалась всякая ссылка на любой неопубликованный официальный документ, тем более на постановления ЦК партии и правительства. Даже ранее изданное тем же автором могло быть продублировано лишь в том случае, если предыдущая публикация принадлежала центральному издательству. На книгу, вышедшую в Сибири, этот порядок, естественно, не распространялся.

Из общего пользования вновь исчезли многие ещё недавно «подпущенные» к научному обороту архивные фонды. Сглаживались или вовсе выбрасывались острые, на взгляд издательского редактора, суждения авторов, множились до бесконечности запретные темы и фактологические данные. Переиздание вышедшей после XX съезда КПСС книги стало относительно возможным лишь при значительной чистке, а то и отходе от занятых в ней нестандартных позиций. Так некое «добро» по сдерживанию хрущевизма по сути также обернулось «злом».

Годы ушли на разработку историографии проблемы, на участие в подготовке обобщающих трудов по истории колхозной деревни и советского тыла 1941–1945 годов. Было важно всё новое, чем обогатилась литература 60–70-х годов, внедрить не только в сводные труды, но и в учебные издания. Это представлялось тем более необходимым, потому что каждое такое внедрение в обстановке нараставшей так называемой «застойности»

давалось очень нелегко. Хотя вышедшие труды по истории крестьянства СССР и Сибири и стали серьёзными итоговыми, а следовательно, этапными изданиями, настоящего удовлетворения они не принесли – и как автору глав, и как ответственному за выпуск томов, и как члену редакций. Многие собирались, обобщались и... оставлялось про запас в надежде на лучшее.

Это лучшее наступило, хотя далеко не лучшим образом. Перестройка пусть не сразу, но создала совершенно иную ситуацию в архивном деле, хотя не сразу и не для всех. Снятие цензуры превратило мечту исследователя в счастливую реальность. Но апрель 1985 года оказался тем добром, которое не бывает без худа. Причем, как говорил В.И. Ленин, «худа оказалось немного (?) много, а добра немного (!) мало». Во всяком случае, по истечении шести лет, и, прежде всего, для самой страны и её крестьянства. Что же до историко-аграрной проблематики в свете перестроечного свободословия, то этого самого «худа» выплеснулось столько, что ещё недавние и, казалось, самые смелые научные представления стали для оголтелых осквернителей прошлого безнадёжно консервативными.

А это уже был вызов, задевавший не только честь профессионального историка, но и патриотическое достоинство всех, кто, «не щадя живота своего», бился за Победу. В этой связи особо хочется поблагодарить историко-гуманитарные институты СО РАН, прежде всего академика А.П. Деревянко [ныне одновременно академик-секретарь объединённого отделения историко-филологических наук всей РАН. – ред.], который с пониманием откликнулся на предложение о подготовке настоящей монографии, члена-корреспондента РАН [директора Института истории СО РАН. – ред.] Л.Н. Горюшкина, согласившегося курировать это издание; заведующего сектором крестьянства профессора Н.Д. Гущина и его коллег, рекомендовавших книгу к печати.

Автору не оставалось иного, чтобы в какой-то мере оправдать столь высокое доверие. Предлагаемая книга – совершенно новое оригинальное исследование, хотя и органически связанное с тем, что было издано и выношено по этой проблеме за двадцать пять минувших лет. Связано главным образом концептуально-методологическим замыслом. Но оно совсем иное не

только комплексностью в раскрытии темы и внутренней логикой, но и документальной оснащённостью и даже формой повествования.

Книга писалась умом и сердцем, а потому быстро и взволнованно. Но создавалась она всю жизнь. «Как можно, – возразит ортодоксальный критик, – история есть наука, она требует академической строгости. Поэтому оставьте свои эмоции при себе!».

Ну что ответить, тем более что подобное приходилось слышать уже не раз. Ныне нередко вспоминают реплику известного французского писателя Эдмона Гонкура, который заметил: «История – это роман, происшедший в действительности». И вовсе непонятно, почему этот роман надо писать скучно, отрешенно от реальных событий.

Главное, чтобы всё было честно, достоверно и, конечно, не бесстрастно. Равнодушный историк – это (скажем помягче) тусклый историк. Им-то и не хотелось быть...»

Апрель 1990 – февраль 1991

Р. С. Автор не счёл нужным изменять даты написания книги на более поздний срок, хотя к моменту её выхода прошло ровно два роковых года. Стало очевидно, что многое ещё недавно казавшееся совершенно несомненным или максимально допустимым в критико-аналитическом рассмотрении минувшего, – по меркам нового дня выглядело лишь подходами к действительно корректным (адекватным) взглядам на другую историческую реальность. Историография – всегда дитя своего времени...

Вот такой-то редкостный перед нами случай, когда без малого двадцать лет спустя вновь озвученные обобщения и выводы не только не ушли в прошлое, а, наоборот, обрели новое дыхание и более острую актуальность. Даже в словесно-понятийном обрамлении. Если прежде всё-таки в основном речь шла о большей или меньшей ответной реакции на так называемые демократические извращения истории Великой Отечественной, то ныне те политические цели совсем развернулись уже на полное умаление этого величайшего явления в самой человеческой памяти, на упразднение всех общенародных достижений небывалой Победы.

Отсюда и конкретное прикладное предложение – поддержать намерение автора о переиздании поименованной выше монографии при соответствующей коррекции в связи с предстоящим 65-летием со дня разгрома фашизма. Это послужило бы и доброй памяти Николая Яковлевича Гущина, со дня рождения которого в октябре 2009 года исполнилось 80 лет.

Библиографический список

1. *Анисков, В.Т.* Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне [Текст] : историографический очерк. – М. : Мысль, 1979.

2. *Арутюнян, Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны [Текст]. – М. : Наука, 1963. – 2-е изд. – 1970.

3. *Анисков, В.Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту 1941–1945 [Текст]. – Барнаул, 1966.

© С.Н. Картавый

Советская помощь в подготовке кадров для ВВС Народно-освободительной армии Югославии в годы Великой Отечественной войны

За годы войны при помощи СССР и с его непосредственным участием были сформированы, обучены и вооружены 1-й югославский истребительный полк на самолетах Як-3 и 2-й югославский штурмовой авиационный полк на самолетах Ил-2 [1]. Помимо перечисленных авиационных полков для ВВС Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) при помощи авиационной группы под командованием генерал-майора авиации Героя Советского Союза А.Н. Витрука были сформированы управление авиакорпуса, управление штурмовой и истребительной авиационных дивизий, три штурмовых авиационных полка, три истребительных авиационных полка [2], а также подразделения и части тылового обеспечения [3].

Подготовка специалистов для 1-го югославского истребительного полка осуществлялась в Краснодарской военной авиационной школе пилотов в соответствии с постановлением ГКО и директивой Главного управления обучения, формирова-

ния и комплектования ВВС Красной Армии № 841731 от 12 мая 1944 года. Всего ожидалось прибытие до 150 военнослужащих НОАЮ. Среди прибывших могли быть отдельные лица, имевшие в прошлом лётную подготовку. В директиве отмечалось, что по мере прибытия югославов необходимо сразу же приступить к выявлению степени их лётной и общей подготовки. На основании полученных данных должны были быть сформированы лётные группы, звенья, отряды и эскадрилья. В директиве содержалось требование максимально форсировать обучение лётного состава для югославских ВВС. План подготовки югославов должен был быть рассчитан на максимально сжатые сроки. Директива требовала также для подготовки югославов выделить лучших инструкторов, командиров и преподавателей.

Лётное обучение югославов должно было вестись по существующим курсам учебно-лётной подготовки с окончанием полной программы на самолете Як-1. С теми, кто совсем не имел лётной подготовки, организовывалось первоначальное обучение на учебно-тренировочном самолете Ут-2. Из дисциплин, подлежащих обязательному изучению, рекомендовались: материальная часть, теория самолёта, штурманская подготовка, воздушная стрельба и элементарные сведения о тактике [4].

Подобная же директива Главного управления обучения, формирования и комплектования ВВС Красной Армии № 842879 от 8 сентября 1944 года была направлена в Краснодарское объединённое авиационное училище, при котором должны были осуществляться формирование и подготовка 2-го югославского штурмового авиационного полка.

В соответствии с данными директивами в этих военно-учебных заведениях были составлены планы и графики подготовки лётного и технического состава для формируемых авиационных частей Народно-освободительной армии Югославии. Так, план подготовки лётчиков-штурмовиков при Краснодарском объединённом авиационном училище предусматривал общую продолжительность обучения – четыре месяца, из них: два месяца – на внеполётную подготовку, полмесяца – на лётную работу на самолёте Ут-2, месяц – на лётную подготовку на боевом Ил-2 и полмесяца – на подготовку и сдачу выпускных экзаменов [5].

В соответствии с планами энергично разворачивалась и сама подготовка специалистов для ВВС Югославии. Подтверждением этому служит тот факт, что 17 сентября 1944 года первая группа военнослужащих-югославов в количестве 42 человек прибыла в Краснодарское училище, а уже на следующий день началась внеполётная подготовка личного состава, предназначенного для замещения должностей лётчиков во 2-м югославском штурмовом авиационном полку [6]. А 8 октября, ещё до завершения формирования полка, на учебно-тренировочном самолете Ут-2 началось лётное обучение личного состава 1-й авиационной эскадрильи [7].

Формирование же самого полка завершилось несколько позднее, о чём было объявлено приказом начальника училища № 088 от 26 октября 1944 года. В соответствии с этим же приказом весь личный состав полка был разбит на группы для проведения занятий в классах согласно своему будущему предназначению. Были сформированы группы лётного и технического состава, авиамехаников, авиамотористов, авиаспециалистов, вооруженцев и даже штабная группа для подготовки будущих штабных работников. В соответствии с этим приказом в учебную группу включалось не менее 16, но и не более 25 человек наземного состава [8]. Численность лётных групп согласно директивам Главного управления обучения, формирования и комплектования ВВС Красной Армии не должна была превышать 5 человек [9].

Ввиду сжатых сроков обучения внеполётная подготовка с лётным составом и теоретическая подготовка с наземными специалистами проводились весьма интенсивно. Достаточно сказать, что занятия с группами лётного состава проводились из расчёта 10 часов, а с техническим составом – 8 часов в день. Кроме того, предусматривались 2 часа самоподготовки и 1 час на строевую и физическую подготовку [10]. Не менее интенсивно велась и лётная подготовка. Начав её 8 октября 1944 года на Ут-2, лётный состав 1-й авиационной эскадрильи 2-го югославского штурмового авиационного полка уже к 7 ноября приступил к полётам на учебно-боевом Ил-2 [11].

Успешно шла и подготовка будущих лётчиков-истребителей в Краснодарской военной авиационной школе пилотов. В ноябре 1944 года 18 курсантов закончили обучение на

учебно-тренировочном самолёте Ут-2. При этом только двое из них получили оценку «хорошо» по технике пилотирования, а остальные 16 – оценку «отлично». И это при том, что проверка их подготовки осуществлялась многоступенчато и различными категориями инструкторского состава – от лётчика-инструктора до командира эскадрильи [12]. Конечно, столь высокие результаты были обусловлены рядом обстоятельств. Не последнюю роль сыграло и то, что все обучаемые уже имели некоторый опыт лётной работы, полученный ими в ходе обучения в лётных школах в довоенный период, а некоторые из них приобрели практический опыт и навыки в ходе работы или службы на должностях лётного состава в частных авиационных компаниях или королевских ВВС.

Параллельно с подготовкой лётного состава шло обучение инженерно-технического персонала формируемых частей. По мере освоения теоретического материала будущие техники и мотористы направлялись для практических работ в стационарные и полевые мастерские по ремонту авиационной техники [13].

Получив в авиамастерских некоторый опыт по сборке, разборке, ремонту и регулировке авиационной техники, будущие механики, вооруженцы, специалисты по специальному оборудованию с декабря 1944 года приступили к обслуживанию авиационной техники, на которой производилось обучение лётного состава курсантов-югославов. И хотя они обслуживали технику под наблюдением и контролем советских инструкторов, тем не менее это позволяло в короткие сроки закрепить на практике полученные теоретические знания [14].

К лету 1945 года подготовка 1-го истребительного и 2-го штурмового югославских авиационных полков закончилась и они вместе с авиационной техникой были переданы в состав ВВС Народно-освободительной армии Югославии. Всё оборудование, необходимое для обеспечения повседневной деятельности этих авиационных полков, было доставлено в Югославию железнодорожными эшелонами и передано командованию ВВС НОАЮ [15].

Особое место в подготовке специалистов для Военно-Воздушных Сил Югославии, как уже отмечалось, занимает деятельность авиагруппы под командованием генерал-майора авиа-

ции Героя Советского Союза А.Н. Витрука. В её состав входили: 10-я гвардейская штурмовая авиационная Воронежско-Киевская Краснознамённая ордена Суворова 2-й степени и Кутузова 2-й степени дивизия, 236-я истребительная Краснознамённая Львовская авиационная дивизия и 9-й район авиационного базирования. В 10-й гвардейской насчитывалось около 160 [16] самолётов, и 128 самолётов имела в своём составе 236-я истребительная авиационная дивизия [17].

Группа была передана в оперативное подчинение Верховного командования НОАЮ в соответствии с договором, который подписали 16 октября 1944 года в районе Белграда маршал Ф.И. Толбухин и маршал И. Броз Тито. Её задачами являлись поддержка наступающих наземных частей НОАЮ, а также прикрытие их от возможных налётов авиации противника [18]. Кроме того, одним из важнейших направлений в деятельности авиагруппы стала подготовка югославских лётчиков и инженерно-технического состава. Указания по этому поводу были получены 19 октября 1944 года [19].

Бывший командующий 17-й воздушной армией Герой Советского Союза маршал авиации В.А. Судец вспоминал: «Вначале мы считали целесообразным обучать югославские лётно-технические кадры в учебно-тренировочных полках ВВС, которые, как правило, базировались в глубоком советском тылу, вдали от линии фронта. При этом руководствовались следующими соображениями. Во-первых, почти все югославские лётчики не летали с 1941 года и утратили лётные навыки. Опытных лётных кадров в НОАЮ не было... Это означало, что подготовка лётчиков займет длительное время. Во-вторых, возложить эту задачу на группу Витрука – значило оторвать многие наши экипажи от боевой работы. Югославское командование просило организовать обучение югославских лётно-технических кадров в авиагруппе Витрука. Наше Верховное Командование удовлетворило эту просьбу, и мы приступили к подготовке лётчиков, как говорят, еще под гул артиллерийской канонады» [20].

Выполнение поставленной задачи серьёзно осложнялось тем, что части авиагруппы не имели для этого никакой учебно-лётной или технической базы, как не имела её и Народно-освободительная армия Югославии [21].

Параллельно с осуществлением подготовки кадров проводились мероприятия по формированию частей и подразделений истребительной и штурмовой авиационных дивизий, а также частей и подразделений тылового обеспечения.

Обучение личного состава НОАЮ осуществлялось в специально созданных для этого учебных центрах. В 236-й истребительной авиационной дивизии таких центров было три: летный, технический и по ремонту материальной части [22]. Таким же образом организовывалась подготовка югославских военнослужащих и в 10-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии [23]. Получив указание на начало подготовки кадров для югославских ВВС, командиры соединений своими приказами определили организацию и порядок проведения учебных занятий. Так, командир 236-й истребительной дивизии в своём приказе № 06 от 8.01.45 года «Об организации лётного учебного центра по подготовке лётного состава для югославских ВВС» определил место базирования этого центра – город Рума, назначил администрацию, состоявшую из его начальника, начальника штаба и старшего техника. Кроме того, в приказе были поставлены задачи командирам полков о выделении для центра лётного состава в качестве инструкторов (с каждого полка по четыре наиболее подготовленных лётчика, фамилии которых перечислялись в приказе), а также по два самолёта Як-1 с полным штатом обслуживающего технического состава. Прибытие инструкторов и техники намечалось через день, то есть 9.01.45 года. А 10.01.45 года ставилась задача приступить к занятиям [24].

Об исключительно высокой интенсивности занятий, проводимых в центре, свидетельствует тот факт, что уже через неделю, то есть 17 января 1945 года, была завершена лётная программа первого выпуска лётчиков-истребителей НОАЮ. Средний налёт на каждого лётчика составил 10 часов 44 минуты. Из них на самолётах По-2, Ут-2 – 3 часа 42 минуты и 34 посадки, на Як-7 и Як-1 – 7 часов и 30 посадок. Несмотря на то что курсанты делали по 6–7, а то и более полётов в день, вся вывозная, контрольная и самостоятельная программы обучения прошли без лётных происшествий [25].

После завершения обучения в центрах лётчики югославы направлялись непосредственно в авиационные полки

авиагруппы, где они доучивались в соответствии со своим будущим предназначением, а также осваивали боевое применение того или иного типа самолёта. В частности, будущие лётчики-штурмовики на отработку групповой слётанности и боевого применения в соответствии с программой должны были совершить 45 полётов с общим налётом 9 часов 44 минуты [26]. Программа лётной подготовки для лётчиков-истребителей на самолётах Як-7, Як-1 и Як-9 включала 43 полёта с общим налётом 10 часов 45 минут, из них по видам боевой подготовки: на групповую слётанность – 8 полётов с налётом 2 часа 40 минут, на воздушный бой – 4 полёта с налётом 1 час 20 минут, на стрельбу по воздушным и наземным целям – по 3 полёта с общим налётом 1 час [27].

В полках продолжалось и изучение дисциплин внеполётной подготовки, и, прежде всего, тактики, штурманской и воздушно-стрелковой подготовки. Анализ тем, изучаемых с лётным составом НОАЮ по этим дисциплинам, позволяет сделать вывод о том, что первостепенное внимание уделялось отработке практических вопросов, связанных с последующей боевой деятельностью того или иного рода авиации. Так, лётчики-истребители помимо лётно-тактических данных самолёта Як-1 изучали по тактике боевые порядки пары во время прикрытия поля боя, одиночный воздушный бой с истребителями и бомбардировщиками, групповой воздушный бой от четверки и выше, сопровождение штурмовиков и бомбардировщиков, штурмовые действия истребителей по живой силе и технике противника. Не менее чётко выраженную практическую направленность имела и штурманская подготовка, в ходе которой лётчики изучали полётные карты, учились их читать, а также знакомились с правилами их подготовки и пользования, занимались практической прокладкой маршрута полёта, тренировались в восстановлении визуальной ориентировки в случае её потери в полёте [28].

По мере завершения учебно-лётной подготовки и формирования югославских частей перед советскими лётчиками встал вопрос ввести в строй своих югославских коллег. Было принято решение, по которому каждый югославский лётчик в соответствии с занимаемой должностью закреплялся как дублёр

за советским летчиком и должен был совместно с ним выполнять боевые полёты [29]. Необходимо отметить, что к участию в боевых вылетах привлекались, прежде всего, наиболее подготовленные лётчики, показавшие высокие результаты в ходе учебно-лётной подготовки. Так, на 20 апреля 1945 года из 27 лётчиков 112-го истребительного полка ВВС НОАЮ 17 имели боевые вылеты, из них 1 совершил 21 боевой вылет, 5 человек – по 10 и более, 3 лётчика имели по 1 боевому вылету, остальные – от 1 до 10 [30].

Всего же лётчики ВВС НОАЮ совершили 1392 боевых вылета, из них на штурмовиках Ил-2 – 695, на истребителях – 697 боевых вылетов [31]. И хотя серьёзного противодействия противник не оказывал, его зенитная артиллерия доставляла немало неприятностей молодым югославским ВВС. Всего за период боевых действий югославские ВВС потеряли 7 истребителей – 4 лётчика и 7 штурмовиков – 3 лётчика [32].

Параллельно с подготовкой лётных экипажей для югославских ВВС велось обучение инженерно-технического состава, а также специалистов тылового обеспечения и связи, которое также осуществлялось одновременно с созданием соответствующих частей тыла и связи ВВС НОАЮ [33].

Как и лётный состав, специалисты инженерно-аэродромной службы готовились в несколько этапов. Азы своей будущей профессии механики, мотористы, вооруженцы и другие специалисты постигали в учебных центрах, созданных по аналогии с уже упоминавшимся Учебным лётным центром при 236-й истребительной авиационной дивизии. Один из них был оборудован в городе Новисаде и предназначался для теоретической подготовки инженерно-технического состава ВВС Югославии. Организация этого учебного центра проходила в ограниченные сроки. Буквально в течение трёх дней были оборудованы десять классов с наглядными пособиями и экспонатами, организованы столовая и общежитие на 300 человек, а также подготовлен преподавательский состав в количестве 20 человек из числа технического состава полков 236-й истребительной дивизии.

Подобный же центр был создан при 10-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии – для подготовки инженерно-технического состава по эксплуатации самолёта-штурмовика

Ил-2. Несмотря на фактически полевые условия, в которых осуществлялась подготовка, силами инженерно-аэродромной службы авиагруппы удалось сделать всё для обеспечения учебного процесса необходимыми учебными материалами. Для изучения самолёта Ил-2 и мотора АМ-38ф были даже созданы специальные лаборатории, в которых имелись в качестве наглядных пособий: разобранный мотор АМ-38ф и все агрегаты к нему, а также схемы газораспределения, зажигания, карбюратора и других агрегатов. Лаборатория самолётного цикла располагала, в свою очередь, схемами уборки и выпуска шасси, бензосистемы, маслосистемы, водосистемы, системы управления самолётом и другими. Здесь же имелись и все другие необходимые агрегаты для изучения устройства самолёта Ил-2 [34].

По мере изучения теоретического материала и получения необходимых практических навыков инженерно-технический состав ВВС НОАЮ закреплялся за авиационной техникой и под контролем советских инструкторов приступал к практическому обслуживанию учебно-тренировочных и боевых вылетов, которые выполняли югославские лётчики [35]. Подготовка лётного и инженерно-технического состава, а также формирование частей и соединений ВВС Югославии в основном были завершены к середине мая 1945 года [36]. Результаты деятельности авиагруппы под командованием генерал-майора А.Н. Витрука оказались весьма впечатляющими.

На её базе были сформированы следующие части и соединения ВВС Югославии: управление авиакорпуса, управление штурмовой и истребительной авиационных дивизий, три штурмовых полка, три истребительных авиационных полка, управление 9-й воздухоплавательной базы, 5 батальонов аэродромного обслуживания, головной авиационный склад, автомобильный батальон, 5 аэродромно-технических рот, 3 отдельные роты связи, эвакуационная и зенитная роты, 2 метеобюро при дивизиях и другие подразделения. Части авиагруппы подготовили и переподготовили 138 лётчиков-штурмовиков, 131 лётчика-истребителя, 130 воздушных стрелков, 1213 инженерно-технических специалистов, в том числе 21 – на должности командиров отдельных частей, 52 – начальников отделов, 75 – штабных, 36 – интендантских работников и более 2700 шофёров, трактористов, связистов, сапёров,

минёров, кладовщиков, поваров и других специалистов для частей тыла и связи.

На боевую и учебную работу части авиагруппы израсходовали 4240 тонн авиационного и 750 тонн автомобильного бензина [37]. За период формирования и обучения личному составу югославских ВВС было выдано 110 850 суточных наборов продовольствия, 2500 комплектов общевойскового и 100 комплектов лётного обмундирования. Помимо этого была оказана помощь тыловым частям ВВС НОАЮ в организации подсобного прикухонного хозяйства. Общая площадь обрабатываемых в этих целях земельных участков составила 22 гектара.

Весьма существенную помощь получила Югославия в восстановлении разрушенных и строительстве новых аэродромов. Всего на её территории было восстановлено 14 и заново построено 24 аэродрома, на которых были вновь сооружены, восстановлены или капитально отремонтированы: командные пункты, химические и бомбоубежища, жилые и технические здания, что позволило успешно эксплуатировать эти аэродромы [38]. И наконец, вновь сформированным югославским частям СССР передал всю боевую и специальную технику, вооружение и авиационно-техническое имущество, средства связи и тылового обеспечения – вплоть до кухонной и столовой посуды [39].

Библиографический список

1. ЦАМО РФ. – Ф. 60365. – Оп. 35777. – Д. 1. – Л. 28; Ф. 60353. – Оп. 35767. – Д. 49. – Л. 1–2.
2. Там же. – Ф. 20218. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 32.
3. Там же. – Ф. 20608. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 117–118.
4. Там же. – Ф. 60356. – Оп. 35777. – Д. 1. – Л. 28.
5. Там же. – Ф. 60353. – Оп. 35767. – Д. 49. – Л. 1–3.
6. Там же. – Д. 3. – Л. 34.
7. Там же.
8. Там же. – Д. 39. – Л. 221.
9. Там же. – Д. 1. – Л. 28.
10. Там же. – Д. 49. – Л. 41.
11. Там же. – Л. 42.
12. Там же. – Ф. 60356. – Оп. 35778. – Д. 64. – Л. 3.
13. Там же. – Ф. 60353. – Оп. 35767. – Д. 39. – Л. 221.

14. Там же. – Д. 49. – Л. 42.

15. Там же. – Оп. 35767. – Д. 50. – Л. 168.

16. Советские Вооружённые Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. – М. : Воениздат, 1960. – С. 49.

17. ЦАМО РФ. – Ф. 20218. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 27.

18. Там же. – Ф. 20218. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 67, 70, 81; Ф. 2005. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 431–440.

19. Судеев, В.А. Авиация в боях за освобождение Югославии [Текст] // Советские Вооружённые Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. – М. : Воениздат, 1960. – С. 126.

20. Там же.

21. Кудряшов, В.Я. В небе Югославии [Текст] // Советские Вооружённые Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. – М. : Воениздат, 1960. – С. 199.

22. ЦАМО РФ. – Ф. 20218. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 29.

23. Там же. – Ф. 20051. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 268.

24. Там же. – Л. 60–61.

25. Там же. – Л. 103–104.

26. Там же. – Л. 33.

27. Там же. – Л. 43–46.

28. Там же. – Ф. 20218. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 11–12.

29. Кудряшов, В.Я. В небе Югославии [Текст] // Советские Вооружённые Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. – М. : Воениздат, 1960. – С. 200.

30. ЦАМО РФ. – Ф. 20218. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 24.

31. Там же. – Д. 32. – Л. 12.

32. Там же. – Ф. 20218. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 14.

33. Там же. – Ф. 20608. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 14.

34. Там же. – Л. 83.

35. Там же. – Д. 27. – Л. 21.

36. Там же. – Д. 32. – Л. 9; Ф. 20608. – Оп. 1. – Д. 1. – Л.

14.

37. Там же. – Ф. 20218. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 12–13.

38. Там же. – Ф. 20608. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 117–118.

39. Там же. – Ф. 20218. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 27–28, 30–34, 35; Ф. 20608. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 21–22, 32–38, 56.

**Оперативно-тактическая маскировка
в управлении войсками в годы
Великой Отечественной войны: проблемы и пути решения**

Важное значение для достижения успеха в операции и бою всегда имела оперативно-тактическая маскировка действий войск. Оперативно-тактическая маскировка действий войск – это комплекс мероприятий по введению противника в заблуждение относительно реальных действий войск и достижению внезапности в действиях, связанный как с обеспечением скрытности замыслов действий и действий своих войск, так и с обеспечением демонстрационных их действий. Так, например, М. Кутузов приказал после Бородинской битвы в ночь отвести войска. Но чтобы успешно это осуществить, всю ночь на месте расположения войск жгли костры, чтобы неприятель не заметил отвода российских войск. А сами войска бесшумно отходили на новые рубежи. Это было характерно и для оперативного, и для тактического уровня. А вот пример оперативно-тактической маскировки во время Великой Отечественной войны. В одной из наступательных операций наших войск в августе 1943 года стрелковый взвод, овладев деревней, был остановлен сильным огнём противника с высоты за населённым пунктом и закрепился на его окраине. Противник с высоты хорошо просматривал дорогу, проходившую из населённого пункта по оврагу в лес. Командир взвода решил обмануть немцев и «показать» ему большое сосредоточение сил в деревне. Для этого он частью сил взвода скрытно выходил в лес, а затем солдаты по дороге проходили в деревню. И так несколько раз. А с наступлением темноты развернувшийся в боевой порядок взвод открыл сильный огонь по позициям немцев и перешел в атаку. Противник боя не принял, отошел, а взвод без потерь занял высоту. Пленные показали, что их наблюдатели насчитали более 200 солдат и много пулеметов. Таких примеров можно приводить множество: в различных военных кампаниях и войнах, в различные эпохи и время. При этом, как показывает боевая практика, наиболее важно обеспечить оперативно-тактическую маскировку в управлении войска-

ми как основу достижения внезапности в действиях для противника, а в результате и победы над ним.

Под управлением войсками нами понимается целенаправленная деятельность командиров и штабов по поддержанию боевой готовности войск, организации операции (боя) и руководство ими в ходе операции (в бою). Необходимо подчеркнуть, что с самого начала Великой Отечественной войны боевой опыт войск и органов управления изучался и обобщался. И этого потребовала практика управления войсками. Так, например, структура органов управления оперативных и тактических инстанций накануне войны определялась утверждёнными в сентябре 1940 года и в апреле – мае 1941 года штатами. С первых же дней войны встал вопрос о необходимости улучшения структуры органов управления, прежде всего, с точки зрения устранения распыления усилий штабов по одновременному выполнению различных по своему содержанию функций, а также повышения оперативности работы органов управления [1].

В соответствии с директивой Генерального штаба от 9 ноября и приказом наркома обороны от 11 декабря 1945 года в штабах фронтов и армий создаются отделы (отделения) по изучению опыта войны, а в соединениях для этой работы вводится штатная должность офицера. С учётом этого штабы объединений и соединений становятся основными центрами по обобщению и распространению боевого опыта. И большое внимание уделяется проблемам управления войсками и обеспечению оперативно-тактической маскировки в управлении.

Наиболее глубокую разработку вопросы оперативно-тактической маскировки в управлении войсками получили в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Это объясняется тем, что в этот период в управлении войсками значительное развитие получила радиосвязь. Опыт войны показал, что для управления войсками радио стало основным, а порой и единственным видом связи. К сожалению, в начальный период войны многие командиры недооценивали роль радиосредств в управлении войсками.

Сложность управления войсками в начальный период Великой Отечественной войны усугублялась рядом обстоятельств. Так, например, противник диверсионными действиями

и налётами авиации выводил из строя проводные линии связи (до 40% в полосе Северо-Западного фронта). А укомплектованность подразделений связи радиосредствами составляла лишь 30–35%. Кроме того, как отмечал в докладе от 1 августа 1941 года начальник штаба Западного фронта, «войска исключительно плохо владеют радио... Управление с помощью шифра – мук, радиосигналами штабы пользоваться не умеют» [2]. 24 августа начальник штаба Юго-Западного направления констатировал, что «использование радио штабами всех инстанций – явление пока случайное» [3].

Но на основе первого боевого опыта в борьбе с хорошо оснащённым и обладающим большими маневренными возможностями противником были сделаны соответствующие выводы, и уже 23 июля 1941 года в приказе НКО требуется, чтобы все должностные лица учились искусству управления соединениями, частями и подразделениями по радио и учили этому своих подчинённых. В целях повышения оперативности и эффективности управления были введены личные радиостанции для командующих фронтами и армиями, а затем и для командиров соединений. Кроме того, важным мероприятием по повышению эффективности и оперативности управления войсками стала организация радиосвязи через инстанцию: Генеральный штаб – штабы армий, командир дивизии – командир батальона и т. д.

В операциях Великой Отечественной войны для достижения успеха потребовалось в процессе управления войсками осуществлять чёткое взаимодействие между различными родами войск. Радиосети, применяемые в оперативном и тактическом звене управления, давали возможность в короткий срок устанавливать контакт при перегруппировках и в ходе боев, между авиацией и сухопутными войсками, артиллерией и др. Поэтому и здесь основным средством становится радио.

Особенно важным достижением войны является обеспечение оперативно-тактической маскировки при организации радиосвязи между войсками, действующими навстречу друг другу при окружении противника. Впервые это было достигнуто войсками Сталинградского и Юго-Западного фронтов в ноябре 1942 года.

Для решения задачи совершенствования управления обеспеченность войск радиосредствами в ходе войны постоянно увеличивалась. Так, только в 1942 году в действующую армию поступило около 500 комплектов автомобильных радиостанций фронтовых сетей и сетей Генерального штаба, почти 3 тыс. радиостанций корпусных и армейских сетей, более 25 тыс. переносных радиостанций. Если в Сталинградской битве в среднем на каждый фронт приходилось по 3 тыс. радиостанций, то в Белорусской операции фронты имели уже более 6,5 тыс. радиостанций, а к началу Висло-Одерской – по 12 тыс. радиостанций [4].

А противник активно вёл прослушивание проходящей оперативно-тактической информации. Начальник генерального штаба сухопутных войск немецко-фашистской армии генерал Ф. Гальдер подчёркивал, что «расшифровка радиопередач противника представляет исключительную ценность, а потому требует к себе серьезного подхода» [5]. А «подслушивание, – отмечал генерал И.Н. Артемьев, – удавалось врагу как на линиях с нормальной звуковой частотой, так и на тех, что были оборудованы аппаратурой с высокой частотой» [6]. Это потребовало проведения различных мероприятий по оперативно-тактической маскировке в целях обеспечения скрытности управления войсками. Так, например, в немецко-фашистской армии радиоразведкой занимались специальные службы. Только научно-исследовательское управление люфтваффе ежедневно расшифровывало около 20 тыс. из порядка 100 тыс. радиogramм, которыми обменивались Верховное Главнокомандование, командование советских фронтов, армий, корпусов, дивизий и командиры частей и подразделений [7]. Таким образом, немцы стремились проводить активную радиоразведку в интересах своих войск. Это потребовало обеспечения радиодисциплины в управлении войсками с использованием радиосредств. В то же время полное радиомолчание в бою равнозначно отказу от управления войсками. Вот здесь и возникает проблема: использовать радиосредства для управления войсками так, чтобы противник не мог применять получаемую информацию для оказания эффективно противодействия в операции и бою.

В целях противодействия радиоразведке противника, её высокой эффективности советскими войсками были противо-

поставлены радиодезинформация, радиоимитация, радиодемонстрация и радиомаскировка как составные элементы способов оперативной и оперативно-тактической маскировки.

Радииодезинформация в годы войны осуществлялась путём обмена ложной информацией в боевых радиосетях своей системы управления (в расчёте на перехват информации радиоразведкой противника) при помощи специально разработанных ложных сообщений, распоряжений и команд. Например, в ходе Белорусской операции ложными сведениями о подходе соединений 65-й армии 25 июня 1944 года штаб 1-го гвардейского танкового корпуса дезинформировал противника, окружаемого в районе Бобруйска, выдавая ему информацию о наличии больших, чем в действительности, сил наших войск. А в Висло-Одерской операции по распоряжению командующего войсками 1-го Белорусского фронта 23 сентября 1945 года командиры 9-го и 12-го гвардейских танковых корпусов передали командующему 2-й гвардейской танковой армии с помощью упрощённого кода ложные радиogramмы с информацией о получении задачи на выдвижение к Данцигу и обеспеченности горючим на всю глубину наступления. Поверив в данную информацию, противник на этом направлении сосредоточил все резервы, что обеспечило благоприятные условия для наступления наших войск на Чарникау [8].

Радиоимитация использовалась для имитации передвижения войск, штабов и боевой техники по ложным маршрутам, расположения в ложных районах и создания ложных группировок войск с использованием специально выделенных для этого радиосредств. Так, например, при подготовке Корсунь-Шевченковской наступательной операции на 2-м Украинском фронте в районе, занимаемом с 21 по 28 января 1944 года 5-й гвардейской танковой армией, с помощью созданной ложной системы радиосвязи была показана противнику несуществующая группировка наших войск. В проведении оперативно-тактической маскировки, согласованном с другими подобными мероприятиями, были обеспечены скрытность перегруппировки войск и введение противника в заблуждение относительно направления главного удара фронта [9].

Радииодемонстрация предназначена для показа ложной деятельности войск с помощью радиосредств и дезориентации

противника относительно группировки своих сил и средств в определённом районе или направлении. Классическим примером комплексного применения радиосредств для введения противника в заблуждение является оперативная радиодемонстрация, организованная и проведённая в полосе 59-й армии Волховского фронта в июле – августе 1943 года. Её целью было создание у противника уверенности в подходе на правый фланг 59-й армии пяти новых стрелковых дивизий, артиллерии и танков и в подготовке на этом участке фронта активных наступательных действий со стороны частей Красной Армии в направлении Чудово [10]. Она применялась нашими войсками при подготовке практически всех крупных операций: Корсунь-Шевченковской, Львовско-Сандомирской, Ясско-Кишинёвской, Берлинской и др.

Опыт Великой Отечественной войны позволяет утверждать, что достижению успеха маскировки любого масштаба в значительной степени способствует умело организованная и постоянно осуществляемая войсками радиомаскировка. Сущность мероприятий по радиомаскировке была достаточно точно отражена в директиве Ставки ВГК от 8 апреля 1943 года: «Вести решительную борьбу с болтунами. Все переговоры по телефону и радиопередачи (за исключением артиллерийских команд, донесений самолётов-разведчиков и управления танковыми подразделениями в бою) проводить исключительно с использованием переговорных таблиц и кодированной карты. Ключи к переговорным таблицам менять не реже одного раза в сутки, ключи передавать шифром и только нарочным... В период перегруппировки и подготовки наступления не допускать работы радиостанций в новых районах. Практиковать работу радиостанций на старых местах, старыми радиоданными» [11].

Чтобы обеспечить эффективность радиомаскировки, в годы Великой Отечественной войны, например, при смене войск некоторое время вновь прибывшим соединениям и частям вменялась в обязанность работа радиоданными и радиостанциями сменяемых войск и с их пунктов управления.

При перегруппировке же запрещалась работа радиостанций в новых местах боевых действий с применением прежних радиоданных. О высокой результативности приёма скрытия функционирования радиосредств – режима радиомолчания –

свидетельствует опыт подготовки Белорусской наступательной операции летом 1944 года. Так, оценивая обстановку на Восточном фронте, фашистское командование в середине июня отмечало, что полное радиомолчание советских войск исключало возможность ведения радиоразведки, в результате чего возникли затруднения в определении сил противника [12].

Опыт Великой Отечественной войны показывает, что различные способы маскировки с использованием радиосредств не часто применялись в тактическом звене. Это было связано с недостаточным для радиообмана количеством радиосредств в частях и подразделениях.

В современных условиях требования к оперативно-тактической маскировке с использованием радиосредств в управлении войсками резко возросли. Это связано с тем, что в войсках значительно увеличилось количество радиосредств, в том числе и в тактическом звене управления. Так, например, на каждой боевой машине установлена радиостанция, и использовать её для управления могут уже и командир отделения (расчёта), и даже отдельный военнослужащий. Вследствие этого опыт Великой Отечественной войны становится актуальным и на тактическом уровне.

Просто, к сожалению, опыт, добытый на полях сражений Великой Отечественной войны, часто оказывался забытым. Так, во время боевых действий в Чеченской Республике в первой военной кампании десантники захватили господствующую высоту с телевизионной вышкой в тылу противника, что позволило бы обеспечить успех действий федеральных войск, наступающих с фронта. Однако, используя позывные российских подразделений, бандиты «навели» нашу авиацию на десантников, которые, понеся большие потери от удара своей авиации, были вынуждены уйти с высоты, а затем были окружены и уничтожены боевиками. Происходили и другие случаи, когда войска в Чеченской Республике вступали в бой друг с другом, получая по радиосредствам ложную информацию от бандитов, использующих позывные наших войск.

Нарушение радиомаскировки в управлении способствовало и тому, что при проведении контртеррористической операции в Чеченской Республике Пермский ОМОН при совершении мар-

ша попал в засаду и был уничтожен. Этому способствовало нарушение мер тактической маскировки при использовании радиосредств, так как бандиты, вооружённые современными радиосредствами и средствами спутниковой связи, имели возможность получать информацию о времени и маршруте передвижения подразделений, прослушивая доклады наших командиров и др.

Как писал М.Н. Тухачевский, «новые средства борьбы требуют перестройки и методов борьбы. И тот, кто эту перестройку проспит, тот может и не проснуться» [13]. Сейчас уже не секрет, что первая военная кампания в Чеченской Республике была проиграна вследствие того, что была проиграна, в первую очередь, «информационная борьба». Например, чеченские бандиты по громкой связи грозили морским пехотинцам, прибывшим для восстановления конституционного порядка в Чеченской Республике, о расправе над их родственниками, называя адреса их семей, имена близких, номера школ, в которых учатся их дети, и др. А со страниц газет не сходили статьи о непрофессионализме офицеров. В этой связи заслуживает внимания прогноз, сделанный в 1998 году генерал-полковником В.Л. Маниловым: «В обозримой перспективе может перевернуться вся военная теория... Сейчас не столько страшно ядерное оружие, сколько непознанное – информационное» [14].

Такая обстановка потребовала от командиров и штабов умения находить выходы из трудных ситуаций, проявлять инициативу, применять военную хитрость. Применительно к этому русский военный теоретик и историк А.А. Незнамов писал: «Теория не может задаваться целью указывать наилучший способ действий во всех случаях. Обстановка на войне так разнообразна и к тому же так быстро меняется, что попытки к установлению подобных, везде и всегда пригодных способов заранее обречены на неудачу» [15]. Так, например, боевые действия в Афганистане показали, что информация общего совещания с афганскими офицерами по планированию совместной операции по разгрому противника почти всегда становилась известной последнему. Поэтому нашими командирами применялся следующий метод: на совещании говорили об одном направлении выдвижения войск, одном времени начала совместной операции, а когда советские офицеры оставались одни, решался вопрос о совершенно другом замысле действий. И подразделения вы-

ходили в одном направлении, а уже в горах меняли свои маршруты. И тогда удавалось застать противника врасплох. Но и этот опыт был получен нашими войсками ещё в годы Великой Отечественной войны при действиях на Западной Украине, в Прибалтике и на территории стран Восточной и Западной Европы.

Как показывает боевая практика, в управлении войсками нужно на деле реализовать одно из замечательных правил военного искусства, сформулированное великим русским полководцем А.В. Суворовым: упреждай противника в мыслях и делах, не давай ему возможности перехватить у тебя инициативу. И опыт Великой Отечественной войны до сих пор остаётся актуальным и востребованным в боевой практике войск. Во все времена признавалась важность умения командиров спрогнозировать и предвосхитить события, на основе накопленного опыта, а порой и интуитивно предусмотреть характер действий противника и, принимая на этой основе управленческие решения, применять соответствующие способы противодействия противнику, рассчитанные на достижение внезапности. Однако, во-первых, операция и бой – это двусторонний процесс. Поэтому добиться внезапности очень сложно, так как противник также стремится к ней. При этом он различными мероприятиями оперативно-тактической маскировки стремится скрыть свои замыслы, одновременно ведя постоянную разведку всеми возможными средствами и способами, для того чтобы «застраховать» себя от внезапных ударов. Во-вторых, командиры противника при принятии решений об операции и бое используют аналогичные методы, средства и расчёты, стремясь сорвать наши планы и самим предупредить нас в нанесении неожиданных ударов. Вследствие этого закономерно вытекает правило оперативно-тактической маскировки: наряду с мерами по достижению внезапности в операции и бою обязательно нужно проводить мероприятия, противодействующие внезапным действиям противника.

Таким образом, хорошее знание командирами природы современного общевойскового боя, возможностей своих войск и противника позволяет им правильно разбираться в обстановке и разгадывать своевременно замыслы врага, отличать ложные действия от реальных. Такое знание продолжает и в настоящее время оставаться необходимым условием умелой организации операции и боя,

управления войсками, отражения (предупреждения) внезапных ударов противника. А недостатки и упущения в организации управления, в первую очередь организации связи, могут привести к самым нежелательным последствиям, позволить противнику заранее определять замыслы противоположной стороны и тем самым достигать внезапности своих ударов. Вследствие этого, а также исходя из опыта современных вооружённых конфликтов и локальных войн, можно утверждать, что опыт по обеспечению оперативно-тактической маскировки в управлении войсками, полученный в годы Великой Отечественной войны, должен изучаться и творчески использоваться в современной практике деятельности войск.

Библиографический список

1. Товстуха, П.П., Португальский, Р.М. Управление войсками в наступлении (по опыту Великой Отечественной войны) [Текст]. – М. : Политиздат, 1981. – С.13–14.
2. ЦАМО СССР. – Ф. 208. – Оп. 3039. – Д. 36. – Л. 35.
3. ЦАМО СССР. – Ф. 251. – Оп. 6883. – Д. 2. – Л. 4–5.
4. Октябрёв, Ю. Радиосвязь в Великой Отечественной [Текст]. – М. : Армейский сборник, 1997. – № 5. – С. 80.
5. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР [Текст]. – М., 1967. – С. 29.
6. Артемьев, И.Н. В эфире партизаны [Текст]. – М., 1971. – С. 89.
7. Ионг, Луи де. Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне [Текст]. – М. : Иностранная литература, 1958. – С. 424.
8. ЦАМО СССР. – Ф. 233. – Оп. 2307. – Д. 189. – Л. 164.
9. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны [Текст]. – Вып. 27. – М. : Воениздат, 1956. – С. 98–99.
10. Там же. – С. 45–50.
11. ЦАМО СССР. – Ф. 48. – Оп. 2. – Д. 14. – Л. 117–118.
12. Назаренко, В.А. Некоторые вопросы оперативной маскировки войск (сил) в операциях [Текст] // Военная мысль. – М. : Красная Звезда. – № 9. – С. 62.
13. Тухачевский, М.Н. О войне [Текст]. – М. : Госвоениздат, 1929.

14. Манилов, В.Л. Исследование проблем национальной безопасности: вопросы методологии [Текст] // Военная мысль. – 1993. – № 5. – С. 49.

15. Киселёв, А.А., Косарев, А.В., Лягушев, Г.Е. Развитие военной науки и современные проблемы совершенствования её методологии [Текст] : монография. – Ярославль: Изд-во ЯВ-ФЭИ, 2006. – С. 27–28.

© С.С. Товт, Н.П. Филиппов

Особенности и опыт обеспечения военнослужащих денежным довольствием в годы Великой Отечественной войны

Система денежного довольствия является одним из важнейших элементов по обеспечению эффективности воинского труда и зависит от многих факторов, связанных с особенностями деятельности военнослужащих. Поэтому вполне естественно, что в ходе Великой Отечественной войны довоенная система денежного довольствия, основанная на Положении о денежном довольствии военнослужащих, объявленном приказом наркома обороны СССР 1937 года № 205, претерпела существенные изменения. Так, были изменены существовавшие нормы выплаты денежного довольствия различным категориям военнослужащих, отменены или ограничены некоторые выплаты, не отвечавшие требованиям военного времени, и введены другие, соответствовавшие боевым условиям. Кроме того, для военнослужащих действующей армии были установлены два новых вида денежного довольствия: единовременное пособие и полевые деньги. При этом полевые деньги выплачивались ежемесячно. Размер их зависел от должностных окладов военнослужащих: до 40 руб. в месяц – 100%, от 40 до 75 руб. – 50% и выше 75 руб. – 25% должностного оклада содержания.

В целях обеспечения правильной выплаты денежного довольствия военнослужащим действующей армии Финансовое управление Наркомата обороны издало Сборник действующих законоположений по денежному довольствию по состоянию на 1 июля 1941 года. В дальнейшем главной тенденцией в развитии

системы денежного довольствия в годы войны стало повышение оплаты воинского труда. При этом удельный вес расходов на выплату денежного довольствия в общих расходах войск действующей армии систематически повышался: с 50,9% в 1941 году до 82,3% в 1944 году.

Уже с августа 1941 года были повышены оклады содержания лётно-техническому составу авиации. В сентябре 1941 года за боевые заслуги, организованность и высокую дисциплину четыре стрелковые дивизии были преобразованы в гвардейские. Вследствие этого всему рядовому составу гвардейских дивизий были установлены двойные оклады содержания, а младшим командирам и офицерам – увеличенные на 25% (приказ НКО СССР 1941 года № 303). В начале 1942 года выплата таких же окладов была установлена личному составу гвардейских миномётных частей (реактивной артиллерии), а также личному составу ударных армий.

С сентября 1941 года были повышены оклады военнослужащим Воздушно-десантных войск и с января 1942 года – железнодорожных частей. В мае 1942 года установлены более высокие оклады снайперам. С июля 1942 года для рядовых и младших командиров противотанковой артиллерии были установлены двойные, а для офицеров – полторные оклады денежного содержания.

В январе 1942 года были повышены размеры окладов денежного содержания командирам и комиссарам дивизий, бригад и полков; в мае 1942 года – командирам корпусов, заместителям командиров дивизий, бригад и полков и с декабря 1942 года – начальникам штабов корпусов, дивизий, бригад и полков; в мае 1943 года – руководящему составу армий, фронтов, округов, главных и центральных управлений.

В связи с выполнением особых заданий авиацией дальнего действия личному составу с мая 1943 года были увеличены оклады: лётному составу – на 30%, инженерно-техническому составу – на 15%. Во втором периоде войны были также повышены оклады денежного содержания командирам запасных стрелковых бригад и полков, командирам учебных батальонов, руководящему и инженерно-техническому составу авиационных ремонтных органов, работникам военной приёмки.

Наряду с этим уже на начальном этапе войны вводились новые добавочные выплаты денежного довольствия, напрямую связанные с боевой деятельностью военнослужащего и её результатами. Так, в 1941 году была введена выплата денежных вознаграждений лётному составу за сбитые самолеты противника, за уничтожение самолётов на аэродромах, за успешную бомбардировку объектов противника, за успешное выполнение заданий по разведке.

Принципы материального стимулирования активных боевых действий военнослужащих, роста их боевого и профессионального мастерства, повышения личной заинтересованности в результатах боевой деятельности путём введения новых добавочных видов денежного довольствия получили особое развитие в 1943–1945 годах и стали одним из факторов, способствовавших достижению победы над врагом. Например, во время Курской битвы при переходе советских войск в общее стратегическое наступление была установлена выплата премий за подбитые и уничтоженные танки и самоходные артиллерийские установки противника военнослужащим всех родов войск. В целях поощрения личного состава подводных лодок, торпедных катеров, катеров-охотников и экипажей самолётов морской авиации, отличившихся при выполнении боевого задания по уничтожению кораблей противника, с 1 июня 1943 года установлена выдача денежных наград за потопление кораблей противника.

Приказом наркома обороны СССР 1944 года № 1 с 15 февраля 1944 года было введено новое Положение о денежном довольствии военнослужащих Красной Армии, в котором была обобщена сложившаяся в годы войны система денежного довольствия военнослужащих. С выходом Красной Армии с освободительной миссией на территорию других государств для военнослужащих была установлена выплата части денежного довольствия в иностранной валюте за фактическое время пребывания на иностранной территории.

Во всех странах пребывания военнослужащим в советской валюте выплачивались основные оклады и процентная надбавка за выслугу лет, а в иностранной валюте – в Германии и Австрии второй оклад и полевые деньги, в других странах Восточной Европы – полевые деньги в двойном размере. Военно-

служащим, получавшим оклады до 40 рублей в месяц, денежное довольствие выплачивалось только в соответствующей иностранной валюте.

Таким образом, несмотря на крайне сложные экономические условия, Советское государство вопросам оплаты ратного труда уделяло особое внимание. Выработанные в 1941–1945 годах нормы, порядок и принципы выплаты денежного довольствия военнослужащим полностью себя оправдали, а многие из них нашли и дальнейшее применение. Так, с 1 мая 1942 года для высшего, старшего и среднего начальствующего состава и сверхсрочнослужащих армии и флота была введена расчётная книжка, которая просуществовала до 2000 года. Это была удачная форма радикального решения вопроса в отношении выплаты денежного довольствия военнослужащим в условиях их частых перемещений.

Накопленный в годы Великой Отечественной войны опыт материального стимулирования военнослужащих за конкретные результаты боевой работы использовался в ходе боевых действий в Афганистане, а в настоящее время применяется при проведении контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона РФ.

В послевоенные годы опыт обеспечения военнослужащих денежным довольствием военных лет получил развитие в постановлении Совета Министров СССР от 3 июня 1946 года «О денежном довольствии военнослужащих Вооруженных Сил Союза ССР», которым впервые были введены оклады по воинским званиям офицерам, генералам и адмиралам, повышены должностные оклады по большинству должностей офицерского состава, военнослужащих срочной и сверхсрочной службы, а также увеличены предельные размеры процентной надбавки за выслугу лет на должностях офицерского состава. Были утверждены три схемы должностных окладов по типовым должностям офицеров, генералов и адмиралов Вооруженных Сил: одна по Сухопутным войскам, вторая – по авиации и третья – по Военно-морскому флоту.

С целью стимулирования продолжительности военной службы была увеличена предельная процентная надбавка за выслугу лет на должностях офицерского состава (с 25 до 40%), причём она стала исчисляться от должностных окладов и от

вновь введенных окладов по воинским званиям, что повышало материальное обеспечение офицеров. В результате этой реформы денежное содержание офицерского состава увеличилось более чем в два раза.

В последующие годы оклады по воинским званиям и оклады по должностям повышались в основном выборочно. Первое повышение окладов по воинскому званию было проведено только через 25 лет (в 1971 году), а по воинским должностям – в 1956 году, то есть через 10 лет. В целом к началу 1990-х годов по сравнению с 1971 годом денежное содержание командира взвода возросло в 2,2 раза.

В начале 1990-х годов развитие Вооруженных сил совпало с переходом страны от административной к рыночной экономике, коренными изменениями в её политической системе. Одной из характерных особенностей этого периода стал крайне высокий уровень инфляции. В этих условиях необходимо было принять конкретные меры по недопущению ухудшения материального положения военнослужащих, военных пенсионеров и членов их семей.

И такие меры были приняты. В результате в 1991–1995 годах система денежного довольствия военнослужащих стала более гибкой, более чувствительной к изменениям прожиточного минимума, повысилась значимость добавочных выплат, усилилась их взаимосвязь с результатами боевой подготовки. Военнослужащим сверхсрочной службы были установлены оклады по воинским званиям, одновременно зависимость оклада по должности сверхсрочнослужащим и прапорщикам от выслуги лет была заменена процентной надбавкой за выслугу лет.

В этот же период были пересмотрены оклады военнослужащим, проходящим службу по призыву, и впервые введена выплата окладов суворовцам, нахимовцам и воспитанникам воинских частей. Военнослужащим, принятым на военную службу по контракту на должности солдат, матросов, сержантов и старшин, а также курсантам, заключившим контракт о прохождении военной службы в период обучения, выплата денежного довольствия была определена по нормам, установленным для военнослужащих сверхсрочной службы.

Министерством обороны была проведена работа по обоснованию необходимости приведения размеров денежного довольствия военнослужащих во всех силовых ведомствах по одноименным должностям к единым нормам, а также применения единых размеров дополнительных выплат. В результате этих мер постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 27 января 1993 года № 65 военнослужащим всех силовых структур с 1 января 1993 года были установлены единые оклады по воинским званиям и одноименным должностям, а также единые размеры процентной надбавки за выслугу лет.

С 1 января 1999 года в 1,62 раза были повышены должностные оклады, а с 1 июля 1999 года в 2,02 раза – оклады по воинскому званию.

В то же время, несмотря на принимаемые меры, к концу 2000 года уровень материального положения военнослужащих ввиду опережающих темпов роста инфляции оставался низким, престиж военной службы падал, наблюдался массовый отток из Вооруженных сил наиболее квалифицированных кадров, а также молодых офицеров.

В этих условиях, по инициативе Президента Российской Федерации, вопрос о состоянии и перспективах решения социальных проблем военнослужащих и приравненных к ним лиц, граждан, уволенных с военной (специальной) службы, и членов их семей 11 мая 2001 года был рассмотрен на совещании членов Совета Безопасности Российской Федерации.

На основе решений, принятых на указанном совещании, был подготовлен и 7 мая 2002 года принят Федеральный закон № 49-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросам денежного довольствия военнослужащих и предоставления им отдельных льгот», в соответствии с которым была проведена реформа системы денежного довольствия, сущность которой заключалась в следующем:

– установление с 1 июля 2002 года военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, окладов по воинским должностям в размерах не ниже должностных окладов соответствующих категорий федеральных государственных служащих (рост в среднем в два раза);

– установление с 1 января 2003 года окладов по воинским званиям в размерах не ниже надбавок за квалификационные разряды соответствующих категорий федеральных государственных служащих (рост в среднем в 1,5 раза);

– увеличение с 1 июля 2002 года существующих размеров ежемесячной надбавки за выслугу лет с 40 до 70% оклада денежного содержания;

– законодательное закрепление нормы о повышении размеров денежного довольствия военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, одновременно в той же пропорции при повышении денежного содержания федеральных государственных служащих;

– законодательное закрепление нормы о ежегодной индексации денежного довольствия военнослужащих в зависимости от уровня инфляции.

Комплекс мер по реформированию системы денежного довольствия военнослужащих и установленных для них некоторых льгот позволил повысить ежемесячное денежное довольствие военнослужащих с 1 июля 2002 года в среднем в 1,7–1,8 раза, с 1 января 2003 года – почти в 2 раза, а реальные доходы военнослужащих – на 40–50%.

В соответствии с решением Президента РФ с 1 октября 2003 года денежное довольствие военнослужащих и соответственно пенсии военных пенсионеров были проиндексированы в 1,11 раза.

К сожалению, несмотря на неоднократные предложения Министерства обороны, индексация денежного довольствия военнослужащих в условиях продолжающегося роста потребительских цен в 2004 году не проводилась.

В ходе реализации Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ удалось в основном компенсировать денежными выплатами военнослужащим отмену отдельных льгот и социальных гарантий. В частности:

– военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, увеличен размер надбавки за сложность, напряжённость и специальный режим военной службы с 70 до 120% дифференцированно в зависимости от состава военнослужащих и местности прохождения военной службы, а военнослужащим, проходящим

военную службу по контракту в городах Москве и Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской областях, – до 200% оклада по воинской должности в зависимости от категорий военнослужащих. Рост денежного довольствия военнослужащих составил в Москве и Санкт-Петербурге в среднем 1300–2000 рублей, в столицах республик, краёв и областей Российской Федерации – в среднем 750 рублей, в других городах и населённых пунктах – в среднем 460 рублей. При этом военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в районах Крайнего Севера, приравненных к ним и отдалённых местностях, указанная надбавка выплачивается с районным коэффициентом и процентными надбавками за службу в этих местностях:

– курсантам, заключившим контракт, установлена дифференцированная надбавка за сложность, напряжённость и специальный режим военной службы в размере от 30 до 70% оклада по воинской должности в зависимости от местности обучения;

– военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, введена ежемесячная денежная выплата для проезда в общественном транспорте в размере от 70 до 150 рублей, а курсантам – от 150 до 200 рублей в зависимости от местности прохождения военной службы (обучения);

– военнослужащим, проходившим военную службу по призыву, поэтапно в течение 2005 года повышалось денежное довольствие в среднем в 2 раза (на 100 рублей с 1 апреля и на 100 рублей с 1 сентября 2005 года).

Вместе с тем основным проблемным вопросом социальной защищённости военнослужащих продолжает оставаться низкий уровень денежного довольствия.

Установленное Указом Президента Российской Федерации от 18 февраля 2005 года ежемесячное денежное поощрение военнослужащим с 1 марта 2005 года в размере одного оклада по воинской должности позволило несколько повысить их номинальные денежные доходы, однако не компенсировало потерь в связи с ростом потребительских цен.

В дальнейшем совершенствование системы денежного довольствия предусматривается производить по следующим основным направлениям: ежегодная индексация денежного довольствия военнослужащих в соответствии с фактическим уровнем инфля-

ции; повышение уровня денежного довольствия в соответствии со статьей 12 Федерального закона «О статусе военнослужащих» одновременно и в той же пропорции с повышением денежного содержания федеральных государственных служащих, при этом предусматривается обеспечить повышение размера денежного довольствия военнослужащих в 2008–2010 годах в два раза по отношению к его уровню в 2005 году; законодательное закрепление компенсации возможной дальнейшей отмены ряда натуральных льгот, установленных военнослужащим, только путём повышения окладов денежного содержания; оптимизация структуры месячных и иных дополнительных выплат денежного довольствия, при этом некоторые дополнительные выплаты предусматривается объединить (например, надбавку за особые условия службы и денежное вознаграждение за несение боевого дежурства).

Сегодня в условиях сокращения ВС РФ и с учётом постоянного участия военнослужащих в различных вооружённых конфликтах и локальных войнах опыт Великой Отечественной войны по совершенствованию денежного довольствия военнослужащих наглядно показывает, что эта проблема требует самого серьёзного изучения.

© С.А. Ласкин

«Полководческий почерк» Маршала Советского Союза Ф.И. Толбухина

«С первых моментов войны советскому командованию пришлось иметь дело с такими категориями стратегии и оперативного искусства, которые практически ему не были хорошо знакомы. Всем нам пришлось уже в ходе войны во многом осваивать науку и практику управления войсками» [4. С. 325].

Эта откровенная оценка принадлежит перу Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова. Она увидела свет только в десятом, дополненном издании «Воспоминаний и размышлений».

«В этом вопросе советское командование, – говорится далее, – находилось в менее выгодном положении, чем командование немецких войск, которое к нападению на Советский Союз

имело достаточную практику в управлении войсками в современных условиях.

С ростом общего превосходства наших Вооружённых Сил над немецко-фашистскими войсками возрастало искусство управления живой силой и военной техникой».

Издание «Воспоминаний и размышлений» предварено словами Михаила Александровича Шолохова:

«Жуков был великим полководцем суворовской школы. Он понимал, что на плечи солдата легла самая нелегкая часть подвига...» [4. С. 327]. Эти слова касаются не только Георгия Константиновича, их можно отнести к каждому из прославленных военачальников Великой Отечественной войны, объективно принадлежавших не только к советской, но и к русской полководческой школе, основы и традиции которой были заложены еще задолго до суворовских походов.

В их именах как бы сконцентрировались все подвиги, совершенные на полях сражений. Как имена Александра Невского и Дмитрия Донского ассоциируются с подвигами русских ратников в Ледовом побоище и Куликовской битве, так героизм воинов в Великой Отечественной войне концентрируется в именах советских полководцев: взятие Берлина – это маршалы Жуков и Конев, оборона Ленинграда – генералы Жуков и Говоров, разгром фашистов под Сталинградом – Ерёменко, Чуйков и Рокоссовский. Есть в ряду имён выдающихся советских полководцев и имя нашего земляка – Маршала Советского Союза Фёдора Ивановича Толбухина.

Фёдору Ивановичу суждено было жить в великое время, в расцвете сил и военного таланта он встретил испытания, обрушившиеся на наш народ, – великую и тягчайшую войну против фашизма. Полководец жил этой войной и сделал всё, что было в его силах, для достижения победы. Героические качества характера, проявившиеся в суровом военном противоборстве, выработавшийся полководческий почерк поставили его в ряд выдающихся личностей Второй мировой войны.

В связи с резким обострением стратегической обстановки на южном направлении летом 1942 года был создан Сталинградский фронт, а генерал-майор Ф.И. Толбухин назначен командующим 57-й армией, оборонявшей южные подступы к Сталинграду.

Армии под командованием ярославца удалось довольно успешно выполнить задачи по обороне подступов к городу.

Командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник Ерёмко, с учётом его привычки никому «не завышать оценок» в боевой характеристике, отмечал: «...Крупной операции 57-я армия не вела, поэтому давать полную характеристику т. Толбухину не могу. Порядок в армии неплохой. Лично т. Толбухин – подготовленный генерал и с обязанностями командующего армией справляется, но несколько переоценивает врага и преувеличивает его силы...» [3. С. 446].

При этом необходимо отметить, что, по данным штабов Сталинградского и Донского фронтов, численность группировки германских войск оценивалась от 180 до 210 тыс. человек, а впоследствии оказалось, что она насчитывала 330 тыс. человек. Командующий имел своё мнение о численности войск противостоящего противника. Может быть, это оказало положительное влияние на оборонительные действия 57-й армии.

Об этом приходится говорить для того, чтобы напомнить, как осторожно надо подходить даже к самым авторитетным источникам и суждениям. Их можно правильно оценить и сделать обоснованные выводы, только сравнивая с другими суждениями и сверяя с логикой исторических событий.

Соединениям 57-й армии пришлось сражаться с 4-й танковой армией, которая была повернута на Сталинград с Кавказского направления. В сложных условиях Фёдор Иванович осуществил умелое оперативное построение войск с учётом, прежде всего, обеспечения противотанковой устойчивости обороны. Учитывая то, что немецкие танковые соединения, встретив сильное сопротивление, обычно не продолжали атак и быстро совершали маневр для удара на других направлениях, командующий, несмотря на острый недостаток сил и средств, стремился иметь в глубине сильные резервы, оснащённые противотанковыми средствами, что могло помочь быстро ликвидировать прорывы противника. В результате замысел немецкого командования овладеть Сталинградом ударом с юга был сорван, армия под командованием Толбухина удержала основные оборонительные рубежи.

В ходе тяжелейших оборонительных сражений командующий 57-й армией стремился сберечь силы и настойчиво го-

товил их к наступлению. С началом общего контрнаступления под Сталинградом его армия успешно выполнила задачи по окружению, расчленению и уничтожению группировки противника.

Ф.И. Толбухин всегда очень строго и критично оценивал как свои решения, так и действия подчинённых войск. Учитывая успехи и ошибки, постоянно анализировал приобретённый опыт, настойчиво совершенствовался сам и наращивал боевое мастерство командиров.

В марте 1943 года Фёдор Иванович Толбухин назначается командующим фронтом и до конца войны командует фронтами: Южным, 4-м и 3-м Украинскими. Войска фронтов под его командованием освобождали Донбасс, южные районы Украины, Крым, Молдавию, Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию и Австрию.

Руководство войсками Южного фронта генерал-полковник Ф.И. Толбухин начал с подготовки и проведения в июле 1943 года Миусской наступательной операции. Основная задача здесь состояла в том, чтобы сковать войска группы армий «Юг» и не допустить переброски резервов в район Курского выступа, где происходили решающие сражения. При благоприятном развитии обстановки и предполагалось во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разгромить донбасскую группировку противника.

В первый же день наступления наши войска, прорвав оборону, продвинулись до 5–6 км и захватили плацдарм на западном берегу реки Миусс. Это вынудило гитлеровское командование перебросить в полосу действий Южного фронта крупные силы из-под Харькова. Мощными ударами противнику удалось выбить наши войска с плацдарма и отбросить их в исходное положение. Однако цель операции была достигнута, так как удалось ослабить напор противника на Курском направлении. Но сам Фёдор Иванович был недоволен результатом и потребовал от подчинённых сделать необходимые выводы, особенно с точки зрения повышения эффективности ведения разведки и надёжности огневого поражения противника.

Данный опыт был учтён при подготовке Донбасской наступательной операции. Начав наступление 18 августа 1943 года, войска фронта на главном направлении прорвали оборону

противника на глубину до 10 километров. Командующий немедленно ввёл в сражение 4-й мехкорпус, который уже на следующий день продвинулся до 20 километров, расчленив вновь сформированную 6-ю армию немцев на две части. С выходом в оперативную глубину обороны противника Фёдор Иванович предпринимает смелый оперативный маневр: вводит в сражение 4-й гвардейский кавалерийский корпус с поворотом его на юг и наносит неожиданный удар на таганрогском направлении. Для быстрого наращивания усилий и развития наступления он перегруппировывает на это же направление соединения 4-го мехкорпуса. Действуя в тесном взаимодействии с Азовской военной флотилией, войска Южного фронта разгромили группировку противника и освободили Таганрог. 6-я армия немцев оказывается под угрозой нового «Сталинграда» и начинает отступление к реке Молочной. 8 сентября 1943 года советские войска освободили Донецк.

Чтобы не дать противнику закрепиться на Молочной, генерал армии Толбухин, несмотря на усталость войск и истощённость материальных запасов, по требованию Ставки 26 сентября организует и практически без оперативной паузы начинает Мелитопольскую операцию. Но из-за сильного сопротивления противника и недостаточной подготовленности наступления прорыв обороны шёл очень трудно. Не дал должных результатов и преждевременный ввод в сражение танкового и механизированного корпусов. После тщательного анализа сложившейся обстановки Ф.И. Толбухин пришёл к выводу, что командующий 6-й армией генерал-полковник Холидт перебрасывает значительные силы с южного фланга на северный. Фёдор Иванович перегруппировывает основные силы в противоположном направлении и наносит массированный удар по ослабленной группировке противника, что в конечном счёте и предопределило успех. 28 сентября вверенные ему войска внезапным ударом прорвали укрепления противника и, преодолев Восточно-Сербские горы, вышли к реке Мораве. Действия объединений и соединений развёртывались на широком фронте, на самостоятельных направлениях, разобщённых большими расстояниями и связанных между собой лишь общим оперативным замыслом. Тем не менее, Фёдор Ива-

нович спокойно и уверенно руководил войсками. После напряжённых боёв 23 октября войска фронта овладели Мелитополем.

Наиболее яркой страницей полководческой деятельности маршала Фёдора Ивановича Толбухина считается Ясско-Кишинёвская наступательная операция, проведённая во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта и Дунайской военной флотилией. По плану, разработанному Генеральным штабом, предполагалось войсками 3-го Украинского фронта нанести главный удар на Кишинёвском направлении. Однако командующий фронтом, исходя из того, что противник ждёт удара именно на этом направлении, предлагает нанести удар с крайне неудобного для действий войск Кицканского плацдарма на Днестре. Решение было одобрено Ставкой. Впоследствии расчёт советского полководца полностью оправдался. Командующий немецкой группой армий «Южная Украина» генерал-полковник Фриснер, будучи убеждённым, что главный удар будет нанесён на Кишинёвском направлении, держал здесь свои основные резервы даже после начала наступления.

В этом его убедила дезинформация, умело проведённая Толбухиным на Кишинёвском направлении. За всё время войны это была наиболее масштабная дезинформация, вошедшая в историю военного искусства. Цель её была сполна достигнута.

Благодаря обману противника и тщательной подготовке наступления в целом операция с самого начала развивалась успешно. Во взаимодействии со 2-м Украинским фронтом была окружена и уничтожена крупная группировка германских и румынских войск. Высокоманевренные действия 46-й армии позволили стремительно войти в Бухарест и помочь патриотическим силам, восставшим против фашистского режима.

Успешные действия советских войск создали благоприятные условия для полного изгнания гитлеровцев с Балкан. За умелое и грамотное руководство войсками при проведении Ясско-Кишинёвской стратегической операции Фёдору Ивановичу Толбухину было присвоено звание «Маршал Советского Союза».

Теперь ему предстояло организовать освободительный поход в Болгарию для изгнания из страны остатков гитлеровских войск. В ходе боевых действий предстояло решать очень сложные военно-политические, дипломатические и оперативно-

стратегические задачи, и здесь Фёдор Иванович показал недюжинные способности.

8 сентября войска фронта перешли румыно-болгарскую границу. Одновременно радио начало передавать обращение Толбухина к жителям страны: «Болгары! Красная Армия не имеет намерений воевать с болгарским народом и его армией, так как она считает болгарский народ братским народом. У Красной Армии одна задача – разбить немцев и ускорить срок наступления всеобщего мира...» [3. С. 450].

На следующий день в стране вспыхнуло народное восстание, и власть перешла в руки комитетов Отечественного фронта Болгарии. Надежды нашего командования на то, что болгары не станут воевать за интересы Германии, оправдались. Всего за десять дней без крупных боёв немецко-фашистские захватчики были выбиты с территории страны. Операция по освобождению Болгарии была осуществлена без пролития крови братского для нас народа.

Отличительным признаком операций, проведённых Фёдором Ивановичем, является применение новых методов маскировки и дезинформации противника. Для большей убедительности по приказу командующего фронтом на ложном направлении имитировалось сосредоточение стрелкового и механизированного корпусов и артиллерийской дивизии. Реальные действия резервных войск сочетались с выставлением большого количества макетов боевой техники. Районы имитации реально прикрывались истребительной авиацией и зенитной артиллерией. Параллельно проводилось много других мероприятий по введению противника в заблуждение. На наш взгляд, именно комплексный подход к проведению мероприятий по маскировке и дезинформации противника во многом предопределил успех действий советских войск.

Важной отличительной чертой в данных операциях стало устойчивое управление коалиционной группировкой сил с участием советских, югославских и болгарских войск. Характер действий освободителей во многом предопределялся горным рельефом местности. Здесь особое значение приобретала способность наступающих к маневру на окружение и уничтожение врага. Подобные действия требуют от командиров всех степеней

проявления самостоятельности и инициативы. Подчинённые Фёдора Ивановича умело справились со сложной задачей.

Так получилось, что именно войскам под командованием Маршала Ф.И. Толбухина пришлось выдержать одно из самых масштабных контрнаступлений, предпринятых гитлеровцами в финале войны. Стремясь во что бы то ни стало прикрыть подступы к Южной Германии, фашистское командование попыталось в марте 1945 года в районе озера Балатон отбросить войска 3-го Украинского фронта за Дунай. Для этого было сосредоточено большое количество подвижных войск, позволившее врагу создать более чем двойное превосходство в танках и штурмовых орудиях.

Приказ из Москвы был категоричен и требовал в сложившихся условиях перехода к обороне. Выполняя его, Толбухин сумел верно определить направление наступления главных сил противника – в полосах обороны 4-й гвардейской и 26-й армий, где сосредоточил свой резерв – два танковых, механизированный, кавалерийский корпуса и стрелковую дивизию. Кроме того, маршал, стремясь свести к минимуму потери, уделил большое внимание тщательной подготовке войск и органов управления к отражению массированных ударов авиации и танков. Он прекрасно понимал чувства солдат и офицеров, шедших под вражеский огонь, когда война явно клонилась к завершению. «Я длительное время работал с Фёдором Ивановичем Толбухиным, – вспоминал генерал-лейтенант Н.Е. Субботин, – он, как никто, берёт личный состав армии-фронта, всегда стремился добыть победу малой кровью» [3. С. 448].

С первых же рассветных часов 6 марта 1945 года сражение приобрело крайне ожесточённый характер. Бывало, что противник бросал в атаку одновременно до 350 танков и штурмовых орудий. Не имея в первой линии обороны ни танков, ни самоходных орудий, наши войска отвечали огнём артиллерии и ударами с воздуха. Толбухин чутко улавливал и пунктуально отслеживал динамику событий. Как только определилось направление главного удара противника, он приказал выдвинуть на заранее подготовленные оборонительные позиции и подвижные резервы. Сюда же с второстепенных направлений были переброшены артиллерийские части. Примечательно, что в ходе ожесточённых оборонительных сражений маршал Толбухин су-

мел сохранить необходимые силы и средства для перехода в наступление и проведения Венской операции.

Военные историки отмечают наиболее характерную черту Балатонской оборонительной операции – резкую и частую смену обстановки. В течение девяти дней сражения противник пытался прорваться то на одном, то на другом направлении. Но везде его встречали мощные ответные удары. С 15 марта противник прекратил атаки и под непрерывным давлением войск 3-го Украинского фронта стал поспешно отводить свои войска. Вот когда пригодились предусмотрительно сохранённые Толбухиным в резерве 9-я и 4-я гвардейские армии. Именно они, по замыслу Ставки, должны были сыграть роль ударной группировки в предстоящем наступлении на Вену. Начавшееся 16 марта, оно оказалось внезапным для противника. Маршал всё время наращивал удар. На третий день операции к 9-й и 4-й гвардейским армиям присоединилась 6-я гвардейская танковая армия. Уже в первых числах апреля советские войска вышли к австрийской столице.

Желая сохранить Вену, её исторические и культурные памятники, Фёдор Иванович обратился к населению города с призывом помогать советским воинам и не позволить фашистам крушить город. На седьмые сутки боёв войска фронта полностью овладели Веной.

26 апреля 1945 года командующий маршал Ф.И. Толбухин «за умелое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями большого масштаба, в результате которых достигнуты выдающиеся успехи в деле разгрома немецко-фашистских войск», был удостоен ордена «Победа» [2].

В ходе этих сражений Гитлер назначил командующим группой армий «Юг» генерала Велера, а затем – Рендулича, который, кстати, после войны написал одну из лучших книг по управлению войсками. Но они не смогли противостоять военному искусству маршалов Толбухина и Малиновского.

На заключительном этапе войны полководческий талант Фёдора Ивановича Толбухина проявился, прежде всего, в умении предвидеть развитие событий, ставить себя на место противника, соединять отдельные задачи в единое целое. По словам

Макиавелли, «ничто не делает полководца более великим, чем проникновение в замысел противника».

Искусство полководца проявляется не в броских формах оперативного маневра или других необычных способах действий войск, а прежде всего в проявлении огромной силы воли, непреклонной решимости выполнить поставленную задачу, чёткой организации и твердости управления.

Волевые и организаторские качества Фёдора Ивановича, проявленные на заключительном этапе войны, особенно ярко показали его способность настойчиво проводить в жизнь принятые решения, неуклонно добиваться выполнения боевых задач, активно бороться за перехват и удержание инициативы, упреждать противника в действиях и умении навязывать ему свою волю.

Фёдор Иванович Толбухин много сделал для завоевания нашей победы и совсем немного прожил после окончания Великой Отечественной войны. Будучи очень больным, он продолжал самоотверженно трудиться на ответственных постах. Как отмечал А.М. Василевский: «В годы войны особенно ярко проявились такие качества Толбухина, как безупречное выполнение служебного долга, личное мужество, полководческий талант, душевное отношение к подчинённым» [1. С. 478]. По многим человеческим качествам, особенно по степенности, солидности, необычайной скромности и доброте, близости к солдатским массам, он напоминал великого русского полководца М.И. Кутузова.

В наше время, когда значительный шаг вперёд сделали наука и военная техника, изучение «полководческого почерка» Ф.И. Толбухина остаётся актуальным. Такие черты военного искусства, как трудолюбие, аккуратность во всём, умение «читать» обстановку и оперативно реагировать на её изменения, досконально планировать подготовку военных действий, не жертвовать бездумно жизнями подчинённых, хотелось бы видеть и в офицерах Российской армии. Дело прославленного советского полководца живёт и будет жить в памяти и делах потомков.

Библиографический список

1. Василевский, А.М. Дело всей жизни [Текст]. – 2-е. изд., доп. – М. : Политиздат, 1975.

2. Военно-энциклопедический словарь [Текст]. – М. : Воениздат, 1984. – 864 с.
3. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления [Текст]. – Т 1, 2, 3. – М., 1995.
4. Гареев, М.А. Полководцы Победы и их военное наследие [Текст]. – М. : Инсан, 2003.
5. Киселёв, А. Полководцы и военачальники Великой Отечественной. Маршал Советского Союза Ф. Толбухин [Текст]. – М., 1979.
6. Кузнецов, П.Г. Маршал Толбухин [Текст]. – М., 1966.
7. Маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин [Текст] // Родина. – 2005. – № 4. – С. 138.
8. Толбухин, Ф.И. [Текст] : биограф. очерк // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1977. – Т. 26.

© М.Ю. Фартунин

Перевозка войск в район вооружённого конфликта (по опыту боевых действий на Северном Кавказе)

Опыт боевых действий на Северном Кавказе показал, что эффективность боевого применения войск в современных условиях во многом зависит от возможности их переброски в район боевых действий. Перевозка войск в решении этой задачи продолжает занимать важное место, успешная перевозка подразделений Воздушно-десантных войск в августе 2008 года военно-транспортной авиацией в Абхазию в кратчайшие сроки изменила обстановку в операции по принуждению Грузии к миру и в целом обеспечила успех при её проведении.

К сожалению, это один из немногих примеров в наше время, когда вопросы подготовки и осуществления перевозки войск решались успешно. Несмотря на то что за время Великой Отечественной войны и в послевоенное время накоплен огромный опыт, в современных условиях его применение крайне затруднено, и это обусловлено, в первую очередь, особенностями современных рыночных отношений. Проблемные вопросы, связанные с финансированием воинских перевозок, остро обозначились ещё в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века при

выводе наших войск с территории европейских государств, хотя денежные средства выделялись из бюджетов этих же государств, например Германии. Но решением этих проблемных вопросов никто тогда не занялся.

Это упущение сказалось уже в конце 1994 года при планировании перевозки войск в Северо-Кавказский регион. Несмотря на то что указания об организации воинских перевозок в Чеченскую Республику транспортом общего пользования исходили непосредственно от начальника Генерального штаба ВС, удалось организовать только после целого комплекса мероприятий. К основным из них можно отнести:

- проведение совместных совещаний с руководством Министерства путей сообщения Российской Федерации, начальниками главных управлений этого министерства, на которых были разработаны мероприятия по подготовке районов погрузки и выгрузки войск и материальных средств и решен вопрос оплаты перевозок в район Чечни фактически в кредит, без выделения денежных средств из бюджета МО РФ (по ВПД Ф-2);

- для организации воинских перевозок было задействовано более 200 станций, в том числе 30 станций на Северо-Кавказской железной дороге, которые в сжатые сроки были подготовлены для погрузочно-выгрузочных работ;

- развёртывание вспомогательного пункта управления воинскими перевозками Генерального штаба ВС на станции и в аэропорту г. Моздок.

В результате было потеряно время, выигранное за счёт перевозки эшелонов с предельно высокими скоростями 1200 км/сут. и более вместо установленных 600–800 км/сут. [1].

Принятые меры позволили организовать и осуществить только в период с 30 ноября 1994 года по 10 февраля 1995 года перевозку в район Чечни 154 воинских эшелонов (около 6 тысяч вагонов) и 670 воинских транспортов (3,6 тысячи вагонов) с боеприпасами, вооружением, военной техникой и другими материальными средствами, из них 2,3 тысячи цистерн с горючим [2].

Воздушный транспорт из-за плохих погодных условий применялся ограниченно.

В ходе выполнения перевозок приходилось оперативно принимать решения по изменению порядка их организации. Так,

перевозку батальона морской пехоты Балтийского флота планировалось выполнить железнодорожным транспортом. В связи с задержкой литовскими властями решения о пропуске эшелона через Литву личный состав и техника батальона были перевезены морем из порта Калининград в порт Санкт-Петербург и далее железнодорожным транспортом в Чечню, батальон перевозился в течение 7 суток.

Для подразделений, следующих из дальних регионов России, например полка морской пехоты Тихоокеанского флота, время перевозки составило 10–15 суток, так как в пути следования была организована санитарная обработка, в том числе и помывка в бане на станциях Омск и Челябинск.

Не обошлось и без происшествий. Так, 20 января 1995 года на станции Таловая Юго-Восточной железной дороги в ходе перевозки воинского эшелона № 11032 из Уральского военного округа произошло возгорание автомобиля, находившегося на головной платформе. В результате взорвались перевозимые в нём боеприпасы, при этом получил ранение машинист-инструктор, были повреждены техника, железнодорожный подвижной состав, контактная сеть, другие технические средства [3].

Это произошло из-за того, что при формировании эшелона на станции погрузки были нарушены нормы прикрытия вагона, следующего с боеприпасами.

Время погрузки эшелонов, как правило, неоправданно превышалось, отдельные эшелоны грузились 8–12 часов вместо 3–4 часов, установленных Наставлением по перевозке войск. Причины длительной погрузки были самыми разными: слабая обученность личного состава правилам погрузки, размещения и крепления техники; неготовность техники и вооружения, воинских грузов к транспортировке железнодорожным транспортом; отсутствие достаточного количества крепёжных материалов (проволока, гвозди, скобы, упорные бруски).

Со второй половины января 1995 года после восстановления движения поездов на железнодорожном участке Прохладная – Червлёная-Узловая и по мере вытеснения незаконных вооружённых формирований из районов, прилегающих к Грозному, выгрузка войск была организована на станциях Терек, Червлёная, Червлёная-Узловая. На период массовой выгрузки воинских

эшелонов на этих станциях были открыты временные комендатуры военных сообщений.

В ходе выгрузки одного из эшелонов на станции Червлёная-Узловая Северо-Кавказской железной дороги 24 января при отражении нападения чеченских боевиков погиб при исполнении своего воинского долга заместитель военного коменданта железнодорожного участка и станции подполковник Валентин Анатольевич Чиликин. Вместе с машинистом локомотива он расцепил вагоны эшелона и вывел со станции часть горящих вагонов, затем отцепил от поезда платформу с горящей боевой машиной пехоты и вывел за пределы станции, тем самым предотвратил потери личного состава выгружаемого эшелона. Вернувшись на станцию и вступив в бой, он получил два смертельных ранения в грудь. Подполковник В.А. Чиликин до конца выполнил свой воинский долг и награждён посмертно орденом «За мужество» [4].

В целом же в районе выгрузки войск количество железнодорожных станций, задействованных для выгрузки, было недостаточным. В связи с этим отдельные воинские эшелоны длительное время простаивали в ожидании выгрузки из-за скопления ранее прибывших под выгрузку эшелонов.

На железнодорожных станциях, не оборудованных для выгрузки вооружения и военной техники, использовались железнодорожные платформы с убранными с одной стороны тележками, а также были установлены сборно-разборные металлические аппарели.

Для планирования и выполнения воинских перевозок на пункте управления Объединённой группировкой войск (сил) был создан центральный командно-диспетчерский пункт (ЦДКП), впоследствии преобразованный в центр управления воинских перевозок (ЦУВП) ОГВ (с), который просуществовал в течение всего периода проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе. Центр организационно состоял из отделов безопасности и планирования воинских перевозок, ЦДКП, пересыльных пунктов в г. Моздоке и на ст. Ханкала. Автор этих строк возглавлял ЦУВП ОГВ (с) с апреля по декабрь 2005 года.

В целях соблюдения заданной Генеральным штабом ВС очередности пропуска поездов с воинскими эшелонами и транс-

портом, принимались оперативные решения об изменении станций выгрузки и объединении воинских эшелонов с транспортом, о других мероприятиях. Для эффективности работы ЦУВП и пересыльных пунктов создавались оперативные группы, на которые возлагались задачи по организации и координированию перевозки железнодорожным и автомобильным транспортом военнослужащих и грузов к местам выполнения боевых задач на территории Чеченской Республики и обратно в пункты постоянной дислокации на всей территории Российской Федерации. К этой работе привлекались офицеры – представители всех силовых структур, взаимодействовавших в ходе участия в боевых действиях. Создание и работа Центра, как штатного подразделения пункта управления ОГВ (с), позволили успешно выполнять все задачи перевозок войск.

Таким образом:

- опыт перевозок войск в Чечню и организация их обеспечения показали, что железнодорожный транспорт по-прежнему является основным видом транспорта при подготовке и в ходе ведения как крупномасштабных боевых действий, так и локальных войн и вооружённых конфликтов;

- в планах боевой подготовки войск целесообразно выделить больше времени практическому обучению личного состава соединений и частей перевозкам железнодорожным транспортом в составе воинского эшелона;

- практика последних лет, и в частности чеченских событий, показывает, что для организации и выполнения требований безопасности при осуществлении воинских перевозок и обеспечения войск всем необходимым целесообразно на пунктах управления группировок, соединений и частей создавать временные, а в особых случаях и штатные органы управления воинскими перевозками.

Библиографический список

1. Трошев, Г.Н. Моя война [Текст] // Чеченский дневник окопного генерала. – М.: Вагриус, 2001. – С. 167.
2. Там же. – С. 169.
3. Батюшкин, С. А. Учат ли уроки Чечни? [Текст] // Солдат удачи. – 2003. – С. 9.

4. Смолкин, С.В. Вспомни и поклонись [Текст]. – Екатеринбург, 2000. – С. 417.

© А.А. Максимов

Оперативное искусство – составная часть военного искусства: развитие в первой половине XX века

Радикальные изменения мировой политической обстановки в значительной степени снизили угрозу возникновения крупномасштабной войны, одновременно повысив вероятность втягивания РФ и других государств в различного рода локальные войны и вооружённые конфликты.

Хотим мы этого или нет, но отношения между государствами, нациями и народами продолжают базироваться на уважении силы: моральной, экономической и особенно военной. Поэтому применение военной мощи или угроза её применения ещё долгое время будут находиться в арсенале политики как средство реализации её целей. Вследствие этого РФ должна быть готова к применению Вооружённых сил в целом или частично для защиты своих интересов территориальной целостности, суверенитета, отражения военной агрессии любого масштаба, исходящей с любого направления [1].

Успешное ведение военных действий армией любого государства невозможно без знания и учёта в своих операциях законов развития военного искусства.

Военное искусство – теория и практика подготовки и ведения военных действий на суше, море и в воздухе.

В настоящее время военное искусство включает в себя следующие составные части: военную стратегию, оперативное искусство и тактику, тесно связанные между собой, взаимозависимые и дополняющие друг друга.

Основные исходные положения военного искусства выражаются в его принципах, общих для военных действий стратегического, оперативного и тактического характера. Основными принципами военного искусства являются:

- постоянная боевая готовность органов управления и войск;

– решительность, активность и непрерывность ведения боя (операции);

– согласованное применение сил и средств родов войск и специальных войск и поддержание непрерывного взаимодействия между ними и др.

Высшей и одной из древнейших областей военного искусства является стратегия, она охватывает теорию и практику подготовки страны, её вооруженных сил к войне, планирования и ведения войны и стратегических операций [2].

Более молодая отрасль военного искусства – оперативное искусство, которое включает в себя теорию и практику подготовки и ведения совместных и самостоятельных операций объединениями видов вооруженных сил.

К основным задачам оперативного искусства в настоящее время относят:

– изучение и определение характера совместных операций;

– изучение и разработку способов подготовки и ведения операций;

– разработку основ (принципов) и практическое осуществление планирования операций в соответствии с задачами, поставленными стратегией;

– изучение свойств и разработку форм организации оперативных объединений;

– разработку основ и практическое осуществление управления войсками в ходе операции.

Оперативное искусство занимает промежуточное положение между стратегией и тактикой и является связующим звеном между ними.

В военной теории многих иностранных государств вместо термина «оперативное искусство» применялись термины «большая тактика», «малая стратегия». С 1982 года в США, а затем и в других странах НАТО оперативное искусство получило официальное признание как составная часть военного искусства.

Общевойсковое оперативное искусство включает в себя: общие основы, определяющие единые принципы и положения оперативного искусства для всех видов ВС; теорию и практику

применения сухопутными войсками совместно с другими видами ВС подготовки и ведения операций общевойсковыми объединениями (фронтовых, армейских, корпусных операций) и основные принципы подготовки и ведения совместных операций [3].

Особое значение в современном оперативном искусстве приобретает разработка способов подготовки и ведения операций в начальный период войны с применением высокоточного оружия и автоматизированных систем управления.

Развитие оперативного искусства, как и военного искусства в целом, исторически определялось способом производства и уровнем развития производительных сил, снабжающих армию вооружением и боевой техникой.

Элементы оперативного искусства появились в войнах начала XIX века, когда зарождалась новая форма военных действий – операция, получившая развитие в войнах второй половины XIX – начала XX века.

Главной ударной силой в указанный период являлись людские массы. Сравнительно немногочисленные армии воюющих государств, включавшие три рода войск – пехоту, кавалерию и артиллерию, решали исход войны одним-двумя генеральными сражениями, проходившими на небольшом пространстве в течение короткого времени.

Во второй половине XIX века быстро развивается капитализм, растут производительные силы. Появившиеся железные дороги позволяют значительно ускорить сосредоточение войск в районах боевых действий; телеграф и телефон дают возможность управлять силами и средствами, действующими на значительном расстоянии.

Войны в начале XX века становятся более сложными и длительными. Наступил новый – машинный период войн. Его характерными чертами являлись: перевод большей части экономики воюющих стран на обслуживание войны, применение на театре военных действий (ТВД) массовых армий, располагающих многочисленной и разнообразной техникой.

Резко изменился и характер вооружённой борьбы. Теперь уже цели войны достигались не одним или несколькими сражениями, а целым рядом таких сражений, связанных единым

замыслом. Так в военном искусстве возникло новое понятие – операция, как комплекс боевых действий, сражений и маневра фронтов и армий, объединённых единым замыслом и направленными к достижению определенных стратегических и оперативных целей.

Исторически первой операцией такого типа принято считать *Мукденскую операцию русско-японской войны 1904–1905 годов* – она характеризовалась широким фронтом боевых действий (свыше 100 км) и большой глубиной развертывания войск (до 60 км), небывалой до этого продолжительностью (две недели), сочетанием разнообразных видов боевых действий (наступление, встречное столкновение, оборона, отход, преследование). В операции с обеих сторон участвовало значительное количество сил и средств (примерно по 300 тыс. чел. и до 1000 орудий с каждой стороны).

В 1912 году русские военные теоретики высказали соображение о необходимости изучать операцию, создав для этого новую теоретическую дисциплину – «оператку» [4].

Дальнейшие коренные изменения в характер вооружённой борьбы внесла Первая мировая война. Военные действия стали складываться из ряда кампаний, а каждая кампания, в свою очередь, из нескольких операций. Чтобы осуществить такие операции, потребовался переход к разделению вооружённых сил на отдельные самостоятельные армии, подчинявшиеся Верховному Главнокомандованию. А армии объединялись во фронты (группы армий).

Однако в Первой мировой войне фронтовые операции ещё не приобрели очертаний оперативной категории и фактически являлись простой суммой армейских операций.

Большое влияние на дальнейшее развитие оперативного искусства оказала *Гражданская война в России*. Операции, проводившиеся Красной Армией, характеризовались большим размахом, решительностью, высокой маневренностью, сокрушительностью ударов. Была решена проблема прорыва обороны противника и развития тактического успеха в оперативный сосредоточением превосходящих сил на избранных направлениях и использованием для этой цели кавалерийских соединений и объединений.

Боевые действия этого периода характеризуются быстрыми переходами от одного вида операций к другому – от обороны к контрнаступлению, а затем и к широкому наступлению. Осуществлялись глубокое вклинение в оборону противника, а также рейды крупных сил конницы в тыл врага.

Командующие фронтами получали свободу решений в рамках общего стратегического замысла и смело осуществляли решительные и глубокие операции. Командующие фронтами и армиями М.В. Фрунзе, К.Е. Ворошилов, М.Н. Тухачевский, С.М. Будённый и многие другие своими практическими действиями по руководству войсками в ходе Гражданской войны закладывали основы оперативного искусства.

В ходе дальнейшего строительства Красной Армии опыт Первой мировой и Гражданской войн был оценён, осмыслен и обобщён отечественными теоретиками, были определены особенности такой отрасли военного искусства, как подготовка и ведение операций. Отечественная военная наука сумела глубоко вскрыть новые явления в военном деле и выделить оперативное искусство в самостоятельную отрасль военного искусства. Опыт подготовки и ведения операций армиями и фронтами этого периода был изучен, обобщён и изложен в наставлении «Высшее командование. Официальное руководство для командующих и полевых управлений армий и фронтов» (1924 г.), в Полевых уставах 1925 и 1929 годов. Термин «оперативное искусство» в Красной Армии начал применяться в 1922 году, а деление советского военного искусства на стратегию, оперативное искусство и тактику было закреплено в 1926 году.

После Гражданской войны большой заслугой отечественного оперативного искусства явилась разработка в 30-х годах теории глубокой наступательной операции.

Красная Армия переживала в указанный период бурный процесс механизации. Быстро совершенствовались авиация и танки, появились Воздушно-десантные войска. Оперативные объединения приобрели новые качества. Выросли возможности огневых средств по точности стрельбы и дальности поражения противника. Артиллерия была в состоянии взломать подготовленную оборону противника и обеспечить успешный прорыв танков и моторизованной пехоты через тактическую зону по-

строения его войск. Возрос темп прорыва обороны противника, а использование моторизованных стрелковых соединений после прорыва тактической зоны и применения оперативных воздушных десантов позволяло в быстром темпе развить тактический прорыв в оперативный, переносить боевые действия в глубину расположения противника. Высокий темп наступления ударных группировок армии и фронта позволял превзойти скорость передвижения сил и средств обороняющегося противника. Открывалась объективная перспектива громить противника по частям и достигать в наступательных операциях решительных целей.

Впервые теория дала командующим и оперативным штабам чёткое и объективно-правильное представление о характере боевых действий будущей войны и определила наиболее эффективные способы и формы подготовки и ведения глубоких операций в создавшихся условиях [5].

Высокий уровень развития теории военного искусства перед Великой Отечественной войной позволил нашим командующим фронтами и армиями, несмотря на самые неблагоприятные условия начала военных действий, уже в июле 1941 года организовать и осуществить очень важные операции под Смоленском и на Украине, похоронившие гитлеровские расчёты на «молниеносную войну». К концу 1941 года оперативное мастерство наших военачальников проявилось в проведении решительных контрнаступательных операций сначала под Тихвином и Ростовом, а затем в битве под Москвой.

Победа в Великой Отечественной войне доказала преимущество отечественной военной стратегии и отечественного оперативного искусства над искусством немецко-фашистской армии. Классическими стали операции по окружению и уничтожению крупных группировок противника, начиная с битвы под Сталинградом, быстрое форсирование крупных стратегических водных рубежей, таких как реки Днепр, Висла, Одер, непрерывное наступление на большую глубину, приводившее к полному развалу всего стратегического фронта немецко-фашистских войск и, наконец, взятие крупнейших укрепленных городов (Кёнигсберг, Будапешт и др.).

В Великую Отечественную войну оперативное искусство успешно решило проблему прорыва обороны противника и раз-

вития успеха в оперативный на основе тесного взаимодействия всех сил и средств, участвующих в операции.

Значение опыта в области оперативного искусства, полученного в годы Великой Отечественной войны, настолько велико, что мы, изучая в новых условиях подготовку и ведение операций, в значительной степени опираемся на него.

Библиографический список

1. Основные положения военной доктрины РФ [Текст] // Военная мысль. – 1993.
2. Словарь военных терминов [Текст] / Сост. А.М. Плеханов. – М. : Воениздат, 1988. – 335 с.
3. Радзиевский, А.И. Основы советского военного искусства [Текст]. – М. : ВАФ, 1974. – С. 100–111.
4. Клаузевиц, Н. О войне [Текст]. – М. : Воениздат, 1936.
5. Подготовка и ведение военных действий в локальных войнах и вооружённых конфликтах : Военно-теоретический труд [Текст]. – М. : ВА ГШ, 1993. – С. 8–381.
6. Наставление по подготовке и ведению военных действий ВС РФ. – Ч. I.
7. Материалы военно-научной конференции руководящего состава ВС РФ [Текст] // Военная мысль. – № 1 (43). Спец. выпуск. – М., 1994.

© М.А. Рутковский

Участие ярославских профсоюзов в снабжении населения продовольствием в годы Великой Отечественной войны

В трудные военные годы не прекращалась разносторонняя работа профсоюзов по защите интересов трудящихся. Более того, в новых экстремальных условиях войны и военной экономики её формы стали значительно разнообразнее. Необходимо было налаживать снабжение продуктами и предметами первой необходимости по карточкам, изыскивать продовольственные ресурсы и расширять продовольственную базу за счёт индивидуального и коллективного огородничества, создавать подсобные хозяйства, противостоять расхищению продовольственных и промышленных товаров.

В мае 1942 года как в ВЦСПС, так и в ЦК всех отраслевых профсоюзов появились новые структурные подразделения – отделы рабочего снабжения (ОРСы), а в первичных профорганизациях – различные комиссии ОРСа при ФЗМК для организации действенного общественного контроля за состоянием снабжения на предприятиях, в школах и училищах трудовых резервов, для наведения порядка в магазинах, столовых и подсобных хозяйствах. Как правило, состав комиссий избирался на общих собраниях или конференциях, перед которыми они ежеквартально отчитывались о проделанной работе.

ОРСы сыграли существенную роль в решении продовольственной проблемы, а находившиеся в их ведении подсобные хозяйства предприятий являлись одним из основных источников снабжения заводских и фабричных столовых. Нередко они создавались на базе уже существовавших ранее хозяйств. Так, при Рыбинском катерозаводе в ведении ОРСа в 1942 году находилось лишь небольшое пригородное хозяйство площадью 24 гектара. Но в следующем году ОРСу передали целый совхоз в Мышкинском районе с 1320 гектарами земли, включая 571 гектар пахоты, 270 гектаров естественных сенокосов и 300 голов скота. Поскольку хозяйство находилось в упадке, туда на длительное время послали группу работников-специалистов во главе с председателем завкома профсоюза А.М. Мыльниковым. Кроме того, ОРС ежегодно закупал сельхозпродукты в колхозах Мышкинского и Некрасовского районов, организовав там пять закупочных пунктов.

В 1942 году в ведении ОРСа рыбинских судостроителей находились продовольственный и промтоварный магазины, столовая и парикмахерская, а чуть позднее заработали сапожная и швейная мастерские. Для приёма урожая 1943 года капитально отремонтировали имевшиеся при заводе три овощехранилища ёмкостью 250 тонн каждое, а в 1944 году два таких же овощехранилища построили на территории подсобного хозяйства [1]. Для сравнения заметим, к примеру, что значительно меньшее по площади подсобное хозяйство более крупной по численности работников ярославской фабрики «Красный Перекоп» (250 гектаров) давало в 1942 году на одного производственного рабочего 16 кг картофеля и 29 кг овощей, а в 1944 году – 122 кг картофеля и 73 кг овощей [2].

За 1941–1944 годы общая площадь посевов подсобных хозяйств при фабриках и заводах Ярославской области возросла с 3513 до 20 885 гектаров, или почти в 6 раз, в том числе посевов картофеля – в 13 раз, овощей – в 8 раз, зерновых – в 4 раза, а численность крупного рогатого скота за тот же период увеличилась в этих хозяйствах с 664 до 2920 голов – в 4,4 раза. В 1944 году подсобные хозяйства области получили 28 769 ц картофеля и овощей вместо 4071 ц в 1941-м, или в 7 раз больше, а также 15 370 ц молока против 6300 ц в начале войны [3].

Вся эта продукция целиком шла на улучшение общественного питания в столовых различных предприятий. При этом состоявшийся в марте 1944 года XII пленум ВЦСПС обязал все профсоюзные органы, включая и созданные при фабрично-заводских комитетах комиссии по рабочему снабжению, обеспечить действенный общественный контроль за работой столовых, магазинов, подсобных хозяйств и «повести решительную борьбу за улучшение общественного питания и снабжения рабочих и служащих» [4].

Существенным дополнительным источником снабжения населения продовольствием в военные годы являлось также индивидуальное и коллективное огородничество (как, между прочим, и в ряде других воевавших стран). И профсоюзы далеко не ограничивались лишь его популяризацией и разъяснением порядка организации огородов.

5 января 1942 года ВЦСПС принял специальное постановление, поддержавшее соответствующую инициативу по развёртыванию огородничества. А в очередном постановлении по данному вопросу от 13 марта 1943 года подчёркивалось, что «обеспечение рабочих и служащих земельными участками, заготовка сельскохозяйственных удобрений и мелкохозяйственного инвентаря, своевременное проведение весенне-полевых работ на индивидуальных огородах является важнейшей задачей профсоюзных организаций» [5].

На местах, в том числе в Ярославской области, этими вопросами занимались специальные огородные комиссии, создававшиеся первичными профсоюзными организациями предприятий и учреждений. Комиссии распределяли участки, вели большую организационную работу, оказывали помощь в приоб-

ретении семян, сельхозинвентаря, привлекали агрономов и других специалистов сельского хозяйства для проведения консультаций, бесед и оказания практической помощи.

Важно заметить, что вся эта разносторонняя деятельность профсоюзов в военные годы совпала по времени – и не случайно – с введением в стране карточной системы снабжения населения продовольственными и промышленными товарами, став достойным вкладом в решение продовольственной проблемы.

Библиографический список

1. *Беляков, Ю.П.* Рыбинские корабли : Документальные очерки истории головного завода объединения [Текст]. – Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1981. – С. 94–95.
2. *Герасимов, Н.В., Карасёв, С.М., Тарасов, Е.П.* Красный Перекоп. 1922–1972 [Текст]. – Ярославль, 1972. – С. 261.
3. Очерки истории Ярославской организации КПСС (1938–1965) [Текст] / под ред. В.Т. Анискова. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. – С. 98.
4. История профсоюзов России. Этапы, события, люди [Текст]. – М. : АТиСО, 1999. – С. 251.
5. ЦДНИ ЯО (Центр документации новейшей истории Ярославской области). – Ф. Р-2559. – Оп. 1. – Д. 65А. – Л. 16.

© С.В. Заец

Ещё раз о Варшавском восстании

К 65-летию антифашистского восстания в Варшаве 1944 года

Восстание в оккупированной столице Польши в августе–октябре 1944 года входит в летопись значимых событий Великой Отечественной войны. Оно упоминается в мемуарах многих советских и зарубежных военачальников, государственных деятелей. О Варшавском восстании написано немало воспоминаний очевидцев.

На протяжении последних двадцати лет вопрос широко обсуждался в советской и польской историографии. Присутствуют самые противоположные оценки военной ситуации того

времени и позиций сторон. Тем не менее, всегда представляет ценность «свежий взгляд» на проблему, с учётом позиций разных государств, оценок разных авторов.

Восстание началось 1 августа 1944 года силами Армии Крайовой (АК), подчинённой польскому правительству в эмиграции. Красная Армия в то время уже перешла государственную границу СССР и успешно развивала наступление на территории Польши. В июле 1944 года 1-й Белорусский фронт под командованием генерала К.К. Рокоссовского подошёл непосредственно к польской столице. Однако советские силы были, по свидетельствам военачальников, сильно измотаны, – солдаты прошли без отдыха более 600 километров, тыловые части отстали на 400 километров. Неожиданно от местных жителей командование и советскому руководству становится известно, что в оккупированной Варшаве началось антифашистское восстание [1].

Официальными целями организаторов восстания было освободить город от немецких оккупантов и помочь Красной Армии развернуть наступление. Однако ещё в то время в СССР и Великобритании понимали, что за этим скрывается желание начать восстание непосредственно перед вступлением туда советских войск, чтобы противопоставить им свою администрацию [2]. В случае, если советское командование не признает представителей польского эмигрантского правительства как законную власть или попытается арестовать их, предполагалось с помощью имеющейся радиостанции организовать «скандал мирового масштаба». В целом, если посмотреть документы польского командования, можно сделать вывод, что восстание было направлено не только против гитлеровцев, но и Красной Армии. По словам польского главнокомандующего К. Соснковского, такие действия должны были «противостоять планам Сталина, продемонстрировать волю к борьбе за независимость, потрясти мнение демократического мира, подтолкнуть англосаксонских союзников и друзей Польши к поддержке программы возвращения её суверенитета» [3]. Причём, как указывал Соснковский, в изгнании фашистов следует действовать самостоятельно, независимо от Москвы, чтобы не стать «кандидатами новой неволи» [4]. Очевидно, что такие установки имели широкое хождение в польских эмигрантских кругах в связи с опасениями, что «в мас-

сах появилась склонность рассматривать Советы как освободителей от немецкого террора» [5].

Совершенно очевидно и то, как подтверждают все исследователи, что руководители восстания не продумали план и последовательность военных действий, вопросы снаряжения и боеготовности АК, варшавского населения к такой трудной операции. Не говоря уже о том, что не просчитали, как это повлияет на дальнейшие боевые действия Красной Армии, деятельность антигитлеровской коалиции в целом. Хотя, как ни странно, польские деятели предполагали идти дальше вместе с советскими войсками [6].

Нужно отметить, что далеко не все члены польского эмигрантского правительства разделяли идею о восстании. Сам премьер С. Миколайчик долго сомневался в целесообразности начала восстания именно в данный момент. Хотя в своих мемуарах он оправдывает эту акцию, утверждая, что Москва неоднократно призывала поляков к восстанию, и вот они наконец решились на это [7]. А. Бень, член кабинета министров и заместитель делегата ПЭП вице-преьера Я. Янковского, изначально также не очень надеялся на победу. По его словам, трезвомыслящие политики должны были понимать, что советско-польские дипломатические отношения были прерваны, поэтому надежда на помощь Красной Армии была весьма сомнительной. И сам командующий АК Т. Бур-Коморовский в частном разговоре с А. Бенем сказал, что запасов вооружения и продовольствия хватит лишь на две недели, связь со штабом К.К. Рокоссовского установить не пытаются, только отдан приказ наблюдать с крыш домов за советскими действиями [8]. При этом с союзниками также не было никакого соглашения или заверений о поддержке.

Начало восстания вызвало патриотический подъем у бойцов и населения. К военным действиям присоединилась и Армия Людова (АЛ) – военная организация польской рабочей партии, сотрудничавшей с СССР. Поэтому в первые дни у повстанцев наблюдались значительные успехи. Были захвачены многие важнейшие пункты города. Но немецкие части под командованием Э. фон де Баха-Зелевского срочно подтянули свои силы и начали решительно уничтожать сопротивление. Специально из Италии были доставлены дивизия «Герман Геринг» и

две эсэсовские дивизии. Для немецкого командования Варшава была исключительно важным стратегическим объектом, через который лежал прямой путь на Берлин. При первых значительных трудностях руководство восстания обратилось к англо-американским союзникам с просьбой о помощи. Через них начали просить о поддержке советских войск, стоявших за Вислой.

Хорошо известно, как отреагировал И.В. Сталин на известие о начале восстания. Сначала он просто не поверил, что дело обстоит серьезно. «Крайова Армия поляков состоит из нескольких отрядов, которые неправильно называются дивизиями. У них нет ни артиллерии, ни авиации, ни танков. Я не представляю, как подобные отряды могут взять Варшаву, на оборону которой немцы выставили 4 танковые дивизии...» [9]. В послании британским союзникам он указывал: «Никакое командование в мире, ни английское, ни американское, не может мириться с тем, чтобы перед фронтом его войск было организовано в его городе восстание без ведома этого командования и вопреки его оперативным планам» [10].

Однако советское правительство, ради польских патриотов и союзников, сделало многое, чтобы поддержать восставших. Несмотря на то что Красная Армия сама нуждалась в обмундировании и продовольствии, было сброшено немало грузов в районы, где сражались повстанцы. Но поскольку сбрасывать приходилось на небольшой высоте (в целях более точного попадания), из парашютов раскрывались немногие, а вещи разбивались или попадали к немцам. Командование Войска Польского даже организовало десант, который, однако, тут же пресекли немцы. В свою очередь командование АК фактически не стремилось наладить связи с советским командованием. Известны факты, например, когда Т. Бур-Коморовскому были посланы два парашютиста для установления связи, но тот их не принял, и они погибли. Руководство АК стремилось не допустить контактов населения и АЛ с Красной Армией. Именно поэтому они отступили с береговой линии в центр города. В самый критический момент Т. Бур-Коморовский и его штаб не приняли во внимание предложение об эвакуации на противоположный берег Вислы. Среди ветеранов Армии Людовой существует мнение, что капитуляция 2 октября [11] была подписана, поскольку главной цели

восстания достичь было уже невозможно, и предпочитали лучше сдаться в плен немцам, чем допустить полное взаимодействие с советскими войсками и нести ответственность перед ними [12].

Можно сделать вывод об ответственности командования АК и польского эмигрантского правительства за варшавскую трагедию. На это указывает совершенно непродуманная подготовка. Кроме того, непонятно, на что они надеялись, если не считали нужным устанавливать связь с советским командованием. Ведь было известно, что англо-американские союзные войска в данный момент осуществляли операции в Италии и поэтому не могли оказать непосредственной помощи. Скорее, предполагалось, что У. Черчилль и Ф. Рузвельт смогут как-то повлиять на И.В. Сталина, чтобы тот оказал помощь в должной мере, но в 1944 году это было сделать весьма сложно. В итоге из-за авантюризма руководства восстанием был исполнен приказ Гитлера сравнять Варшаву с землёй [13]. Из 40 тыс. солдат АК убито 15 тыс., 25 тыс. ранено, около 200 тыс. солдат и гражданского населения отправлено в концлагерь в Прушкове [14]. Организаторы восстания создали дополнительные проблемы для Красной Армии. Привлекая усиленное внимание немцев к польской столице, они вынудили их ещё более укрепить оборону на этом участке. В итоге взятие польской столицы затянулось ещё на три месяца.

Действия советского командования трудно объяснить простым полякам, для которых непонятно, почему Красная Армия стояла на противоположном берегу и не оказала помощи восстанию. Этим пользуются польские политики и историки, цель которых – представить действия СССР в негативном свете. По такому поводу К.К. Рокоссовский отметил в интервью британскому корреспонденту А. Верту: «Неужели вы считаете, что мы не взяли бы Варшаву, если были бы в состоянии это сделать?». Даже немецкие генералы, например, Г. Гудериан, были убеждены, что Красную Армию сдерживала оборона немцев, а не желание ликвидировать восстание [15]. Но российским исследователям хорошо понятны планы советского руководства. Не было смысла рисковать, бросать армию, которая прошла без отдыха огромное расстояние, на хорошо укрепленный немецкий

плацдарм на противоположном берегу Вислы, чтобы способствовать осуществлению авантюрных планов командования АК.

В Польше, для историков которой уже около 20 лет характерен «радикальный патриотизм», тем не менее, существуют разные точки зрения на необходимость и итоги восстания. Недавно вышел сборник публикаций историков и очевидцев тех событий, посвящённый 65-й годовщине восстания под названием «Кулисы катастрофы Варшавского восстания». Главный сюжет – несвоевременность действия и ответственность руководителей за трагедию польской столицы. Проф. П. Вечоркевич, например, сделал интересный вывод: «Поляки все виновны в трагедии Варшавы в 1944 году. Виновны своей политической глупостью» [16].

А. Бень в своих воспоминаниях подвёл итог: восстание не достигло никаких целей. «Не достигло военной цели, так как не победило немцев и не вызволило Варшаву от их власти. Не достигло политической цели, так как не вернуло в столицу польского правительства и не противопоставило люблинскому комитету и России независимого и суверенного польского правительства, сформированного на польской земле польскими политическими государственными интересами». «Борьба солдат и повстанцев, – констатировал А. Бень, – была напрасной, напрасными стали все понесённые жертвы». Т. Любельский рассуждал в том же духе: «Разве восстание приблизило хотя бы на один день окончание войны... сократило войну хотя бы на одну ночь?» [17]. У организаторов восстания результаты получились противоположные целям. АК и немецкие дивизии понесли потери, и это было выгодно Красной Армии, стоявшей на правом берегу. Даже польские эмигрантские деятели вынуждены были признать, что восстание было напрасным и ошибочным решением.

Дискуссии о варшавском восстании в мире не прекращаются с конца 1980-х годов. Это событие Второй мировой войны до сих пор вызывает политические трения, негативно влияя на развитие российско-польских отношений. Однако точки соприкосновения в отношениях двух стран всё же присутствуют. Действуют российско-польские культурные общества, проходят российско-польские круглые столы по дискуссионным темам [18], выходят совместные сборники, в том числе и по наиболее острым проблемам Второй мировой войны [19].

Примечания

1. См. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления [Текст]. – Т. 3. – М., 1990. – С. 170.

2. В то время Советский Союз после известия о гибели в Катыни более десяти тысяч польских военнопленных разорвал дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством в Лондоне. В июле 1944 года он уже подписал соглашение с Польским комитетом национального освобождения, образованным из просоветски настроенных деятелей. После значительных побед Красной Армии и начала освобождения Польши советское правительство действовало, фактически игнорируя существование польского правительства. В то время силы, подчинённые ПЭП, не предпринимали никаких существенных действий против Германии, ограничивались мелкими диверсионными актами (по выражению И.В. Сталина, «сидели по лесам»). См.: Protokół z rozmowy premiera S.Mikołajczyka z premierem J.Stalinem. 1944 sierpień 3 // Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku. Lata 1939–1945. T. IV: W 2 cz. // Historia XIX i XX wiek / red. nauk. Szaflika J.R., Turkowskiego R. Pułtusk, 2000. S. 342, 344). Над ними нависла угроза того, что после окончания войны поляки в Лондоне не только останутся «не у дел», но и вообще не смогут вернуться на родину. Поэтому полякам в эмиграции представлялось необходимым предпринять нечто экстраординарное, чтобы вернуться к власти в Польше и заставить СССР с ними считаться*.

3. Duraczyński, E., Turkowski, R. O Polsce na uchodźstwie. Rada Narodowa Rzeczypospolitej Polskiej 1939–1945. – Warszawa, 1997. – S. 175; Duraczyński E. Gorkie prawdy o Powstaniu Warszawskim. Zeszyty Historyczne. Zeszyt 150. – Paryż, 2005. – S. 186.

4. Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski 1864–1945. Londyn, 1960. – S. 486.

5. Цит. по: Kowalski, W.T. Wielka koalicja (1941–1945). T. 2. – S. 248.

6. Instrukcja rządu RP dla dowództwa Armii Krajowej i Delegata Rządu w Kraju w sprawie akcji «Burza» // Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku... – Cz. 2. – S. 225–227; Armia

Krajowa w dokumentach. – T. 1. – S. 11, 73; Назаревич, Р. Варшавское восстание. 1944 год. – М., 1989. – С. 16, 33, 42–43.

7. Mikołajczyk, S. Polska zgwałcona. – Warszawa, 2005. – S. 57, 61.

8. Kulisy katastrofy Powstania Warszawskiego. 1944. Wybrane publikacje i dokumenty // <http://www.powstanie.pl/>

9. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945. – Т. 1. – М., 1989. – С. 290–291; Черчилль, У. Вторая мировая война. – Кн. 3. – М., 1991. – С. 400.

10. Русский архив. Великая Отечественная. СССР и Польша. К истории военного союза. – Т. 14 (3-1). – М., 1994. – С. 248.

11. Tekst układu o poddaniu Warszawy (Текст договора о сдаче Варшавы) // Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku... – Cz. 2. – S. 370–373.

12. Русский архив. Великая Отечественная. – Т. 14 (3-1). – М., 1994. – http://militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/03.html

13. За исключением района в центре, где находилась немецкая администрация.

14. II wojna światowa. – S. 415; Примерно такие же данные называл У.Черчилль., см.: Черчилль, У. Указ. соч. – С. 407.

15. Верт, А. Россия в войне 1941–1945. – М., 1967. – С. 642.

16. Kulisy katastrofy Powstania Warszawskiego. 1944. Wybrane publikacje i dokumenty // <http://www.powstanie.pl/>

17. Цит. по.: Duraczyński, E. Gorkie prawdy o Powstaniu Warszawskim. – S. 186–187.

18. Например, группа по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений; российско-польский семинар «Роль и значение региональной истории в современной российской и польской историографии» (Екатеринбург, 2008).

19. Например, Варшавское восстание 1944 в документах из архивов спецслужб. – Варшава; Москва, 2007. – 1137 с.

* Редакция не разделяет уклончивые выводы статьи автора

Решающий вклад СССР в разгром милитаристской Японии

2 сентября 1945 года подписанием акта о капитуляции Японии завершилась Вторая мировая война. О решающем вкладе СССР в разгром милитаристской Японии, как чисто военном факторе, не раз заявляли государственные и военные деятели различных государств, как враги, так и друзья Советского Союза. Так, например, руководитель Северной Кореи Ким Ир Сен писал, что «великая победа Советского Союза во Второй мировой войне, разгром империалистической Японии Красной Армией обеспечили освобождение нашей страны от длительного колониального гнёта и открыли перед корейским народом путь к новой, свободной жизни» [1]. А военное командование США, понимая, что война с Японией может затянуться на длительное время, в меморандуме комитета начальников штабов США президенту Рузвельту отмечало: «Вступление России в войну как можно скорее... необходимо...» [2]. И политическое руководство Японии понимало роль Советского Союза. Руководством страны отмечалось, что «сейчас, когда империя сражается против США и Англии, наше положение зависит от того, вступит ли в войну Советский Союз» [3].

Однако после Второй мировой войны, предав это забвению, и те, и другие предпринимают все меры для того, чтобы умалить этот очевидный факт. Они стараются доказать, что Япония якобы была разбита раньше вступления в войну Советского Союза. Так, например, в США, Англии, самой Японии и ряде других государств широко используется термин «война на Тихом океане», позволяющий изображать события так, будто военные действия на Тихоокеанском театре были только американской борьбой, совершенно не связанной с участием Вооружённых Сил СССР в разгроме милитаристской Японии.

Однако США и Англия, ведя боевые действия с Японией на море, несмотря на отдельные успехи, не смогли нанести ей решающего поражения. Не принесли ожидаемых успехов и массированные удары с воздуха по промышленным и другим объектам Японии. Генерал Маршалл – начальник штаба армии США отмечал, что «военно-воздушные силы самостоятельно не смогут вывести Японию из

войны, как не смогли они решить этой задачи в войне с Германией» [4]. Основной силой, на которую делало ставку в то время руководство Японии, стремясь затянуть войну и добиться приемлемых для себя условий мира, были её сухопутные войска. И только вступление в войну Советского Союза могло решительным образом изменить дальнейший исход Второй мировой войны на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Поэтому США и Англия добивались от Советского Союза решения о его активном участии в разгроме Японии.

Несмотря на то что Советский Союз нёс всю тяжесть борьбы с фашистской Германией, советское руководство на Крымской конференции в феврале 1945 года дало согласие главам союзнических государств не позднее двух-трех месяцев после капитуляции фашистской Германии принять активное участие в разгроме дальневосточного агрессора. Это было продиктовано и тем, что было необходимо обеспечить безопасность дальневосточных границ Советского Союза, восстановить историческую справедливость, вернув незаконно отторгнутые в конце XIX века Южный Сахалин и Курильские острова, оказать помощь Китаю и другим странам в борьбе за национальное освобождение.

В период войны с фашистской Германией Япония, грубо нарушив пакт о нейтралитете, развернула у дальневосточных границ СССР мощную Квантунскую армию, готовую в любую минуту развязать военные действия крупного масштаба. Это вынуждало Советский Союз держать на Дальнем Востоке войска, что оказало влияние на сроки завершения разгрома вермахта. С учётом этих обстоятельств разгром Квантунской армии Японии являлся для Советского Союза логическим продолжением Великой Отечественной войны.

Но Япония была готова к затяжной войне. Так, к августу 1945 года она довела численность сухопутных частей до 5,5 млн чел., имея 169 пехотных и 4 танковые дивизии. Кроме того, у неё были 15 авиационных дивизий и 109 боевых кораблей основных классов [5]. Реально оценивая военно-политическую обстановку и соотношение сил и средств, сложившиеся на Тихом океане, военное командование США и Англии сознавало, что для разгрома Японии без СССР потребуется пятиллионная армия, а война против неё затянется на неопределенно долгое время.

9 августа 1945 года советские войска начали активные боевые действия против Японии. Вооруженные Силы СССР согласно замыслу Ставки Верховного Главнокомандования должны были, прежде всего, в короткий срок разгромить наиболее сильную и боеспособную группировку японских сухопутных войск в Азии – миллионную Квантунскую армию, участия которой в сражении за японскую метрополию так опасались США, а также японские войска на Южном Сахалине и на Курильских островах. С этой целью были запланированы Маньчжурская стратегическая наступательная операция как решающая, а также Южно-Сахалинская наступательная и Курильская десантная операции.

Маньчжурская стратегическая наступательная операция в сущности воплотила в себе богатейший боевой опыт, приобретенный в длительной вооруженной борьбе с таким сильным противником, как вермахт. Вследствие этого ей были присущи такие черты, как внезапность, предельная мощь первых ударов для захвата стратегической инициативы, решительные действия по окружению, расчленению и уничтожению группировок противника. В этой операции впервые очень широко советскими войсками использовались и сыграли большую роль в достижении разгрома противника воздушные десанты.

В то время когда советские войска были уже готовы для решающего удара по Квантунской армии, США была сброшена атомная бомба на японский город Хиросиму, а в день перехода советских войск в наступление – на город Нагасаки. И это было не стремление нанести поражение Японии. Погибли в основном мирные люди. Это уже была предпринята попытка шантажа Советского Союза по решению вопросов послевоенного переустройства мира по лекалам США. Однако атомное оружие, как хотели бы это показать США, не стало главным фактором капитуляции Японии. Как показывает исторический анализ, только боевые действия советских войск, которые разгромили Квантунскую армию, вынудили Японию капитулировать. «Вступление утром сегодня в войну Советского Союза, – заявил на заседании Высшего военного совета премьер-министр Японии Судзуки, – ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны» [6].

И даже самурайский кодекс «бусидо», воспевающий слепое повиновение императору, культ военной силы, милитаристский дух, воспитывавшийся в японском солдате, не выдержал единоборства с массовым героизмом, мужеством и отвагой, умением воевать советских воинов.

Главными итогами войны с Японией стало то, что была устранена военная угроза для Советского Союза на его дальневосточных границах, были возвращены исконно русские земли: южная часть Сахалина и все прилегающие к ней острова, Курилы, восстановлены исторические права на территории, отторгнутые Японией в 1904–1905 годах.

Но победа Красной Армии имела и международное значение, и в первую очередь для ряда государств Азии. Так, например, временное присутствие советских войск в Маньчжурии парализовало планы США по организации прямого вооруженного вмешательства во внутренние дела Китая.

Давая отпор различного рода фальсификаторам, которые хотели бы доказать «исключительные» заслуги американских вооруженных сил и их «главную» роль в победе над Японией и тем самым умалить роль советско-германского фронта во Второй мировой войне, а также перечеркнуть решающее значение операций Красной Армии по разгрому основной группировки сухопутных войск Японии и вынуждению Японии к капитуляции, которая означала окончание Второй мировой войны, мы не оспариваем, что боевые действия американско-английских войск в бассейне Тихого океана имели большое значение в разгроме японского флота. Но мы должны отметить ряд моментов.

Во-первых, действия американских войск на Тихом океане являлись составной частью Второй мировой войны. И судьба происходящих там сражений зависела от исхода борьбы на решающем направлении – на советско-германском фронте, так как каждое поражение немецко-фашистских войск радикально меняло военно-политическую обстановку и определяло степень активности Японии. А США не торопились в угрожающее для СССР время, когда немцы успешно продвигались к Москве, открывать второй фронт. И только советские войска нанесли поражение немецко-фашистским войскам, изменив соотношение сил воюющих коалиций.

Во-вторых, когда вступила в войну с Японией Красная Армия, только потери в людях за двадцать три дня в Японии составили одну треть её общих потерь [7]. Мировая военная история не знает столь быстрого краха огромной армии. И американская армия, имея абсолютный перевес в технике и вооружении, господствуя в воздухе и на море, за три года войны с Японией не смогла провести ни одной операции, подобной Маньчжурской.

В-третьих, разгром Квантунской армии советскими войсками лишил Японию военно-промышленной базы на континенте, необходимой для продолжения войны. А США и Англия не смогли этого сделать за три предыдущих года.

Таким образом, разгром милитаристской Японии — это знаменательная победа, за которую советский народ заплатил большую «цену» кровью своих солдат и офицеров, но именно Советский Союз внёс решающий вклад в исход Второй мировой войны, поставив последнюю «точку» в её окончании разгромом Квантунской армии и вынуждением Японии к безоговорочной капитуляции. И этого нельзя забывать. Это часть нашей славной истории, которую никому не дано переделывать.

Библиографический список

1. *Ким Ир Сен*. Избранные статьи и речи [Текст]. — М., 1962. — С. 129.
2. История Второй мировой войны 1939–1945 [Текст]. — Т. 11. — 1980. — С. 213.
3. *Хаттори, Т.* Япония в войне 1941–1945 [Текст]. — М., 1973. — С. 545.
4. История Второй мировой войны 1939–1945 [Текст]. — Т. 11. — 1980. — С. 158.
5. Там же. — С. 174–175.
6. История войны на Тихом океане [Текст]. — Т. IV. — М., 1959. — С. 209.
7. Там же. — С. 305.

© В.Т. Анисков

«Мясомолочный» авантюризм Н.С. Хрущёва. К реабилитации А.Н. Ларионова и В.П. Зенина

После XX съезда КПСС началась огульная критика сталинского этапа советской истории, которая вскоре вылилась, мягко говоря, в элементарно безграмотную хрущёвскую программу построения за двадцать лет «потребительского коммунизма» в стране. Уже в мае 1957 года на собрании колхозников в Ленинграде он бросил клич: «Догнать и перегнать Америку!», в первую очередь по производству мясомолочных продуктов, и тем самым открыл путь к обществу изобилия, то есть к заглавной цели партии.

Всё это сопровождалось прямым давлением на местных руководителей, председателей колхозов и само крестьянство, вплоть до форсированного превращения их сельхозартелей в убыточные совхозы. Тотальная кампания против приусадебных хозяйств мотивировалась дальнейшим огосударствлением общественного производства и борьбой с частнособственническими пережитками. В лучшем случае мелкие артели искусственно объединялись в колхозы-гиганты — прообраз несостоявшихся агрогородов.

Мясомолочная авантюра стартовала на Рязанщине, но не по её прямой инициативе, как можно прочесть во многих былых и современных изданиях. Рязанская область вышла из войны очень ослабленной даже в сравнении со схожими регионами, такими как Ярославская область, в том числе по сельскому хозяйству. В Рязани до сих вспоминают, что ещё Сталин, получив очередную сводку о состоянии дел в стране, строго заметил: «До каких пор мы будем терпеть эту (рязанскую) провальную яму под Москвой? Послать туда кадрового секретаря».

Им оказался Алексей Николаевич Ларионов, бывший первый, после Н.С. Патоличева, секретарь Ярославского обкома партии военных лет. К 1945 году он вывел сельское хозяйство Верхневолжья на передовые позиции в стране, отозван после окончания войны и назначен заместителем начальника управления кадров ЦК ВКП(б), в конце 1948 года стал первым секретарём Рязанского обкома партии. Ему тогда шёл всего лишь 41-й год. В неполных 33 года, когда он стал первым секретарём Яро-

славского обкома партии, возглавил северо-восточный тыл Москвы, где, как отмечал Г.К. Жуков, гитлеровцы планировали завершить окружение столицы.

По поручению Сталина и в послевоенных условиях новому руководству удалось быстро переломить ситуацию в Рязанской области, причём на передовые позиции здесь было выведено не только сельское хозяйство, но и промышленность. Стала вырисовываться и та «трагическая авантюра», которую столь одноимённо оценил известный рязанский историк А.Ф. Агарёв [1]. В его недавно написанной книге приводятся новые архивные документы, в частности, подробные записи второго секретаря Рязанского обкома В.П. Зенина. Он оказался чуть ли не единственным, причём не только в составе местного руководства, кто напрямую, официально и изначально усомнился в происходящем.

Именно поэтому Зенин и был назначен главным «ответственным исполнителем» этого заведомо провального дела. А началось это с телефонного звонка Ларионова Хрущёву 31 декабря 1959 года: областная партконференция приняла обязательства – увеличить предстоящую заготовку мяса государству до 75 тысяч тонн, или выполнить 1,5 годового плана. Вслед за ответной благодарностью первого секретаря ЦК уже 2 января в Рязань без уведомления прибыл некто Мыларщиков – заведующий сельхозотделом.

На срочном заседании бюро обкома было заявлено: «Политбюро по согласованию с Н.С. Хрущёвым, рассматривая ваше обязательство, пришло к единому согласию рекомендовать рязанцам дать не 75 тысяч тонн, а 150 тысяч тонн мяса, или три годовых плана, и выступить с обращением на всю страну... Надо всколыхнуть все республики, все области. Тогда мы действительно догоним США.

...Мы тут долго советовались с А.Н. Ларионовым (тот, кстати, и не скрывал, каким образом его «убеждали») и пришли к выводу, что эти задачи для рязанцев вполне выполнимы. ЦК ваш труд оценит по заслугам. На вас надеется ЦК, и лично Н.С. Хрущёв призывает вас на этот трудный, но нужный и почётный шаг». «Всё это было неожиданно, – продолжается в той же записи. – Члены бюро сидели молча, их бросало то в жар, то в холод.

Предлагалась авантюра, но каждый боялся возразить.

Первым заговорил *Ларионов*:

– Ну, как, члены бюро, дадим 150 тысяч тонн? Раз молчите, значит, принимается такое предложение.

Зенин:

– Эту цифру никто не просчитывал. Хорошо бы прежде посчитать наши ресурсы. 75 тысяч тонн мы не с потолка взяли.

Ларионов (резко):

– Мы с Мыларщиковым хорошо посчитали. Надо дорожить доверием ЦК.

Мыларщиков:

– Переходите на искусственное осеменение.

Зенин:

– У нас нет специалистов.

Мыларщиков:

– Научитесь...

Разговор оборвался, все пошли на совещание. Что произошло там, понять не трудно... Персонально конкретизировали лишь одно – прямую ответственность за организацию выполнения трёх годовых планов по мясу в 1959 году возложили на В. П. Зенина, о единственно открытой позиции которого мы уже сказали.

В январе по настоянию Хрущёва «обязательства» рязанцев опубликовала «Правда». На «вызов», опять-таки под давлением сверху, сразу ответили несколько областей, а вынужденные пересмотры плановых заданий начались повсеместно. Но и первый из ЦК не оставался «в долгу». Рязанцы ещё судорожно выискивали «пути» решения нерешаемой задачи, а на них посыпались обильные награды. В феврале область получила орден Ленина, а сам Ларионов вскоре стал Героем Социалистического Труда. Всего «Золотые Звёзды» непосредственно в Рязани получили 32 передовика, орден Ленина – 235, орден Трудового Красного Знамени – 415, орден «Знак Почёта» – 707, медали – 2092. Общее число награждённых составило 3481 человек, значившихся во всех слоях сельского населения и руководящего состава разных уровней приокского региона.

В обыденной обстановке подобное могло бы и не представлять собой что-то особенное, ибо к началу 1960 года область сама по себе выполнила два повышенных плана мясозаготовок –

свыше 100 тысяч тонн. Трагизм заключался в том (и больше моральный), что подавляющему большинству в городе и на селе, особенно ведущему начальству, была понятна невыполнимость трети его задания. Теперь уже два секретаря обкома – В.П. Зенин и К.Б. Чачин – профессионально, с данными в руках пытались убедить Ларионова в невозможном: «Третий план – авантюра. Она приведёт к недоброму, точнее сказать, к гибели, позору, потому что откроется неизбежное очковитительство».

Загнанный в угол Ларионов только твердил: «Назад ходу нет, вперёд и вперёд. Третий план будем выполнять любой ценой, жертвуя всем, а свои предложения выбросите из головы» [2]. Сегодня можно по-разному и с разных сторон оценивать поведение и трагическую судьбу А.Н. Ларионова в той труднейшей ситуации. «Победивший войну», даже с его редким политическим и иным опытом, наш вчерашний ярославский земляк, а вместе с ним не только Рязанщина, но и вся деревня оказались невероятной жертвой авантюристического молоха. Здесь не подходят ни чувства сострадания, ни слова жалости. Они унизительны для столь мощной и редкостной личности. Хорошо зная её по многим прежним делам, уверен, что вплоть до собственного ухода из жизни Алексея Николаевича волновал только один вопрос: не предать слово, не обвинить других, взять на себя.

Это видно, как потом понял его главный оппонент В.П. Зенин, по завуалированному именно ему телефонному звонку-прощанию в канун организационного пленума обкома в связи с утверждением нового первого секретаря. Была достоверная информация о том, что и на пленуме, и в ЦК вроде бы вовсе не намерены были мстить Ларионову, как, кстати, потом до конца жизни измывались над тем же Зениным^{*}. Его даже намерева-

^{*} А.Н. Ларионов покончил с собой 22 сентября 1960 г. Смерть наступила вследствие отравления большой дозой снотворного – умышленного, в домашнем кабинете.

^{**} Секретарь обкома В.П. Зенин был уволен, долго находился не у дел. Затем дал согласие возглавить колхоз, снова отстранили. Страдая, неоднократно просил восстановления в партии – отказывали в Комитете партийного контроля. Умер тяжелобольным, незаслуженно, а потому предельно обиженным. Как не понять!

лись перевести в Ленинград. О смерти Ларионова долгое время не давалось никакой общероссийской информации. Даже среди членов Политбюро она распространялась кулуарно. Сам же Хрущёв ни тогда, ни впредь и ни в какой мере не взял на себя личной ответственности за совершённое.

Нет необходимости подробно рассказывать о том, как по приказу сверху забивали не только весь приплод, но и большинство молочного стада. Плюсвали к заготовкам под расписку и весь скот, выращенный колхозниками в своих хозяйствах. В счёт выделенных средств массово закупали скот в соседних областях. Позднее всё это было показано в художественном фильме «Секретарь обкома». Причём применительно и к нашему ярославско-рязанскому контексту, который превратился в круговой, вовлекая в себя все регионы России и СССР, хотя и разномасштабно.

Ярославцы, хорошо помнившие Ларионова, пожалуй, больше других не хотели подводить своего славного земляка. Наша область «блистала» тем же, чем и приокские соседи. Первым к «единодушию» примкнул Ярославский сельский район. За ним в феврале 1959 года о готовности сразу же увеличить производство мяса в 2,3 раза объявил Середской район. В общий хор с подобными и более высокими обязательствами включались такие районы, как Пошехонский, Арефинский, Даниловский и др. Уже в ноябре областному совещанию работников сельского хозяйства всей Ярославщины навязали обязательства выполнить за пять лет задания всей семилетки: производство мяса увеличить в 3,8 раза, молока – в 3 раза. Даже «Правда» писала о том, что в ярославской деревне воцарился «чудесный, творческий дух» [3].

В 1959 году область продала государству всего 26 тысяч тонн мяса, а тут сразу в 1960 году нацелилась поднять до 70, а затем до 75 тысяч тонн. В 1961 году на 100 га пашни здесь производилось лишь 18,7 центнера мяса в убойном весе, обязались же к концу семилетки (1965) дать не менее 70. При этом главные надежды возлагались не столько на производство, сколько на весь набор «средств» соседних инициаторов. «Рязанцы закупили 200 тысяч голов молодняка, а мы только 22 тысячи», — сетовал председатель облисполкома А.С. Борисенко [4]. Таковую же позицию занимал и Первый секретарь Ярославского обкома партии Б.А. Баринов, хотя попутно заме-

тим, что в отличие от ярославско-рязанского лидера Ларионова этот вовсе не являлся заметной фигурой.

Все последующие годы семилетки характеризовались не столько приростом, сколько удержанием прежних позиций, а неэквивалентный рост заготовок фактически добивал село, возрождая продразвёрстку. Из произведённого в 1959 году ярославскими колхозами молока 78% было «продано» государству и лишь 22% оставлено на внутривоспроизводственные нужды. Ещё разительнее показатели по мясу – 88 и 12%. При этом закупочные цены оставались намного ниже себестоимости. Более четверти запланированного объёма мяса поставлял так называемый индивидуальный сектор, который в силу забвения решений сентябрьского пленума ЦК 1953 года также начал резко сокращаться. Однако принятые обязательства следовало выполнять общими «неправдами». На всероссийском совещании по проблемам сельского хозяйства в октябре 1960 года среди многих областей, краёв и республик в докладе председателя Совмина РСФСР Д.С. Полянского в числе особо неблагополучной была названа и Ярославская область. При этом по некоторым показателям она даже «опережала» Рязанщину, например, по обилию жалоб с мест в связи с возмутительными проделками по выколачиванию мясо-молочной продукции. Из перечня всякой авантюристичности называлось даже такое, «когда колхозникам давали задание идти в магазины, покупать в очередях мясо и сдавать за колхозы».

Из общего текста того же доклада, в котором Ярославская область совсем не по алфавиту «превосходила» ту же Рязанскую, следовало: «Сплошь и рядом пускают под нож скот без анализа учёта поголовья и последствий этого, скупают много скота и в первую очередь коров у колхозников, у рабочих и служащих, имеющих скот в личном пользовании, и сдают на мясо вместо того, чтобы увеличить воспроизводство. Дают задания по молоку, яйцу лицам, не связанным с животноводством, – предприятиям, школам и даже учащимся. Многие хозяйства сдают маловесный, некондиционный скот. Становятся на путь фальсификации и обмана государства. Об этом свидетельствуют такие факты, что скупают туши в магазинах, скупают молоко у отдельных колхозников, и сдача идёт за определённый колхоз. Выписываются фиктивные квитанции, зачисляют один и тот же

скот в выполнение заготовок. Закупают и в других районах и потом сдают за свой район. И много других фактов».

Всё подобное было осуждено в июне 1961 года на пленуме Ярославского обкома КПСС и предшествовавшем ему собрании областного партийного актива. Вновь здесь выступил член Президиума ЦК Полянский. Но ни он, ни цитировавшийся Хрущёв не признали собственных заглавных ошибок. Более того, одна «верховная авантюра» дополнилась другой – «кукурузно-антитравопольной». Глава правительства РСФСР решительно потребовал вытеснить с полей «малоурожайные культуры», например клевер, и перейти к массовому посеву в северной области южной культуры. Только в этом изложении позиций самого первого секретаря ЦК виделся залог преобразования сельского хозяйства региона и всей страны [5].

Как и в Рязани, по поводу трёх планов возразить посмел только один человек – главный агроном областного сельхозуправления П.А. Смирнов. Он пытался оправдать многолетние травы, хорошо произрастающие на Верхней Волге, которые удачно сочетались в местном севообороте при небольших затратах. Но его грубо прервали, хотя принципиальный коммунист успел заявить: «Я травопольщик, и горжусь этим!». Преданный профессии специалист подвергся настоящей травле. Его сняли с должности, а затем даже с трибуны XXII съезда КПСС обозвали ярким защитником «отжившей системы земледелия». И обобщили на уровне выступления Полянского, что-де «таких Смирновых много в Пскове и Новгороде, в Вологде и Калуге, Смоленске и Кирове, в других областях». И в самом деле, их было немало – большинство, но к ним не прислушались [6].

Характерными для хрущёвских времён оказались претензии и к первому секретарю Ярославского обкома КПСС Б.А. Баринову, проявившему, по словам представителя ЦК Палехина, либерализм и попустительство. Он, мол, не только расплодил «травопольщиков», но и способствовал распространению перечисленных выше авантюрных действий для видимого благополучия в ярославской деревне, в том числе в виде предоставления семенной ссуды в счёт плана заготовок хлеба и покупки его в других областях для выполнения планов заготовок [7]. Баринов

был выведен из состава бюро обкома и освобождён от должности первого секретаря.

Не помогли и другие увлечения, прославившие его «отменным охотником», «гонителем просвещения» и пр. Баринов опередил самого Хрущёва, не успевшего перебазировать на восток ВАСХ-НИЛ, тогда как ярославский областной лидер одним из первых инициативно перевёл в Уссурийск свой сельхозинститут, упразднил Рыбинский учительский, закрыл Некрасовский зооветеринарный техникум, успел уцелеть лишь Ростовский сельскохозяйственный. Сам же Баринов, будучи явно иного, беспринципного социального покроя, не последовал примеру трагического Ларионова. Он вскоре занял руководящее кресло одного НИИ на Алтае.

Из состава бюро «за бездеятельность» был выведен также А.С. Борисенко, освобождённый от должности председателя исполкома областного совета народных депутатов. Он позавидовал было рязанским «успехам» по закупке мяса у соседей. Не у дел оказался и секретарь обкома КПСС В.П. Петров, ведавший сельским хозяйством. Его обвинили в недооценке роли кукурузы, посевы которой занимали 4,8% пашни. «Больше нам не вытянуть», – заявил он. Его же самого совсем легко «вытянули» с ответственной партийной должности [8].

Первым секретарём обкома был избран Ф.И. Лощенков, перед стажировкой в ЦК работавший вторым секретарём Новосибирского обкома партии. Вслед за ним председателем облисполкома стал В.Ф. Торопов. Но это уже другое время. Иные лидеры занимали ответственные посты.

Библиографический список

1. 1950–1960-е гг. А.Н. Ларионов, Н.С. Хрущёв и др.: документы, события, факты. – Рязань, 2005. – С. 15.
2. Там же. – С. 88.
3. Правда. – 1960. – 12 декабря.
4. Северный рабочий. – 1960. – 13 января.
5. Там же. – 12 декабря.
6. XXII съезд КПСС: стеногр. отчёт. – М., 1962. – Т. 2. – С. 36.
7. См.: Северный рабочий. – 1961. – 20 июня.
8. См.: Анисков, В.Т. Россия восстановленная, в зените

мощи, надломе вех в контексте ярославского краеведения [Текст]. – Ярославль, 2007. – С. 125.

© М.И. Рыженков

История развития терроризма как угрозы государственности России

К сожалению, терроризм является неотъемлемым элементом в истории любого государства. Это относится и к России. Убийства «неугодных» царей, государственных и других видных деятелей следуют на протяжении всей истории Российского государства. И сегодня терроризм представляет серьезную угрозу для государственности РФ. В Федеральном законе РФ о борьбе с терроризмом, принятом Государственной думой 3 июля 1998 года, говорится, что терроризм – это насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение или угроза уничтожения имущества и других материальных объектов, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые с целью нарушения общественной безопасности, устрашения населения или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и иных интересов: посягательство на жизнь политического или общественного деятеля, совершённое с целью прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, если это деяние осуществлено с целью провокации войны или осложнения международных отношений. Такое определение терроризма совпадает с мнениями видных зарубежных экспертов. Так, например, Уолтер Лакер говорит, что «терроризм – это применение негосударственного насилия или угрозы насилия с целью вызвать панику в обществе, ослабить положение и даже свергнуть должностных лиц и вызвать политические изменения в обществе».

Таким образом, терроризм – это насилие, осуществляемое со стороны оппозиционных группировок, это тактика политической борьбы, характеризующаяся систематическим применением идеологически мотивированного насилия, выражающегося в убийствах, диверсиях, саботаже, похищениях и других действиях, представляющих угрозу жизни и безопасности людей. Такое насилие используется как для устранения конкретных противников, так и для запугивания правительства, партий, общественно-политических и религиозных движений, этнических групп, социальных слоёв во имя достижения определенных политических, религиозных, социально-экономических целей.

История возникновения терроризма достаточно разнообразна в различных странах, но имеет одну «природу» – насилие против личности и создание нестабильности в государстве.

Современный *левый терроризм* зародился в 1960-е годы в Латинской Америке, где под знаменем «городской герильи» развернули свою деятельность многочисленные левые террористические группировки. Первыми по времени появления среди них стали уругвайская «Тупамарос», венесуэльские МИР и ФАЛН, обратившиеся к террору в 1963 году. Надо в этой связи сказать, что 60-е годы, вошедшие в историю знаменитыми «студенческими бунтами», стали датой рождения многих экстремистских группировок по всему миру. Радикально настроенная часть студенчества взяла вместо учебников транспаранты и флаги и пошла отстаивать на улицах свои интересы. Именно в этой среде сформировалось подавляющее большинство первого поколения левых террористов. Ими стали те студенты, которые считали, что против власти надо бороться с оружием в руках – иначе власть их просто не поймёт.

Ультраправый терроризм. Согласно информационным данным, в 1978 году в Италии действовали 38 неонацистских группировок. Это «Ангелы-мстители», «Арийское братство», «Вооружённая фаланга», «Европа чивильта», «Молодая Италия», «Национальный авангард», Национальный комитет очищения Италии, отряды действия имени Бенито Муссолини, отряды имени Адольфа Гитлера, «Палачи Италии», Подпольная антикоммунистическая армия, «Пророки террора», «Черная рука» и др. Все они проповедовали фашистскую идеологию. В

60–70-е годы практически ежедневно они совершали различные злодеяния: производили налёты на помещения демократических организаций, рассылали по почте бомбы левым и либеральным деятелям, нападали на демонстрации и митинги представителей левого лагеря, преследовали эмигрантов из Африки и арабских стран, организовывали другие акции, ставившие целью создать стратегию напряжённости и обстановку хаоса. Членами неонацистских организаций, как правило, являлись молодые люди 26–28 лет, объединённые в ячейки по шесть человек. Двое из них специализировались на провокациях, двое исполняли роль вышибал или стрелков, один – функции наблюдателя и связного, один возглавлял ячейку и координировал её действия с руководством.

Националистический терроризм. Он достаточно широко распространён в мире. Этот вид терроризма характеризуется террористическими действиями группировок, которые стремятся либо добиться независимости от какой-нибудь страны, либо обеспечить превосходство одной нации над другой внутри страны. Например, предыстория конфликта в Ольстере уходит своими корнями в глубину веков. Суть проблемы заключается в следующем: англичане ещё в Средние века завоевали соседний остров – Ирландию. В течение нескольких столетий политика завоевателей привела к тому, что её территория по экономическому и религиозному признакам фактически разделилась на две части: южную Эйре и северо-восточную Ольстер. На юге, где было развито в основном сельское хозяйство, в большинстве преобладали католики. В то же время Ольстер, где среди населения преобладали протестанты, вследствие природных условий, неблагоприятных для сельского хозяйства, и благодаря покровительственной политике английских властей превратился в промышленно развитый район страны. Католическое большинство Ирландии постоянно боролось за предоставление независимости и ради её достижения периодически устраивало вооружённые восстания. Протестантское меньшинство всегда выступало категорически против отделения от Великобритании. Оно с оружием в руках боролось против католических бунтовщиков. Террористические организации националистов относятся к числу наиболее долговечных. Некоторые из них существуют уже

более ста лет, другие – десятки лет. Вообще национализм стал одной из главных сил изменений в мировом сообществе второй половины XX века. Поэтому можно уверенно предположить: националистический терроризм не только не исчезнет в обозримом будущем, но получит ещё большее распространение.

Исламский терроризм. Характеризуя исламский терроризм, главным источником распространения которого являются исламские общественно-религиозные организации Саудовской Аравии, Судана, Ирана, Пакистана и Афганистана, уместно использовать определения «самый» и «больше всех». Действительно, в последние 25–30 лет эти террористы являются самыми фанатичными и самыми активными. Они больше всех взорвали бомб. И ещё им больше, чем каким-либо другим террористам, удаётся влиять на международную политику. Исламские террористические группировки очень широко контактируют между собой. Это обусловлено тем, что у них имеются два близких врага: западный образ жизни и Израиль как государство неверных, оккупировавшее священные земли ислама. Ещё у них общая идеология исламского фундаментализма. Они обладают также весьма мощной финансовой базой за счёт средств радикальных исламских организаций во многих мусульманских странах. Для того чтобы понять сущность исламского терроризма, надо уяснить, что такое исламский фундаментализм. Это форма радикального ислама, связанная с верой в то, что для возвращения исламским странам их бывшего величия правоверные мусульмане должны отказаться от всего того, что связано с западными духовными ценностями и западным образом жизни. Надо вернуться к истокам, к фундаменту ислама, точно в таком виде, каким его проповедовал пророк Мухаммед. Более того, радикальные исламисты убеждены, что сам ислам как религия оказался перед лицом смертельной опасности. Он может исчезнуть, причём не в результате вторжения каких-нибудь крестоносцев, как это бывало в прошлом, а вследствие «западной отравы», то есть обольщения светскими, материалистическими идеями и соответствующим им образом жизни. Западные идеи и модели распространяют неверные среди подражающих им наивных мусульман. Государство эффективно умерщвляет истинный ислам через светское законодательство, парламентаризм, научно-

материалистическое образование, репрессивный аппарат, средства массовой информации. Чтобы спасти ислам и свои души, правоверные мусульмане должны объединиться и захватить власть. Конечной целью исламских фундаменталистов в любой стране является создание теократического государства, управляемого духовенством и руководящегося законами шариата. На сегодняшний день подобного результата фундаменталисты добились в трёх странах: Иране, Судане, Афганистане. Во всех других мусульманских странах они находятся в оппозиции, причём довольно часто их загоняют в подполье (например, в Сирии, Ираке, Алжире, Тунисе), но даже в этом случае радикальные исламисты способны существенно влиять на политическую ситуацию. Основная мысль лидеров исламского терроризма очень проста: «Против тех, кто не соблюдает законы ислама, необходимо сражаться». Идеологи исламского терроризма возводят джихад (священную войну) в ранг шестого столпа ислама, считают, что разрушение силой и насилие представляют форму и метод джихада.

Все это относится к РФ как многонациональной стране, где проживают люди разных национальностей и исповеданий. Поэтому в последние годы РФ переживает активизацию террористической деятельности, и терроризм стал неотъемлемой частью общественно-политической жизни РФ. Это и военные кампании в Чеченской Республике, где потребовалось проведение крупномасштабной контртеррористической операции и вооружённое нападение бандитов под «знамёнами» ваххабитов на Дагестан, и не прекращающиеся преступные действия террористов в Северо-Кавказском регионе РФ и др.

При этом особую озабоченность вызывает тот факт, что терроризм из националистического всё активнее превращается в международный; получает возможность использовать достаточно разрушительное вооружение; создавать определённые незаконные вооружённые формирования и др. Рост масштабов международного терроризма в целом и наметившаяся тенденция использования террористами внушительного арсенала средств поражения, насилия и устрашения создают реальную угрозу не только РФ, но и мировому сообществу для всех без исключения стран, независимо от уровня их финансового состояния и эконо-

мического развития, политического устройства и отношения к религии.

Поэтому мнением российского экспертного сообщества подтверждено единое понимание того, что основу эффективной государственной системы противодействия терроризму составляет совокупность государственных мер профилактики, предупреждения, упреждения, пресечения и ликвидации последствий террористических проявлений, в том числе и с привлечением военной силы. Принятый в РФ закон о борьбе с терроризмом создаёт систему взаимосвязанных норм, определяющих обязанности в первую очередь субъектов российской властной вертикали, в том числе порядок применения Вооруженных сил РФ с предоставлением максимума полномочий Президенту РФ, способствует созданию в государстве эффективной системы по вопросам тактики действий, организационной структуры привлекаемых для нейтрализации этой угрозы частей и соединений ВС РФ. Если бы они не были привлечены к борьбе, например, с терроризмом в Чеченской Республике в конце XX – начале XXI века, историческое развитие России уже продолжалось бы, несомненно, по другому пути. И путь этот был бы кровавым.

Таким образом, можно утверждать, что история развития терроризма показывает, что в огромном комплексе наиболее острых проблем обеспечения устойчивого и стабильного развития российского общества в современных политических, экономических, социальных, правовых и других условиях одной из ключевых является проблема правильного понимания национальной безопасности, разумного подхода к построению системы её обеспечения, в первую очередь, в противодействии терроризму.

<i>Желтобрюх А.С.</i> Противоречивые факты походов Александра Македонского. Исследование, основанное на литературных фактах.....	3
<i>Филиппов Н.П.</i> Русский офицерский корпус как зеркало истории России.....	8
<i>Муняев О.С.</i> Военные реформы в России: история и современность.....	16
<i>Жарков В.В.</i> Культурный уровень военнослужащих в межвоенный период.....	23
<i>Новиков М.В.</i> СССР и война в Испании 1936–1939 годов в исследованиях отечественных и зарубежных историков.....	34
<i>Осьмачко С.Г.</i> Боевое управление в РККА (по опыту локальных войн и военных конфликтов 1929–1940 годов).....	47
<i>Воронова Е.В.</i> Некоторые проблемы агитационно-пропагандистской работы в РККА в ходе боевых действий 1929–1940 годов.....	57
<i>Малахов Д.Н.</i> Аэродромно-техническое обеспечение в советско-финляндской войне 1939–1940 годов.....	61
<i>Анисков В.Т.</i> Ретроспективный взгляд на собственное издание начала 90-х (к 65-летию Победы).....	64
<i>Картавий С.Н.</i> Советская помощь в подготовке кадров для ВВС Народно-освободительной армии Югославии в годы Великой Отечественной войны.....	73
<i>Киселёв А.А.</i> Оперативно-тактическая маскировка в управлении войсками в годы Великой Отечественной войны: проблемы и пути решения.....	84
<i>Товт С.С., Филиппов Н.П.</i> Особенности и опыт обеспечения военнослужащих денежным довольствием в годы Великой Отечественной войны	94
<i>Ласкин С.А.</i> «Полководческий почерк» Маршала Советского Союза Ф.И. Толбухина.....	102
<i>Фартунин М.Ю.</i> Перевозка войск в район вооружённого конфликта (по опыту боевых действий на Северном Кавказе).....	112
<i>Максимов А.А.</i> Оперативное искусство – составная часть военного искусства: развитие в первой половине XX века.....	117

<i>Рутковский М.А.</i> Участие ярославских профсоюзов в снабжении населения продовольствием в годы Великой Отечественной войны.....	123
<i>Заец С.В.</i> Ещё раз о Варшавском восстании. К 65-летию антифашистского восстания в Варшаве 1944 года.....	126
<i>Киселёв К.А., Киселёв М.А.</i> Решающий вклад СССР в разгром милитаристской Японии	134
<i>Анисков В.Т.</i> «Мясомолочный» авантюризм Н.С. Хрущёва. К реабилитации А.Н. Ларионова и В.П. Зенина.....	139
<i>Рыженков М.И.</i> История развития терроризма как угрозы государственности России.....	147

Научное издание

Вестник Верхне-Волжского отделения Академии
военно-исторических наук

Материалы научной конференции

Редактор Г.П. Каргина
Компьютерная вёрстка – Ю.В. Машонина

Подписано в печать 28.12.2009

Формат бумаги 60х92/16
9,8 печ. л., 7,7 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Заказ 11.

Издательство ГОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108

Типография ЯГПУ
150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44